

Сетевой научный журнал

ИССЛЕДОВАНИЕ
ПРОБЛЕМ
ЭКОНОМИКИ
И ФИНАНСОВ
Research in Economic
and Financial Problems

№ 3 | 2026

ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОБЛЕМ ЭКОНОМИКИ И ФИНАНСОВ

№ 3 | 2026

Периодичность издания — 4 номера в год
Выпуск опубликован 30.09.2026

RESEARCH IN ECONOMIC AND FINANCIAL PROBLEMS

№ 3 | 2026

Frequency: Quarterly
The issue was published on 30.09.2026

УЧРЕДИТЕЛЬ:

ФГБОУ ВО Ставропольский государственный аграрный университет

РЕДАКЦИЯ:

Бобрышев Алексей Николаевич

главный редактор, доктор экономических наук, профессор кафедры бухгалтерского учета и аудита, проректор по научной работе и стратегическому развитию, Ставропольский государственный аграрный университет
ORCID: 0000-0001-5039-507X (Ставрополь, Россия)

Костюкова Елена Ивановна

заместитель главного редактора, доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой бухгалтерского учета и аудита, Ставропольский государственный аграрный университет
ORCID: 0000-0003-0626-7462 (Ставрополь, Россия)

Кусакина Ольга Николаевна

заместитель главного редактора, доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой экономической теории и региональной экономики, Ставропольский государственный аграрный университет
ORCID: 0000-0002-3126-6413 (Ставрополь, Россия)

Самойленко Ирина Владимировна

ответственный секретарь, кандидат технических наук, доцент, Ставропольский государственный аграрный университет
ORCID: 0000-0001-6907-1403 (Ставрополь, Россия)

Агаркова Маргарита Михайловна

технический редактор, Ставропольский государственный аграрный университет
ORCID: 0009-0000-9307-3804 (Ставрополь, Россия)

Адрес: 355017, Россия, г. Ставрополь, пер. Зоотехнический, 12

Эл. почта: refp@stgau.ru

Официальный сайт учредителя: www.stgau.ru

Официальный сайт редакции: www.refp-stgau.ru

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации средства массовой информации ЭЛ № ФС77-81185 от 2 июня 2021 г.

FOUNDER:

Stavropol State Agrarian University

EDITORIAL TEAM:

Aleksei N. Bobryshev

Editor-in-Chief, Dr.Sci. (Econ.), Professor of Accounting and Auditing Department, Vice-Rector for Research and Strategic Development, Stavropol State Agrarian University
ORCID: 0000-0001-5039-507X (Stavropol, Russia)

Elena I. Kostyukova

Deputy Editor-in-Chief, Dr.Sci. (Econ.), Professor, Head of Accounting and Auditing Department, Stavropol State Agrarian University
ORCID: 0000-0003-0626-7462 (Stavropol, Russia)

Olga N. Kusakina

Deputy Editor-in-Chief, Dr.Sci. (Econ.), Professor, Head of Department of Economic Theory and Regional Economics, Stavropol State Agrarian University
ORCID: 0000-0002-3126-6413 (Stavropol, Russia)

Irina V. Samoylenko

Executive Editor, Cand. Sci. (Engr.), Associate Professor, Stavropol State Agrarian University
ORCID: 0000-0001-6907-1403 (Stavropol, Russia)

Margarita M. Agarkova

Editor, Stavropol State Agrarian University
ORCID: 0009-0000-9307-3804 (Stavropol, Russia)

Address: 355017, Russia, Stavropol, Zootechnical Lane, 12

E-mail: refp@stgau.ru

Founder website: www.stgau.ru

Journal website: www.refp-stgau.ru

The Journal is registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Communication, Information Technologies and Mass Media. The Mass Media Registration Certificate PI № FS77-81185 dated June 02, 2021.

ИПЭФ

ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОБЛЕМ ЭКОНОМИКИ И ФИНАНСОВ

Научный рецензируемый журнал

Рецензируемый журнал открытого доступа «Исследование проблем экономики и финансов» публикует оригинальные исследовательские и обзорные статьи, отражающие результаты фундаментальных и прикладных исследований в области экономики и финансов.

Целью журнала является обобщение научных и практических достижений российских и зарубежных ученых по следующим направлениям: региональная экономика, экономика сельского хозяйства и АПК, бухгалтерский учет, аудит и экономическая статистика, экономическая безопасность, менеджмент, финансы и экономика сферы услуг.

Задачами журнала являются:

- освещение новейших результатов и передового опыта научно-практической деятельности в разных областях экономики;
- создание единой научной площадки для укрепления научных коммуникаций и связей между учеными;
- повышение доступности результатов научных работ молодых ученых и аспирантов.

Является членом Directory of Open Access Journals (DOAJ), Ассоциации научных редакторов и издателей (АНРИ) и Agricultural Research Information System (AGRIS).

Входит в Белый список научных журналов России (3 уровень).

Зарегистрирован в перечне Высшей Аттестационной комиссии рецензируемых научных изданий (Категория 3).

Индексируется и архивируется в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ).

Материалы журнала доступны по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная

RESEARCH IN ECONOMIC AND FINANCIAL PROBLEMS

Peer-Reviewed Scientific Journal

Peer-reviewed journal **“Research in Economic and Financial Problems”** publishes original research articles and reviews reflecting the results of fundamental and applied research in the field of economics and finance.

The journal aims to synthesize scientific and practical achievements of scholars across the following key areas: regional economics, agricultural and agribusiness economics, accounting, audit and economic statistics, economic security, management, finance and service sector economics.

Journal tasks:

- coverage of the latest results and best practices of scientific and practical activities in various fields of economics;
- establishment of a unified scientific platform for enhancing academic communications and connections among legal scholars;
- increasing the accessibility of research results by young scientists and postgraduate students.

The journal is a member of the Directory of Open Access Journals (DOAJ), Association of Scientific Editors and Publishers (ASEP), Agricultural Research Information System (AGRIS).

Included in Russian White List of Journals (3 level).

The journal is registered in the list of the Higher Attestation Commission of peer-reviewed scientific publications (Category 3).

Indexed and archived in the Russian Index Science Citation.

The materials are available under license Creative Commons «Attribution» 4.0 International

Абрахам Уору Борку	PhD, Факультет географии и экологических исследований, Университет Дебарк, ORCID: 0000-0001-5725-2258 (Дебарк, Эфиопия)
Агаркова Любовь Васильевна	доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры финансов и кредита, Ставропольский государственный аграрный университет, ORCID: 0000-0002-6529-1959 (Ставрополь, Российская Федерация)
Ахмад Азам Сулейман	PhD, Кафедра Шариата и экономики, Академия исламских исследований, Малайский университет, ORCID: 0000-0002-5822-749X (Куала-Лумпур, Малайзия)
Байдаков Андрей Николаевич	доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры менеджмента и устойчивого развития, Ставропольский государственный аграрный университет, ORCID: 0000-0003-3135-957X (Ставрополь, Российская Федерация)
Барыкин Сергей Евгеньевич	доктор экономических наук, профессор, профессор Высшей школы сервиса и торговли, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, ORCID: 0000-0002-9048-009X (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
Вахрушина Мария Арамовна	доктор экономических наук, профессор кафедры бизнес-аналитики факультета налогов, аудита и бизнес-анализа, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, ORCID: 0000-0003-3896-5345 (Москва, Российская Федерация)
Винничек Любовь Борисовна	доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой организации аграрного производства и менеджмента, Санкт-Петербургский государственный аграрный университет, ORCID: 0000-0002-6127-7201 (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
Герасимов Алексей Николаевич	доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической безопасности, бизнес-анализа и статистики, Ставропольский государственный аграрный университет, ORCID: 0000-0002-1244-4755 (Ставрополь, Российская Федерация)
Дышловой Игорь Николаевич	доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры управления персоналом Института экономики и управления, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, ORCID: 0000-0002-6215-0771 (Симферополь, Российская Федерация)
Ерохин Василий Леонидович	PhD в экономике, доцент школы экономики и менеджмента, Харбинский инженерный университет, ORCID: 0000-0002-3745-5469 (Харбин, Китай)
Жан Василь Андрэ	PhD, профессор, член Комиссии по экономическим наукам и управлению бизнесом, Национальный совет по аттестации университетских степеней, дипломов и сертификатов Министерства образования и исследований (CNATDCU), Нефтегазовый университет, ORCID: 0000-0002-8332-6537 (Плоешти, Румыния)
Джонек Шубик	PhD в экономике, Сербская ассоциация агроэкономики (SAAE), Европейская сеть развития сельских районов (ERDN), Исследовательская сеть по экономике ресурсов и ассоциации биоэкономики (RebResNet), Институт экономики сельского хозяйства, ORCID: 0000-0003-1342-1325, (Белград, Сербия)
Киселева Наталья Николаевна	доктор экономических наук, заместитель директора Северо-Кавказского института – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, профессор кафедры государственного муниципального управления и права, ORCID: 0000-0002-5718-4643 (Пятигорск, Российская Федерация)
Коробейникова Лариса Сергеевна	кандидат экономических наук, доцент, проректор по экономике и контрактной службе, заведующая кафедрой экономического анализа и аудита, Воронежский государственный университет, ORCID: 0000-0001-6422-6701 (Воронеж, Российская Федерация)

Майкл Кристиан	PhD, Университет Бунда Мулия, ORCID: 0000-0001-8892-5400 (Северная Джакарта, Индонезия)
Кулагина Наталья Александровна	доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры «Финансовый учет и контроль», Институт кибербезопасности и цифровых технологий, РТУ-МИРЭА, ORCID: 0000-0002-7303-6923 (Москва, Российская Федерация)
Кунин Владимир Александрович	доктор экономических наук, профессор кафедры международных финансов и бухгалтерского учета, Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики, ORCID: 0000-0002-6296-4978 (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
Марко Йолочник	PhD в агроэкономике, Институт экономики сельского хозяйства, ORCID: 0000-0003-4875-1789 (Белград, Сербия)
Павленко Ирина Геннадьевна	кандидат экономических наук, доцент кафедры туризма и сервиса, Ставропольский государственный аграрный университет, ORCID: 0000-0001-6783-6273 (Ставрополь, Российская Федерация)
Панков Дмитрий Алексеевич	доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой бухгалтерского учета, анализа и аудита в отраслях народного хозяйства, Белорусский государственный экономический университет, ORCID: 0000-0003-2898-7225 (Минск, Республика Беларусь)
Парушина Наталья Валерьевна	доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономики и экономической безопасности, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Среднерусский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации), ORCID: 0000-0003-0544-1094 (Орел, Российская Федерация)
Плотников Владимир Александрович	доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры общей экономической теории и истории экономической мысли, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, ORCID: 0000-0002-3784-6195 (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
Прока Нина Ивановна	доктор экономических наук, декан экономического факультета, профессор кафедры экономики и менеджмента в АПК, Орловский государственный аграрный университет имени Н. В. Парахина, ORCID: 0000-0001-9906-1572 (Орел, Российская Федерация)
Рини Гиланг Пуспита	PhD, Факультет Экономики и Бизнеса, Университет Муриа Кудус, ORCID: 0000-0002-3843-6059 (Кудус, Индонезия)
Рудой Евгений Владимирович	доктор экономических наук, профессор, ректор Новосибирского государственного аграрного университета, член-корреспондент Российской академии наук, ORCID: 0000-0003-3311-9991 (Новосибирск, Российская Федерация)
Сацук Татьяна Павловна	доктор экономических наук, профессор, Петербургский государственный университет путей сообщения императора Александра I, ORCID: 0000-0001-5010-202X (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
Скляров Игорь Юрьевич	доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры бухгалтерского учета и аудита, член экспертного совета ВАК Минобрнауки Российской Федерации по экономическим наукам, Ставропольский государственный аграрный университет, ORCID: 0000-0003-3712-4544 (Ставрополь, Российская Федерация)
Склярова Юлия Михайловна	доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры финансов и кредита, Ставропольский государственный аграрный университет, ORCID: 0000-0002-6192-3189 (Ставрополь, Российская Федерация)

Хоружий Людмила Ивановна

доктор экономических наук, профессор, председатель Совета по стандартам бухгалтерского учета Министерства финансов Российской Федерации, президент Института профессиональных бухгалтеров и аудиторов России, директор Института экономики и управления АПК Российского государственного аграрного университета – Московская сельскохозяйственная академия имени К. А. Тимирязева,
ORCID: 0000-0003-3061-1374 (Москва, Российская Федерация)

Чайковская Любовь Александровна

доктор экономических наук, профессор базовой кафедры финансового контроля, анализа и аудита Главного контрольного управления города Москвы Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова,
ORCID: 0000-0002-1292-402X (Москва, Российская Федерация)

Шумакова Оксана Викторовна

доктор экономических наук, ректор Омского государственного аграрного университета имени П. А. Столыпина, профессор кафедры экономики, бухгалтерского учета и финансового контроля,
ORCID: 0000-0003-3647-4497 (Омск, Российская Федерация)

Щербатюк Светлана Юрьевна

кандидат экономических наук, доцент, декан факультета бухгалтерского учета, Гродненский государственный аграрный университет,
ORCID:0000-0001-8814-5367 (Гродно, Республика Беларусь)

Abraham Woru Borku	PhD, Department of Geography and Environmental Studies, Debark University, ORCID: 0000-0001-5725-2258 (Debark, Ethiopia)
Lyubov V. Agarkova	Dr. Sci. (Econ.), Professor of the Department of Finance and Credit, Stavropol State Agrarian University, ORCID: 0000-0002-6529-1959 (Stavropol, Russian Federation)
Ahmad Azam Sulaiman	PhD (Econ.), Department of Syariah and Economics, Academy of Islamic Studies, Universiti Malaya, ORCID: 0000-0002-5822-749X (Kuala Lumpur, Malaysia)
Andrey N. Baidakov	Dr. Sci. (Econ.), Professor, Department of Management and Sustainable Development, Stavropol State Agrarian University, ORCID: 0000-0003-3135-957X (Stavropol, Russian Federation)
Sergey E. Barykin	Dr. Sci. (Econ.), Professor, Graduate School of Service and Trade, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, ORCID: 0000-0002-9048-009X (Saint Petersburg, Russian Federation)
Michael Christian	PhD, Bunda Mulia University, ORCID: 0000-0001-8892-5400 (North Jakarta, Indonesia)
Maria A. Vakhrushina	Dr. Sci. (Econ.), Professor of the Business Intelligence Department of the Faculty of Taxes, Audit and Business Analysis, Financial University under the Government of the Russian Federation, ORCID: 0000-0003-3896-5345 (Moscow, Russian Federation)
Lyubov B. Vinnichek	Dr. Sci. (Econ.), Professor, Head of the Department of Agricultural Production and Management Organization, Saint-Petersburg State Agrarian University, ORCID: 0000-0002-6127-7201 (Saint Petersburg, Russian Federation)
Alexey N. Gerasimov	Dr. Sci. (Econ.), Professor, Head of the Department of Economic Security, Statistics and Econometrics, Stavropol State Agrarian University, ORCID: 0000-0002-1244-4755 (Stavropol, Russian Federation)
Igor N. Dyshlovoy	Dr. Sci. (Econ.), Associate Professor, Professor, Department of Human Resources Management, Institute of Economics and Management, V. I. Vernadsky Crimean Federal University, ORCID: 0000-0002-6215-0771 (Simferopol, Russian Federation)
Vasilii L. Erokhin	PhD (Econ.), Associate Professor, School of Economics and Management, Harbin Engineering University, ORCID: 0000-0002-3745-5469 (Harbin, China)
Jean Vasile Andrei	PhD, Professor, member of the Commission for Economic Sciences and Business Administration, National Council for Attesting Titles, Diplomas and Certificates (CNATDCU), Universitatea Petrol-Gaze din Ploiesti, ORCID: 0000-0002-8332-6537 (Ploiesti, Romania)
Jonel Subić	PhD (Econ.), Serbian Association for Agroecconomics (SAAE), European Rural Development Network (ERDN), Resource Economics Research Network and Bioeconomics Association (RebResNet), Institute of Agricultural Economics, ORCID: 0000-0003-1342-1325 (Belgrade, Serbia)
Natalia N. Kiseleva	Dr. Sci. (Econ.), Deputy Director of North-Caucasus Institute – a branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Professor of the Department of Municipal Public Administration and Law, ORCID: 0000-0002-5718-4643 (Pyatigorsk, Russian Federation)
Larisa S. Korobeynikova	Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor, Vice-Rector for Economics and Contractual Service, Head of the Department of Economic Analysis and Audit, Voronezh State University, ORCID: 0000-0001-6422-6701 (Voronezh, Russian Federation)
Natalya A. Kulagina	Dr. Sci. (Econ.), Professor of the Department of Financial Accounting and Control, Institute of Cybersecurity and Digital Technologies, RTU-MIREA, ORCID: 0000-0002-7303-6923 (Moscow, Russian Federation)

Vladimir A. Kunin	Dr. Sci. (Econ.), Professor of the Department of International Finance and Accounting, Saint Petersburg University of Management Technologies and Economics, ORCID: 0000-0002-6296-4978 (Saint Petersburg, Russian Federation)
Marko Jeločnik	PhD (Agr. Econ.), Institute of Agricultural Economics, ORCID: 0000-0003-4875-1789 (Belgrade, Serbia)
Irina G. Pavlenko	Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor, Department of Tourism and Service, Stavropol State Agrarian University, ORCID: 0000-0001-6783-6273 (Stavropol, Russian Federation)
Dmitry A. Pankov	Dr. Sci. (Econ.), Professor, Head of the Department of Accounting, Analysis and Audit in the Branches of the National Economy, Belarusian State University of Economics, ORCID: 0000-0003-2898-7225 (Minsk, Republic of Belarus)
Natalya V. Parushina	Dr. Sci. (Econ.), Professor, Professor of the Department of Economics and Economic Security, Central Russian Institute of Management – a branch of the Academy of National Economy and Russian Public Administration under the President of the Russian Federation, ORCID: 0000-0003-0544-1094 (Orel, Russian Federation)
Vladimir A. Plotnikov	Dr. Sci. (Econ.), Professor, Professor of the Department of General Economic Theory and History of Economic Thought, Saint Petersburg State University of Economics, ORCID: 0000-0002-3784-6195 (Saint Petersburg, Russian Federation)
Nina I. Proka	Dr. Sci. (Econ.), Dean of the Faculty of Economics, Professor of the Department of Economics and Management in Agro-Industrial Complex, Orel State Agrarian University named after N. V. Parahin, ORCID: 0000-0001-9906-1572 (Orel, Russian Federation)
Gilang Puspita Rini	PhD, Faculty of Economics and Business, Universitas Muria Kudus, ORCID: 0000-0002-3843-6059 (Kudus, Indonesia)
Evgeny V. Rudoy	Dr. Sci. (Econ.), Professor, Rector of Novosibirsk State Agrarian University, Corresponding Member of Russian Academy of Sciences, ORCID: 0000-0003-3311-9991 (Novosibirsk, Russian Federation)
Tatiana P. Satsuk	Dr. Sci. (Econ.), Professor, Emperor Alexander I Saint Petersburg State Transport University, ORCID: 0000-0001-5010-202X (Saint Petersburg, Russian Federation)
Igor Yu. Sklyarov	Dr. Sci. (Econ.), Professor, Professor of the Department of Accounting and Audit, Stavropol State Agrarian University, ORCID: 0000-0003-3712-4544 (Stavropol, Russian Federation)
Yuliya M. Sklyarova	Dr. Sci. (Econ.), Professor, Professor of the Finance and Credit Department, Stavropol State Agrarian University, ORCID: 0000-0002-6192-3189, (Stavropol, Russian Federation)
Liudmila I. Khoruzhy	Dr. Sci. (Econ.), Professor, Chairman of the Council for Accounting Standards of the Ministry of Finance of the Russian Federation, President of the Institute of Professional Accountants and Auditors of Russia, Director of the Institute of Economics and Management of the Agro-Industrial Complex of the Russian State Agrarian University – Moscow Agricultural Academy named after K. A. Timiryazev, ORCID: 0000-0003-3061-1374 (Moscow, Russian Federation)
Lyubov A. Chaykovskaya	Dr. Sci. (Econ.), Professor of the Basic Department of Financial Control, Analysis and Audit of the Main Control Department of Moscow, Plekhanov Russian University of Economics, ORCID: 0000-0002-1292-402X (Moscow, Russian Federation)
Oksana V. Shumakova	Dr. Sci. (Econ.), Rector of Omsk State Agrarian University named after P. A. Stolypin, ORCID: 0000-0003-3647-4497 (Omsk, Russian Federation)

Трансформация поведенческих паттернов инвесторов в условиях эскалации геополитических рисков

Челухина Наталья Федоровна, Мягкова Юлия Юрьевна, Асяева Эльмира Ахметшаевна

Бухгалтерский учет у индивидуальных предпринимателей: использование в обеспечении достоверности налоговых расчетов

Забродин Иван Павлович

Региональная дифференциация и перспективы развития альтернативных источников энергии в Российской Федерации

Урасова Анна Александровна, Федосеева Светлана Сергеевна

Устойчивое региональное лесопользование как объект статистического мониторинга достижения целей глобального развития в рамках реализации национальных проектов (на примере Республики Коми)

Уляшева Лариса Геннадьевна

Полиструктурный динамический подход к исследованию диверсификации экономики северных регионов Российской Федерации

Сибряева Анна Александровна, Тургель Ирина Дмитриевна

ESG-трансформация бизнес-моделей деятельности нефтегазовых компаний в условиях энергоперехода на основе стратегий адаптаций

Оборин Матвей Сергеевич, Кучин Сергей Дмитриевич

Импортозамещение в сфере услуг как фактор обеспечения экономической безопасности региона

Коломенская Юлия Валерьевна, Бардаков Артем Анатольевич

Проблемы развития арктического круизного туризма в Российской Федерации

Ширяева-Бакшевникова Вера Николаевна

Особенности и изменения в процедурах проведения инвентаризации в условиях реформирования нормативной базы бухгалтерского учета

Клычова Гузалия Салиховна, Нуриева Регина Ирековна, Исхаков Альберт Тагирович

Развитие рынка мяса птицы Российской Федерации на этапе формирования независимого экономического развития

Осипян Самвел Вячеславович

Transformation of investors' behavioral patterns in the context of escalating geopolitical risks

Natalya F. Tchelukhina, Yuliya Yu. Myagkova, Elmira A. Asyaeva

Accounting for individual entrepreneurs: use in ensuring the reliability of tax calculations

Ivan P. Zabrodin

Regional differentiation and prospects for the development of alternative energy sources in the Russian Federation

Anna A. Urasova, Svetlana S. Fedoseeva

Sustainable regional forest management in statistical monitoring for achieving global development goals under national projects (A case study of the Komi Republic)

Larisa G. Ulyasheva

A polystructural dynamic approach to the study of economic diversification in the northern regions of the Russian Federation

Anna A. Sibryaeva, Irina D. Turgel

ESG transformation of business models of oil and gas companies in the context of energy transition based on adaptation strategies

Matvey S. Oborin, Sergei D. Kuchin

Import substitution in the service sector as a factor for ensuring regional economic security

Yulia V. Kolomenskaya, Artem A. Bardakov

Problems of developing Arctic cruise tourism in the Russian Federation

Vera N. Shiryaeva-Bakshevnikova

Features and changes in inventory procedures in the context of reforming the regulatory framework for accounting

Guzaliya S. Klychova, Regina I. Nuriyeva, Albert T. Iskhakov

Poultry meat market development in the Russian Federation during the transition to economic independence

Samvel V. Osipyan

Трансформация поведенческих паттернов инвесторов в условиях эскалации геополитических рисков

Челухина Наталья Федоровна

Российский экономический университет
им. Г. В. Плеханова, г. Москва, Россия

SPIN-код: 5987-7606

tchelukhina.nf@rea.ru

Асяева Эльмира Ахметшаевна

Российский экономический университет
им. Г. В. Плеханова, г. Москва, Россия

SPIN-код: 5192-5666

Asyaeva.EA@rea.ru

Мягкова Юлия Юрьевна

Российский экономический университет
им. Г. В. Плеханова, г. Москва, Россия

SPIN-код: 3097-2182

Myagkova.YY@rea.ru

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Челухина Н.Ф., Мягкова Ю.Ю.,
Асяева Э.А.

Трансформация поведенческих паттернов инвесторов в условиях эскалации геополитических рисков. *Исследование проблем экономики и финансов*. 2026;3:287. <https://doi.org/10.31279/REFP-2026-3-287> EDN URUXBY

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ:

авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

ПОСТУПИЛА: 02.03.2026

ДОРАБОТАНА: 18.07.2026

ПРИНЯТА: 31.07.2026

ОПУБЛИКОВАНА ОНЛАЙН: 25.08.2026

COPYRIGHT: © 2026 Челухина Н.Ф.,
Мягкова Ю.Ю.,
Асяева Э.А.

АННОТАЦИЯ

В условиях эскалации геополитической напряженности и макроэкономической нестабильности классические концепции инвестирования, базирующиеся на предпосылке рациональности экономических агентов, демонстрируют ограниченную применимость. При этом существующие классификации инвесторов преимущественно учитывают лишь риск-профиль и недостаточно отражают активность управления портфелем как самостоятельный предиктор успеха в кризис, а также не предлагают интегрированного подхода к анализу эмоциональных фаз реагирования на экстремальные рыночные шоки. Цель исследования — изучить трансформацию поведенческих паттернов российских инвесторов на фоне обострения геополитической нестабильности и выявить механизм воздействия макроэкономических шоков на индивидуальный инвестиционный выбор с учетом психологических аспектов. Исследование основано на комплексном подходе, сочетающем количественный анализ эмпирических данных более 50 000 частных инвесторов, предоставленных крупнейшими российскими брокерами, а также результатов опросов более 15 000 инвесторов, агрегированных данных управляющих компаний и статистики Московской биржи за период 2005–2024 годов, с применением методов сравнительного и статистического анализа для выявления зависимостей между торговой активностью, риском портфеля и успешностью инвестиций в кризисные периоды. Результаты исследования включают разработку двумерной матрицы поведенческих профилей инвесторов, учитывающей готовность к риску и активность управления портфелем, систематизацию фаз эмоциональных реакций, выявление фундаментальной трансформации структуры портфелей с ростом доли защитных активов с 25–45 до 60–85 %, количественную оценку ключевых когнитивных искажений (неприятие потерь — 85, стадное поведение — 60, эффект диспозиции — 70 %), а также оценку методов их коррекции: автоматизация решений показала эффективность 85 %, а комбинированное применение методов — до 90 %. Установлено, что активность управления портфелем является более значимым предиктором успеха в кризис, чем изначальная толерантность к риску. Полученные данные указывают на необходимость модернизации методов инвестиционного консультирования и создания адаптивных систем портфельного управления, интегрирующих психологические факторы в экономический анализ.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: инвестиционный риск, кризисное инвестирование, поведенческие финансы, когнитивные искажения, управление портфелем, финансовый рынок

Transformation of investors' behavioral patterns in the context of escalating geopolitical risks

Natalya F. Tchelukhina

Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia
tchelukhina.nf@rea.ru

Elmira A. Asyaeva

Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia
Asyaeva.EA@rea.ru

Yuliya Yu. Myagkova

Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia
Myagkova.YY@rea.ru

TO CITE:

Tchelukhina N.F., Myagkova Yu.Yu., Asyaeva E.A.
Transformation of investors' behavioral patterns in the context of escalating geopolitical risks. *Research in Economic and Financial Problems*. 2026;3:287. (In Russ.)
<https://doi.org/10.31279/REFP-2026-3-287>

DECLARATION OF COMPETING

INTEREST: none declared.

RECEIVED: 02.03.2026

REVISED: 18.07.2026

ACCEPTED: 31.07.2026

PUBLISHED ONLINE: 25.08.2026

COPYRIGHT: © 2026 Tchelukhina N.F.,
Myagkova Yu.Yu.,
Asyaeva E.A.

ABSTRACT

In the context of escalating geopolitical tensions and macroeconomic instability, classical investment concepts based on the assumption of rationality of economic agents demonstrate limited applicability. However, existing investor classifications predominantly account only for risk profile and insufficiently reflect portfolio management activity as an independent predictor of crisis success, nor do they offer an integrated approach to analyzing emotional response phases to extreme market shocks. The goal of the study is to examine the transformation of behavioral patterns of Russian investors amid escalating geopolitical instability and to identify the mechanisms through which macroeconomic shocks affect individual investment choices, considering psychological aspects. The research is based on a comprehensive approach combining quantitative analysis of empirical data from more than 50,000 retail investors provided by major Russian brokers, as well as survey results from over 15,000 investors, aggregated data from management companies, and Moscow Exchange statistics for the period 2005–2024, employing comparative and statistical analysis methods to identify relationships between trading activity, portfolio risk, and investment performance during crisis periods. The results of the study include the development of a two-dimensional matrix of investor behavioral profiles accounting for risk appetite and portfolio management activity, systematization of emotional response phases (denial, panic, capitulation, adaptation), identification of fundamental portfolio structure transformation with the share of defensive assets rising from 25–45 to 60–85%, quantitative assessment of key cognitive biases (loss aversion — 85, herding behavior — 60, disposition effect — 70%), as well as evaluation of correction methods, among which decision automation demonstrated 85% effectiveness, while combined application of methods increases correction efficiency to 90%. The conclusion confirms that portfolio management activity is a more significant predictor of crisis success than initial risk tolerance, and the obtained data indicate the need to modernize investor advisory methods and create adaptive portfolio management systems that integrate psychological factors into economic analysis.

KEYWORDS: investment risk, crisis investing, behavioral finance, cognitive biases, portfolio management, financial market

ВВЕДЕНИЕ

Финансовые рынки в современных условиях функционируют под воздействием множества дестабилизирующих факторов, ключевыми среди которых выступают геополитические конфликты и макроэкономическая нестабильность. Данные явления существенно трансформируют поведение инвесторов, вызывая пересмотр устоявшихся стратегий распределения активов. Классические концепции инвестирования, базирующиеся на предпосылке рациональности экономических агентов, демонстрируют ограниченную применимость в периоды высокой волатильности и неопределенности. В подобных обстоятельствах возрастает значимость психологических паттернов, которые усугубляют систематические ошибки мышления и эмоциональную составляющую принятия решений.

В мировой научной литературе проблематика поведенческих реакций инвесторов на геополитические и экономические шоки получила значительное развитие. В работе Д. Калдара и др. [1] был предложен индекс геополитического риска (GPR), ставший ключевым инструментом для количественной оценки влияния политической нестабильности на финансовые рынки. Исследования З. Лу и др. [2] показали, что геополитические риски оказывают существенное влияние на финансовое развитие развивающихся рынков, что подтверждает значимость данного фактора для стран с формирующейся рыночной экономикой. В. Б. Ал-яфеи и др. [3] выявили механизмы воздействия геополитической неопределенности на кредитные отношения, что расширяет понимание каналов трансмиссии рисков.

Значительный вклад в развитие поведенческих финансов внесли исследования Р. Ж. Шиллер [4], акцентирующие роль нарративов и эмоциональных факторов в формировании экономического поведения, особенно в периоды рыночных пузырей и кризисов. В работе С. Агарвал и др. [5] было эмпирически подтверждено, что эмоции инвесторов, отражаемые в финансовых нарративах, ассоциированы с 52 % рыночной доходности и 67 % неопределенности в кризисные периоды. Исследования Е. Б. Андреде [6], А. Бреабан и др. [7] с использованием экспериментальных лабораторных рынков продемонстрировали прямую взаимосвязь между эмоциональным состоянием участников и принимаемыми инвестиционными решениями. В работе М. Джорджиа [8] на основе анализа 220 научных публикаций выявлена растущая исследовательская активность в области поведенческих механизмов в экстремальных рыночных условиях.

Зарубежные исследования подчеркивают, что экономические кризисы, обусловленные шоковыми событиями,

демонстрируют общие паттерны, однако периоды восстановления характеризуются значительными страновыми различиями. Особое внимание уделяется каналу трансмиссии геополитических рисков через изменение риск-преференций инвесторов, что особенно ярко проявляется в поведении относительно высокорисковых активов, таких как криптовалюты. Исследования С. Сивапразад и др. [9] показали наличие эффектов перелива геополитических рисков на банковские секторы постсоветских стран, что актуализирует изучение данного феномена на российском финансовом рынке.

В российской научной литературе проблематика трансформации инвестиционного поведения в кризисных условиях также находится в фокусе исследовательского внимания [10]. А. В. Гордиенко и др. [11] анализируют проблему классификации частных инвесторов в контексте влияния экономических кризисов на их финансовое поведение, подчеркивая ограниченность традиционных типологий. Исследования М. Е. Коноваловой и др. [12] посвящены особенностям формирования портфелей розничных инвесторов и выявляют значимость инвестиционного опыта и уровня финансовой грамотности как факторов устойчивости. Работа О. Ю. Ермоловской и др. [13] рассматривает подходы к формированию инвестиционного портфеля в современных условиях с акцентом на адаптацию стратегий к повышенной волатильности.

При всей значимости накопленного научного задела остается недостаточно исследованным вопрос комплексного анализа трансформации поведенческих паттернов инвесторов на российском рынке с учетом специфики геополитической эскалации последних лет. Существующие классификации инвесторов преимущественно базируются на риск-профиле, недостаточно учитывая активность управления портфелем как самостоятельный предиктор успеха в кризис. Требуется дальнейшей разработки систематизация эмоциональных фаз реагирования на экстремальные рыночные шоки с количественной оценкой их влияния на структуру портфелей. Остается открытым вопрос оценки эффективности методов коррекции поведенческих искажений в российских реалиях [14].

Научный пробел данного исследования заключается в отсутствии интегрированного подхода, позволяющего одновременно учитывать психологические реакции инвесторов, активность управления портфелем и структурные сдвиги в распределении активов в условиях эскалации геополитических рисков на российском финансовом рынке.

Цель исследования — изучить трансформацию поведенческих паттернов российских инвесторов на фоне обострения геополитической нестабильности и выявить механизм воздействия макроэкономических шоков

на индивидуальный инвестиционный выбор с учетом психологических аспектов.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Исследование основано на комплексном подходе, сочетающем количественный анализ эмпирических данных с качественной оценкой поведенческих паттернов инвесторов. Материалами исследования послужили данные более 50 000 частных инвесторов, предоставленные крупнейшими российскими брокерами, охватывающие торговую активность, структуру сделок и динамику портфелей в периоды кризисов 2014, 2020 и 2022 годов. Дополнительно использовались результаты опросов более 15 000 частных инвесторов, агрегированные данные крупнейших управляющих компаний России (УК «Первая», УК «Альфа-Капитал», УК «ВИМ инвестиции», УК «Промсвязь», УК «Лидер» и другие), статистика Московской биржи за период 2005–2024 годов, а также научная литература в области поведенческих финансов.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЯ

Анализ воздействия макроэкономических кризисов на фондовые рынки создает основу для понимания механизмов влияния системных потрясений на индивидуальные инвестиционные решения. Если на макроуровне кризисы проявляются через изменение фундаментальных экономических показателей, волатильность индексов и корреляций, то на микроуровне их воздействие анализируется через призму психологических реакций и поведенческих паттернов конкретных инвесторов. Каналы трансмиссии кризисного воздействия на процессы принятия инвестиционных решений характеризуются следующими компонентами: информационный канал, посредством которого негативный новостной поток способствует усилению восприятия рисков; психологический канал, отражающий активацию когнитивных искажений под влиянием стрессовых факторов; а также социальный канал, проявляющийся во влиянии социальных групп и экспертных мнений на принятие инвестиционных решений [15].

Трансформация временных горизонтов становится ключевой характеристикой перехода от макро- к микроуровню. Если макроэкономические индикаторы позволяют прогнозировать кризисы за 6–18 месяцев, то индивидуальные инвесторы реагируют на кризисные сигналы значительно быстрее, часто принимая решения в течение дней или даже часов после получения негативной информации.

Для проведения анализа и прогноза ценообразования, принятия корпоративных решений или выявления будущей динамики биржевых инструментов инвесторы и аналитики могут использовать различные методы

и стратегии. На основе анализа, как правило, инвесторы составляют инвестиционный портфель, в который вкладывают средства для достижения определенных целей. Изучением портфельных теорий и их составлением занимались многие исследователи, которые выдвинули собственные модели анализа или формирования портфеля. Вместе с тем такие способы инвестирования не учитывают эмоциональное состояние инвесторов, а также резкое изменение рыночных трендов, которое проявляется во время экономических кризисов и геополитических шоков [16]. Существуют различные классификации инвесторов, но на практике чаще выделяют три группы: консервативные, рациональные и агрессивные [17].

Консервативные инвесторы нацелены на сохранение капитала и защиту от инфляции. При этом они готовы получать прибыль на уровне ставки по банковским вкладам и не склонны к риску. Для таких инвесторов основной инструмент инвестирования – это бумаги высоконадежных эмитентов, а приоритет чаще всего отдается облигациям. Рациональные (умеренные) инвесторы готовы на небольшой риск, чтобы иметь возможность получать доходность выше ставок по вкладам. При этом они допускают колебания стоимости капитала в кратко- и среднесрочной перспективе ради потенциального дохода. Их портфель в первую очередь формируется из акций и паев инвестиционных фондов, а затем в него уже могут добавляться облигации, депозиты и ETF. Агрессивные инвесторы нацелены на максимальную доходность и готовы использовать высокорисковые инструменты, для получения доступа к которым может потребоваться прохождение специальных тестирований или получение статуса квалифицированного инвестора [18].

Для анализа поведенческих паттернов в экстремальных рыночных условиях авторами разработана двумерная матрица, учитывающая как готовность к риску, так и активность управления портфелем (таблица 1). На основании данных крупнейших брокеров проанализировано реальное поведение более 50 000 частных инвесторов в периоды российских кризисов 2014, 2020 и 2022 годов и установлена зависимость между торговой активностью и риском портфеля.

Матрица поведенческих профилей позволяет выявить определенные закономерности кризисного инвестирования. Наиболее деструктивное поведение демонстрируют инвесторы с низкой активностью и высокой склонностью к риску (ячейка 1.4): они склонны к пассивному удержанию позиций даже при критических потерях, рассматривая кризис как временное явление. Оптимальные результаты показывают высокоактивные инвесторы с умеренной склонностью к риску (ячейки 4.1–4.2), которые систематически проводят ребалансировку в пользу

защитных активов. Таким образом, традиционная классификация по риск-профилю недостаточна для прогнозирования кризисного поведения. Фактор активности управления портфелем оказывается более значимым предиктором успеха, чем изначальная толерантность к риску. Это требует пересмотра подходов к консультированию клиентов и разработки динамических систем управления портфелем, адаптирующихся к изменению рыночных условий.

Кризисные явления на финансовых рынках выступают катализатором проявления закономерностей поведения участников рынка и трансформации инвестиционных стратегий. Понимание психологических механизмов принятия решений в условиях экстремального стресса становится критически важным элементом формирования инвестиционных портфелей [19]. Психология человека

устроена таким образом, что в условиях повышенной неопределенности активизируются механизмы выживания, противоречащие рациональному экономическому поведению. Статистика показывает, что по истечении пяти лет положительная результативность сохранилась только у 5 % из 1020 участников рынка, что подтверждает гипотезу о том, что эмоциональные решения в долгосрочной перспективе приводят к неудовлетворительным результатам [20].

Анализ поведения инвесторов в условиях повышенных рисков выявляет четкую цикличность психологических реакций. Аналитики международной исследовательской компании GfK (Gesellschaft für Konsumforschung) выделили три фазы поведения рынка в период пандемии.

Таблица 1
Матрица поведенческих профилей инвесторов во время кризисной ситуации

Table 1
Matrix of investor behavioral profiles during a crisis situation

Риск снижения стоимости портфеля	Торговая активность инвесторов			
	До 5 ч	5–20 ч	20–40 ч	От 40 ч
До 7 %	1.1 Как только видят небольшое отклонение портфеля, склонны закрывать позиции и выводить деньги. Могут нести потери больше запланированных. Сделки в основном направлены на вывод ликвидности	2.1 Могут провести небольшой оперативный анализ и совершить сделку с небольшой задержкой, потеряв сумму немного больше запланированной. Могут вывести большую долю ликвидности	3.1 Нацелены на сохранение капитала, в связи с этим пытаются продать падающие в цене активы как можно скорее, не дожидаясь сильного изменения тренда	4.1 Активно занимаются ребалансировкой портфеля, продают сильно падающие активы и докупают надежные и устойчивые
7–20 %	1.2 Могут продать активы с потерей большей части портфеля, так как не всегда могут отследить состояние рынка вовремя	2.2 Склонны к ребалансировке портфеля с использованием наиболее простых инструментов	3.2 Занимаются ребалансировкой портфеля в пользу устойчивых к кризису компаний	4.2 Большая часть портфеля реструктурируется в пользу устойчивых к кризису инструментов
20–50 %	1.3 Закрывают позиции могут в конце кризисного тренда, потеряв наибольшую часть портфеля. Не могут сделать оперативный анализ и вовремя закрыть позицию. Могут считать все происходящее азартной игрой	2.3 Могут держать портфель длительное время. В случае крупного кризиса могут потерять больше от капитала, закрывая позиции	3.3 Могут следить за рынком и периодически совершать сделки, чтобы получить доход в краткосрочной перспективе на появившемся тренде. Больше чем половиной портфеля не готовы рисковать	4.3 Диверсификация направлена примерно в равных соотношениях: инструменты сохранения капитала и использование сложных инструментов
От 50 %	1.4 Могут использовать долгосрочные стратегии и бездействовать во время кризиса, так как временные краткосрочные колебания не имеют значения	2.4 Используют долгосрочные стратегии. Во время кризиса могут провести ребалансировку портфеля в пользу надежных компаний с малым риском, пока цена на них снижается	3.4 Пытаются заработать на понижении, покупая активы на падении. Возможно, не уловив каждый сигнал. В связи с этим могут использовать инструменты для торговли внутри дня	4.4 Торгуют наиболее рискованными инструментами с высокой волатильностью и могут делать множество сделок внутри дня, пытаясь уловить каждое движение рынка

Источник: составлено авторами на основе данных Московской биржи ¹
Source: compiled by the authors based on data from the Moscow Exchange

¹ Официальный сайт Московской биржи. URL: <https://www.moex.com/> (дата обращения: 11.02.2026).

Эта компания, специализирующаяся на анализе потребительских настроений и рыночных трендов в более чем 100 странах мира, провела масштабное исследование изменений поведения как потребителей, так и инвесторов: паника, адаптация и возврат. Данная модель оказалась универсальной и для других кризисных ситуаций [21].

Первая фаза — отрицание — характеризуется нежеланием инвесторов признавать реальность происходящего. Действие страха начинается, когда цены еще находятся довольно высоко, но большинство участников рынка продолжают верить в быстрое восстановление. Фаза паники наступает после того, как становится очевидной серьезность ситуации. За первую неделю марта продажи товаров FMCG (Fast Moving Consumer Goods — товары повседневного спроса) в денежном выражении выросли на 20 % по сравнению с первой неделей февраля — аналогичная динамика наблюдается и на финансовых рынках, где объемы торгов резко возрастают на фоне массовых продаж [22]. Исследования потребительского поведения в 2022 году показали, что люди-«паникеры» оказались подвержены влиянию сильнее остальных: они делали ажиотажные покупки и необдуманно вкладывали денежные средства. Систематизация эмоциональных реакций инвесторов в кризисных условиях основана на анализе поведенческих паттернов участников российского рынка в периоды максимального стресса. Модель кризисных фаз разработана на основе данных о торговых оборотах, структуре сделок и результатов психологических опросов более 15 000 частных инвесторов, проведенных в партнерстве с ведущими российскими брокерами [23]. Таблица 2 отражает эволюцию массовых настроений с количественными характеристиками рыночной активности.

Из таблицы 2 видно, что фазовая модель кризисного поведения демонстрирует предсказуемую иррациональность массовых инвестиционных решений. Фаза отрицания характеризуется снижением торговой активности (–15 %) и попытками зафиксировать падение, основанными на исторических аналогиях. Фаза паники показывает драматический рост оборотов (+150 %) при доминировании эмоциональных продаж, что создает максимальные возможности для контрциклических стратегий. Фаза капитуляции отличается от паники качественно: инвесторы продают активы «по любой цене», часто ниже справедливой стоимости, формируя классические рыночные минимумы. Таким образом, продолжительность фаз варьируется в зависимости от природы кризиса, но последовательность остается неизменной. Понимание текущей фазы позволяет профессиональным инвесторам адаптировать стратегии в реальном времени: накапливать ликвидность в фазе отрицания, проявлять терпение в фазе паники и активно формировать позиции в фазе капитуляции. Фаза адаптации требует особой осторожности, поскольку возврат оптимизма часто опережает фундаментальное восстановление экономики. Рисунок 1 визуализирует циклическую природу эмоциональных реакций инвесторов на примере типичного кризисного эпизода.

График демонстрирует классическую динамику «американских горок» инвестиционных настроений: от эйфории предкризисного периода через отрицание, панику и капитуляцию к постепенной адаптации и восстановлению уверенности в своих действиях.

Кризисные периоды выступают катализаторами кардинальной трансформации инвестиционных предпочтений, заставляя участников рынка пересматривать устоявшиеся подходы и адаптировать стратегии к новым реалиям [24].

Таблица 2
Фазы поведенческих реакций инвесторов в кризисе

Table 2
Phases of investors' behavioral reactions during a crisis

Фаза кризиса	Продолжительность	Поведенческие характеристики	Объем торгов, %	Типичные действия
Отрицание	2–4 недели	Недооценка серьезности ситуации	–15	Покупка активов, демонстрирующих падение
Паника	1–8 недель	Массовые продажи, стадное поведение	+150	Фиксация убытков
Капитуляция	2–6 недель	Полный выход с рынка	+80	Продажа по любой цене
Адаптация	3–12 месяцев	Осторожное возвращение	+20	Селективные покупки

Источник: составлено авторами на основании анализа
Source: compiled by the authors

События последних полутора десятилетий продемонстрировали несостоятельность многих традиционных подходов к формированию портфелей. Кроме того, инвесторы стали больше внимания уделять диверсификации портфеля. У мужчин в среднем 11,1 инструмента в портфеле, у женщин — 10. Данная тенденция отражает общий сдвиг в сторону более осознанного подхода к управлению рисками. Наиболее значительной трансформацией стал рост доли защитных активов в портфелях. Если до кризиса 2008 года типичный портфель частного инвестора содержал 15–25 % облигаций, то после серии кризисов эта доля выросла до 30–40 %. Одновременно значительно увеличилась доля денежных средств и их эквивалентов — с 5–10 до 15–25 %. Это отражает фундаментальный сдвиг от агрессивных стратегий роста к более консервативным подходам, ориентированным на генерацию стабильных денежных потоков.

Кризисные периоды кардинально меняют отраслевые предпочтения инвесторов. Наиболее устойчивыми к кризисам оказались защитные сектора — здравоохранение и коммунальные услуги, демонстрирующие положительную динамику практически во всех кризисах. Банковский сектор традиционно становится самым уязвимым к финансовому кризису, показывая существенные просадки независимо от природы возникновения турбулентности [25]. Анализ трансформации портфельных предпочтений российских инвесторов выявляет устойчивые тенденции адаптации к повышенной рыночной неопределенности. Исследование структурных сдвигов проведено на основе агрегированных данных крупнейших управляющих компаний России, анализа портфелей квалифицированных инвесторов и статистики Московской биржи за период 2005–2024 годов. Таблица 3 отражает эволюцию типовых аллокаций в зависимости от кризисного опыта и изменения восприятия рисков.

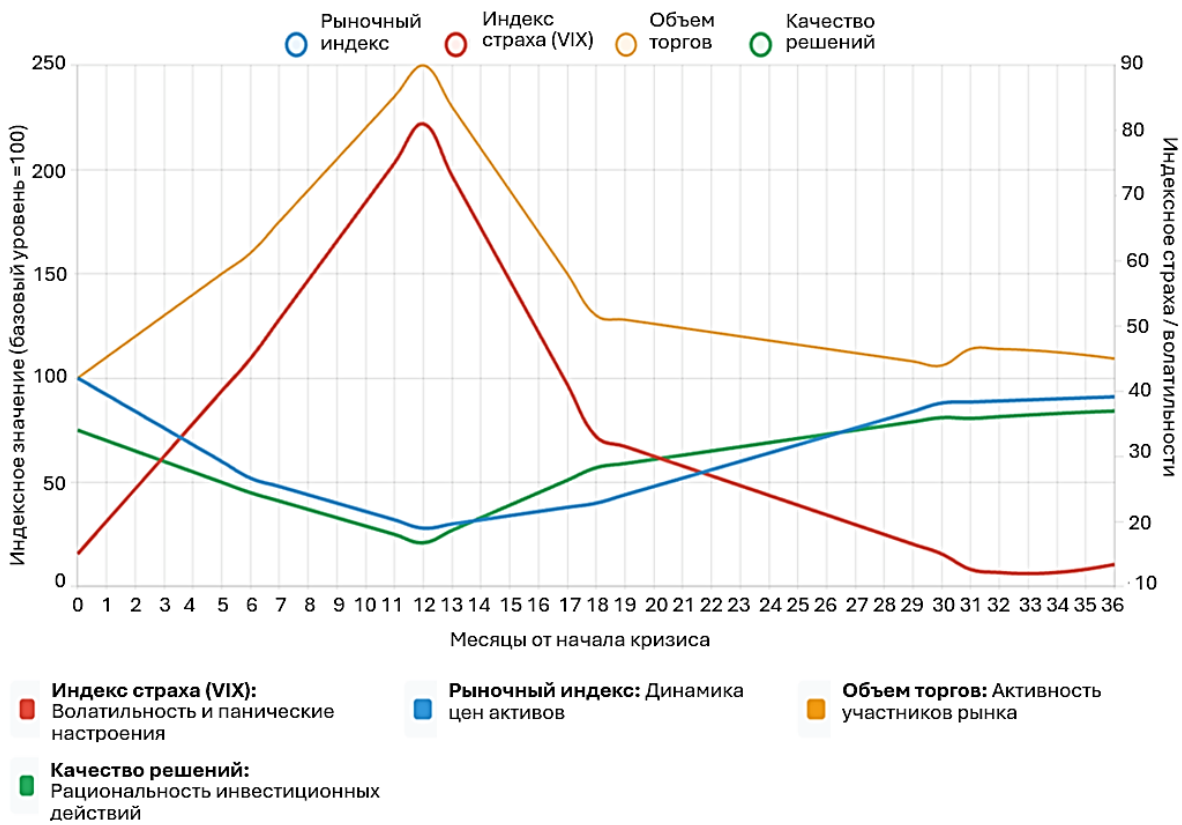

Рисунок 1
Поведение инвесторов в кризисный период

Источник: составлено авторами ²

Figure 1
Investor behavior during a crisis
Source: compiled by the authors

² Веб-сервис для трейдеров TradingView. URL: <https://ru.tradingview.com/> (дата обращения: 11.02.2026).

Таблица 3
Эволюция структуры портфелей российских инвесторов в кризисные периоды, %

Table 3
Evolution of the structure of Russian investors' portfolios during crisis periods, %

Компонент портфеля	Докризисный период (2005–2007 гг.)	Глобальный финансовый кризис 2008 г.	Кризис COVID-2019 (2020 г.)	Кризис, вызванный санкционными ограничениями (2022 г.)	Современный подход
Акции российские	45–60	25–35	35–45	50–65	35–45
Облигации	15–25	35–45	25–35	25–35	30–40
Денежные средства	5–10	15–25	10–15	10–15	15–25
Альтернативные инвестиции	5–10	5–10	10–15	10–15	15–20

Источник: составлено авторами на основании данных Банка России
Тенденции сегмента индивидуальных инвестиционных счетов во II квартале 2025 года. URL: https://www.cbr.ru/analytics/rcb/rcbiis_2q_2025/,
Обзоры российского финансового сектора и финансовых инструментов. URL: https://www.cbr.ru/ec_research/analytics/#a2020
Source: compiled by the authors

Эволюционный анализ портфельных структур демонстрирует фундаментальный сдвиг парадигмы от агрессивного роста к устойчивости капитала. Докризисные портфели с долей акций 45–60 % и минимальными денежными позициями (5–10 %) отражали веру в бесконечный рост рынков.

Парадоксальная реакция российских инвесторов на события 2022 года — рост доли акций до 50–65 % — объясняется специфическим характером санкционного кризиса, когда российские активы стали единственно доступными инструментами для них ³. Современный консенсус формирует сбалансированный подход: умеренная доля акций (35–45 %), существенное увеличение облигационной компоненты (30–40 %) и значительные позиции в альтернативных активах (15–20 %), включая недвижимость и инструменты денежного рынка ⁴. Анализ структуры инвестиционных портфелей позволяет сделать вывод о том, что каждый кризис создает у инвесторов своеобразный эффект памяти, который выражается в постоянном повышении доли защитных активов. Совокупная доля консервативных инструментов (облигации, денежные средства и альтернативные инвестиции) выросла с 25–45 % в докризисный период до 60–85 % в современных портфелях, что отражает память о кризисных рисках и формирование новой культуры управления капиталом.

Каждый кризис стимулирует развитие новых финансовых инструментов и инвестиционных продуктов, адаптированных к изменившимся потребностям инвесторов.

После глобального финансового кризиса 2008 года получили широкое распространение ETF на защитные активы, санкции 2014 года стимулировали развитие инструментов хеджирования валютных рисков, а события 2022 года привели к буму закрытых паевых инвестиционных фондов недвижимости и LQDT-фондов как инструментов инфляционной защиты и эффективного управления ликвидностью. Серия кризисов последних лет привела к фундаментальному пересмотру подходов к управлению рисками в инвестиционных портфелях. Наиболее значительным изменением стал переход от концепции снижения рисков к концепции генерации стабильных денежных потоков. Данный подход позволяет не только защищать капитал в кризисные периоды, но и использовать возникающие возможности для увеличения позиций в недооцененных активах.

Психологическая составляющая инвестиционного процесса приобретает критическое значение в кризисные периоды, когда рациональный анализ уступает место эмоциональным реакциям. Современные исследования указывают на то, что кризисные ситуации активизируют целый спектр когнитивных искажений, которые приводят к иррациональным инвестиционным решениям. В публикациях, посвященных поведенческим финансам, утверждается, что убытки вызывают почти в два раза больше эмоций, чем прибыль того же размера (таблица 4) [25]. Данная асимметрия восприятия приводит к тому, что инвесторы готовы принимать иррациональные риски, избегая фиксации убытков.

³ Аналитический обзор «Эксперт РА». Российский рынок розничных инвестиций: оседлать кризис. URL: https://raexpert.ru/researches/ua/invest_2022/ (дата обращения: 10.05.2026).
⁴ Единый реестр участников финансового рынка (ЕРУФР) // TAdviser. Государство. Бизнес. ИТ. URL: <https://www.tadviser.ru/index.php/> Продукт: Единый_реестр_участников_финансового_рынка_(ЕРУФР) (дата обращения: 10.02.2026).

Количественная оценка когнитивных искажений выявляет универсальность иррационального поведения в стрессовых условиях. Неприятие потерь демонстрирует подавляющее большинство инвесторов (85 %), приводя к систематическому удержанию обесценивающихся активов в надежде на восстановление. Этот эффект, впервые описанный Канеманом и Тверски, наносит инвестиционным портфелям ущерб в размере 15–35 % первоначального капитала. Стадное поведение проявляется у 60 % участников рынка и характеризуется синхронными продажами в моменты максимального пессимизма, что создает самоусиливающуюся спираль снижения цен. Эффект диспозиции — склонность к быстрой фиксации прибыли при удержании убыточных позиций — хотя и наносит относительно меньший ущерб (8–12 %), но демонстрирует высокую частоту проявления (70 % инвесторов). Распределение представлено на рисунке 2.

Таблица 4
Ключевые когнитивные искажения на финансовом рынке в кризисные периоды

Table 4
Key cognitive biases on the financial market during crisis periods

Когнитивное искажение	Проявление в кризис	Частота проявления	Влияние на результаты	Методы коррекции
Неприятие потерь	Удержание падающих активов	85 % инвесторов	Ущерб 15–35 %	Предварительное планирование
Стадное поведение	Продажи на минимумах	60 % инвесторов	Ущерб 20–40 %	Социальная изоляция решений
Эффект диспозиции	Преждевременная фиксация прибыли	70 % инвесторов	Ущерб 8–12 %	Автоматизация решений
Сверхуверенность	Чрезмерный риск	40 % инвесторов	Ущерб 25–50 %	Ментальное моделирование

Источник: составлено авторами
Source: compiled by the authors

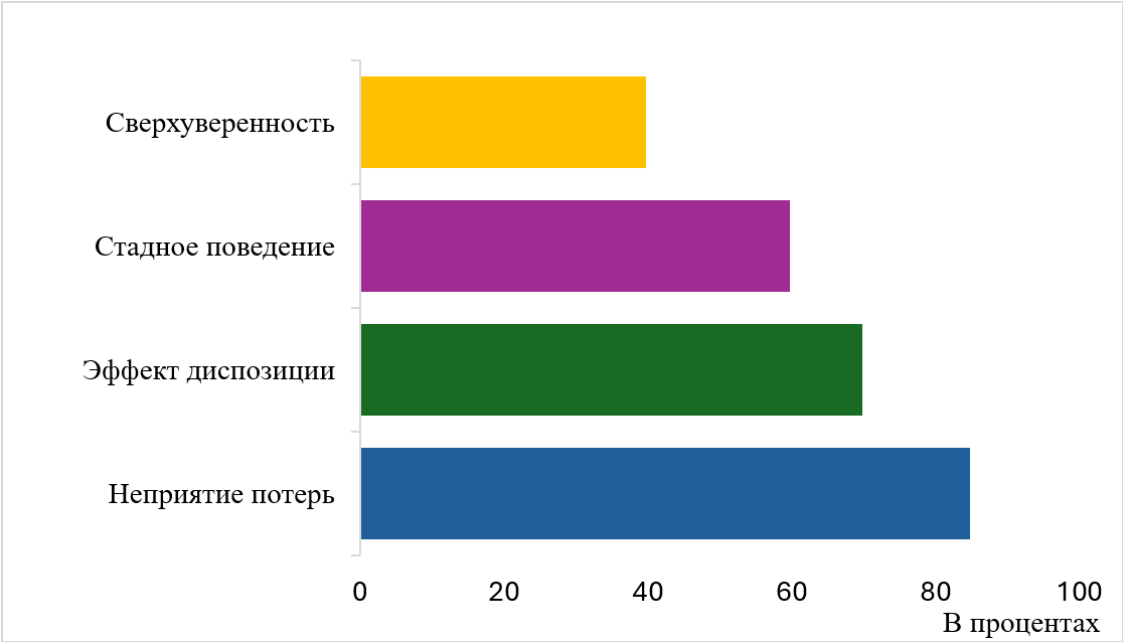

Рисунок 2
Распределение когнитивных искажений среди инвесторов

Источник: составлено авторами

Figure 2
Distribution of cognitive biases among investors

Source: compiled by the authors

Инвестиционные решения принимаются под значительным влиянием социального окружения и групповой динамики. Это приводит к тому, что иррациональное поведение быстро распространяется среди участников рынка. Информационные каскады, сентименты инвесторов и авторитет лидеров создают механизмы влияния, которые могут приводить к формированию пузырей или обвалам рынка. Индивидуальные характеристики инвестора значительно влияют на способность принимать рациональные решения в стрессовых условиях. Так, возраст, уровень образования, инвестиционный опыт и особенности личности создают уникальный профиль восприятия рисков.

Исследования выявляют значительные различия в инвестиционном поведении между мужчинами и женщинами, особенно заметные в кризисные периоды, где женщины демонстрируют более рациональное поведение и лучшие долгосрочные результаты. Разработка практических методов коррекции поведенческих искажений должна быть основана на экспериментальных исследованиях эффективности различных техник управления эмоциональными реакциями инвесторов. В таблице 5 приведены методы и результативность их применения.

Так, мы можем увидеть, что автоматизация принятия инвестиционных решений демонстрирует наивысшую эффективность (85 %) и устойчивость результата благодаря исключению эмоционального фактора из процесса принятия решений. Социальная изоляция показывает высокую эффективность (80 %), но требует значительной самодисциплины. Предварительное планирование обеспечивает оптимальное соотношение простоты внедрения и долгосрочной устойчивости. Можно сделать вывод, что комбинированное применение ме-

тодов повышает эффективность коррекции до 90 %, но при этом основой должна служить автоматизация рутинных решений с предварительным планированием для нестандартных ситуаций. Также важным фактором, позволяющим нивелировать поведенческие искажения на фондовом рынке, выступает повышение финансовой грамотности и использование инструментария фундаментального анализа в процессе принятия инвестиционных решений.

В ходе исследования были получены следующие ключевые результаты, которые имеют теоретическую и практическую значимость.

Разработана двумерная матрица поведенческих профилей российских инвесторов, учитывающая готовность к риску и активность управления портфелем. Анализ показал, что наиболее деструктивное поведение демонстрируют инвесторы с низкой активностью и высокой склонностью к риску, тогда как оптимальные результаты достигаются высокоактивными инвесторами с умеренной склонностью к риску. Установлено, что активность управления портфелем является более значимым предиктором успеха в кризис, чем изначальная толерантность к риску.

Систематизированы фазы эмоциональных реакций инвесторов в кризисных условиях: отрицание, паника, капитуляция и адаптация. Фаза отрицания характеризуется снижением торговой активности (–15 %), паника – драматическим ростом оборотов (+150 %) на фоне эмоциональных продаж, капитуляция – продажами «по любой цене», а адаптация – постепенным возвратом оптимизма. Понимание этих фаз позволяет профессиональным инвесторам адаптировать стратегии в реальном времени.

Таблица 5
Методы коррекции поведенческих искажений

Table 5
Methods for correcting behavioral biases

Метод коррекции	Эффективность, %	Сложность применения	Устойчивость результата	Практические рекомендации
Предварительное планирование	75	Низкая	Высокая	Разработка четких правил принятия инвестиционных решений до кризиса
Автоматизация решений	85	Средняя	Очень высокая	Систематические инвестиции с использованием робоэдвайзеров
Диверсификация источников информации	70	Средняя	Высокая	Принятие инвестиционных решений на основе обобщения и классификации информации из различных источников
Социальная изоляция решений	80	Высокая	Средняя	Избегание обсуждений в кризис

Источник: составлено авторами
Source: compiled by the authors

Выявлена фундаментальная трансформация структуры портфелей инвесторов в условиях кризисов. Доля защитных активов (облигаций и денежных средств) значительно выросла: с 25–45 % в докризисный период до 60–85 % в современных портфелях. Каждый кризис оставляет «портфельный шрам» в виде постоянного повышения доли защитных активов и стимулирует развитие новых финансовых инструментов, адаптированных к изменившимся потребностям, таких как ETF на защитные активы, инструменты хеджирования, закрытые паевые инвестиционные фонды недвижимости и биржевые фонды денежного рынка.

Количественно оценены ключевые когнитивные искажения, приводящие к иррациональным инвестиционным решениям:

- Неприятие потерь отмечается у 85 % инвесторов, что приводит к удержанию ими обесценивающихся активов и убыткам в 15–35 % первоначального капитала.
- Стадное поведение проявляется у 60 % участников рынка, вызывая синхронные продажи в моменты максимального пессимизма.
- Эффект диспозиции (склонность к быстрой фиксации прибыли при удержании убыточных позиций) характерен для 70 % инвесторов, что приводит к снижению доходности портфелей.

Оценены методы коррекции поведенческих искажений: автоматизация решений (эффективность 85 %), социальная изоляция (80 %) и предварительное планирование. Наибольшую эффективность и устойчивость результата демонстрирует автоматизация решений, исключающая эмоциональный фактор. Комбинированное применение методов повышает эффективность коррекции до 90 %, при этом автоматизация должна служить основой.

Полученные результаты подчеркивают необходимость пересмотра подходов к консультированию клиентов и разработке динамических систем управления портфелем, способных адаптироваться к меняющимся рыночным условиям и учитывать психологические аспекты инвестиционного поведения.

Вклад авторов

Н. Ф. Челухина: курирование данных, научное руководство, разработка методологии, написание рукописи – рецензирование и редактирование.

Ю. Ю. Мягкова: разработка концепции, предоставление ресурсов, написание черновика рукописи.

Э. А. Асяева: администрирование проекта, формальный анализ, написание черновика рукописи.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование продемонстрировало значимость изменения инвестиционных моделей поведения на фоне геополитических потрясений и экономической дестабилизации. Выявлено, что степень активности в управлении инвестиционным портфелем оказывает особенно существенное воздействие на результативность в периоды экономической нестабильности.

Структурирование фаз эмоционального реагирования — отрицания, паники, капитуляции и адаптации — обеспечило возможность идентификации закономерной нерациональности коллективных инвестиционных действий. Проведенный анализ выявил склонность инвесторов к трансформации структуры капитала в направлении консервативных инструментов, что указывает на важность и необходимость формирования инновационных финансовых решений, адаптированных к изменившимся потребностям рынка.

Полученные результаты требуют пересмотра традиционных подходов к консультированию клиентов на российском финансовом рынке, учитывая психологию инвесторов и динамическую адаптацию стратегий. Необходима разработка и внедрение динамических систем управления портфелем, способных оперативно реагировать на меняющиеся рыночные условия и учитывать поведенческие особенности инвесторов. Комплексное использование корректирующих методов, где автоматизация выступает фундаментом, а предварительное планирование применяется для нетипичных случаев, существенно укрепляет надежность инвестиционных подходов. Таким образом, поведенческие финансы становятся основой успешного инвестирования в условиях повышенной неопределенности, подчеркивая важность интеграции психологических факторов в экономический анализ.

Contributions

N. F. Tchelukhina: data curation, supervision, methodology development, writing-review & editing.

Yu. Yu. Myagkova: conceptualization, resources, writing – original draft.

E. A. Asyaeva: project administration, formal analysis, writing – original draft.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ/ REFERENCES:

1. Caldara D., Iacoviello M. Measuring geopolitical risk. *American Economic Review*. 2022;112:1194-1225. <https://doi.org/10.1257/aer.20191823>
2. Lu Z., Gozgor G., Huang M. et al. The impact of geopolitical risks on financial development: evidence from emerging markets. *Journal of Competitiveness*. 2020;12(1):93-107. <https://doi.org/10.7441/joc.2020.01.06>
3. Al-Yafei W.B., Bennis H. The impact of geopolitical risk on trade credit. *International Journal of Finance & Economics*. 2025;31(3):3607-3630. <https://doi.org/10.1002/ijfe.70109>
4. Shiller R.J. *Narrative Economics: How Stories Go Viral and Drive Major Economic Events*. Princeton: Princeton University Press; 2019.400.
5. Taffler R.J., Agarwal V., Obring M. Narrative Emotions and Market Crises. *Journal of Behavioral Finance*. 2024;38(7):1024-1038. <https://doi.org/10.1080/15427560.2024.2365723>
6. Andrade E.B., Ariely D. The enduring impact of transient emotions on decision making. *Organizational Behavior and Human Decision Processes*. 2009;109(1):1-8. <https://doi.org/10.1016/j.obhdp.2009.02.003>
7. Breaban A., Noussair C.N. Emotional State and Market Behavior. *Review of Finance*. 2018;22(1):297-309. <https://doi.org/10.1093/rof/rfx022>
8. Georgiou C. Puzzling behavioral mechanisms under extreme market conditions: A bibliometric and systematic literature review. *Bulletin of Applied Economics*. 2025;12(2):209-229.
9. Sivaprasad S., Adami R., Malki I. et al. Spillover effects of geopolitical risk on the banking sectors of post-Soviet countries. *Review of Behavioral Finance*. 2025;17(3):544-562. <https://doi.org/10.2139/ssrn.4766988>
10. Teplova T., Kurkin A., Baklanova V. Investor sentiment and the NFT market: prediction and interpretation of daily NFT sales volume. *Annals of Operations Research*. 2023;354(1):341-365. <https://doi.org/10.1007/s10479-023-05693-9>
11. Гордиенко А.В., Цибульников В.Ю., Нужина И.П. О проблеме классификации частных инвесторов в контексте влияния экономических кризисов на их финансовое поведение. *Журнал прикладных исследований*. 2023;(10):53-59. https://doi.org/10.47576/2949-1878_2023_10_53 EDN TYNLXI
Gordienko A.V., Tsibulnikova V.Yu., Nuzhina I.P. About the problem of classifying private investors in the context of the impact of economic crises on their financial behavior. *Journal of Applied Research*. 2023;(10):53-59. (In Russ.) https://doi.org/10.47576/2949-1878_2023_10_53 EDN TYNLXI
12. Коновалова М.Е., Жиронкин С.А., Сагдеев Р.Р. Особенности формирования инвестиционного портфеля розничных инвесторов. *Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ)*. 2024;(2):115-130. <https://doi.org/10.54220/v.rsue.1991-0533.2024.14.49.013>
Konovalova M.E., Zhironkin S.A., Sagdeev R.R. Peculiarities of retail investors' investment portfolio formation. *Bulletin of Rostov State University of Economics (RINH)*. 2024;(2):115-130. (In Russ.) <https://doi.org/10.54220/v.rsue.1991-0533.2024.14.49.013>
13. Ермоловская О.Ю., Ивойлов С.А., Михеева Е. Подходы к формированию инвестиционного портфеля в современных условиях. *Креативная экономика*. 2024;18(4):865-888. <https://doi.org/10.18334/ce.18.4.120848>
Ermolovskaya O.Yu., Ivoilov S.A., Mikheeva E. Approaches to portfolio set-up in modern conditions. *Creative Economy*. 2024;18(4):865-888. (In Russ.) <https://doi.org/10.18334/ce.18.4.120848>
14. Попова М.И., Попова Е.В., Гогина А.Д. и др. Прямые методы оценки альтернатив как инструмент формирования инвестиционного портфеля. *Современная экономика: проблемы и решения*. 2024;(2):19-29. <https://doi.org/10.17308/meps/2078-9017/2024/2/19-29>
Popova M.I., Popova E.V., Gogina A.D. et al. Direct methods of evaluating alternatives as a tool formation of an investment portfolio. *Modern Economy: Problems and Solutions*. 2024;(2):19-29. (In Russ.) <https://doi.org/10.17308/meps/2078-9017/2024/2/19-29>
15. Беляева О.К. Эволюция поведенческих паттернов инвесторов под воздействием автоматизированных советников и алгоритмических торговых платформ. *Academic Research Journal*. 2025;3(1):99-115. <https://doi.org/10.25726/d7697-5788-8231-y>
Belyaeva O.K. The evolution of investors' behavioral patterns under the influence of automated expert advisors and algorithmic trading platforms. *Academic Research Journal*. 2025;3(1):99-115. (In Russ.) <https://doi.org/10.25726/d7697-5788-8231-y>
16. Тернавщенко К.О., Лехман Е.В., Подиева Е.А. Перспективы развития фондового рынка РФ в условиях геополитической нестабильности. *Научный результат. Экономические исследования*. 2024;10(1):129-139. <https://doi.org/10.18413/2409-1634-2024-10-1-1-1>
Ternavshchenko K.O., Lekhman E.V., Podieva E.A. Prospects for the development of the Russian stock market amid geopolitical instability. *Research Result. Economic Research*. 2024;10(1):129-139. (In Russ.) <https://doi.org/10.18413/2409-1634-2024-10-1-1-1>

17. Антонов Н.С. Особенности, принципы и способы управления рисками современных инвесторов на финансовом рынке. *Прикладные экономические исследования*. 2024;4:169-174. <https://doi.org/10.47576/2949-1908.2024.4.4.018>
Antonov N.S. Features, principles and methods of risk management of modern investors in the financial market. *Applied Economic Research*. 2024;4:169-174. (In Russ.) <https://doi.org/10.47576/2949-1908.2024.4.4.018>
18. Аль Саади В. Финансовые кризисы и их влияние на эффективность рынка акций на московской бирже. *Финансы, Деньги, Инвестиции*. 2020;(4):32. https://doi.org/10.36992/2222-0917_2020_4_32
Al Saady W. Financial Crises and their Impact on the Efficiency of Moscow Exchange. *Finances, Money, Investments*. 2020;(4):32. https://doi.org/10.36992/2222-0917_2020_4_32
19. Tolkachev I., Kotov A., Chelukhina N., et al. Green economy and ESG in Russia: project evaluation criteria, risk analysis and management methods. *Journal of Law and Sustainable Development*. 2023;11(1):e0265. <https://doi.org/10.37497/sdgs.v11i1.265>
20. Челухина Н.Ф., Мягкова Ю.Ю., Асяева Э.А. Риски участников финансового рынка в условиях цифровой трансформации. *Научные исследования и разработки. Экономика фирмы*. 2023;12(2):62-68. <https://doi.org/10.12737/2306-627X-2023-12-2-62-68>
Chelukhina N.F., Myagkova Yu.Yu., Asyaeva E.A. Risks of financial market participants in the context of digital transformation. *Research and Development. Economics of the Firm*. 2023;12(2):62-68. (In Russ.) <https://doi.org/10.12737/2306-627X-2023-12-2-62-68>
21. Jain A., Goyal N. Behavioural finance: a bibliometric analysis using Scopus database. *Sachetas*. 2024;3(1):26-33. <https://doi.org/10.55955/310004>
22. Barberis N., Xiong W. Prospect theory, the disposition effect, and asset prices. *Journal of Financial Economics*. 2012;104(2):504-524.
23. Saadaoui Mallek R., Albaity M., Molyneux P. Herding behaviour heterogeneity under economic and political risks: Evidence from GCC. *Economic Analysis and Policy*. 2022;75:345-361. <https://doi.org/10.1016/j.eap.2022.05.015>
24. Jaber Y. Impact of Tunisian Political and COVID-19 Crisis on Asset Allocation: Traditional Theory of Portfolio Selection Versus Behavioral Theory. *WSEAS Transactions on Business and Economics*. 2023;20:1298-1311. <https://doi.org/10.37394/23207.2023.20.116>
25. Lal S., Nguyen T.X.T., Bawalle A.A. et al. Unraveling Investor Behavior: The Role of Hyperbolic Discounting in Panic Selling Behavior on the Global COVID-19 Financial Crisis. *Behavioral Sciences*. 2024;14(9):795. <https://doi.org/10.3390/bs14090795>

Бухгалтерский учет у индивидуальных предпринимателей: использование в обеспечении достоверности налоговых расчетов

Забродин Иван Павлович

Воронежский государственный университет, г. Воронеж, Россия

SPIN-код: 8564-0130

svetlichna@mail.ru

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Забродин И.П.

Бухгалтерский учет у индивидуальных предпринимателей: использование в обеспечении достоверности налоговых расчетов. *Исследование проблем экономики и финансов*. 2026;3:300.

<https://doi.org/10.31279/REFP-2026-3-300> EDN UCQYLW

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ:

автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

ПОСТУПИЛА: 12.02.2026

ДОРАБОТАНА: 17.05.2026

ПРИНЯТА: 27.07.2026

ОПУБЛИКОВАНА ОНЛАЙН: 17.08.2026

COPYRIGHT: © 2026 Забродин И.П.

АННОТАЦИЯ

В настоящее время имеет место ситуация, когда индивидуальные предприниматели (далее – ИП) сталкиваются с практической необходимостью ведения бухгалтерского учета своей деятельности, а теоретическое обоснование вопросов организации, методических особенностей и прикладного применения бухгалтерского учета у ИП в экономической литературе отсутствует. Цель статьи заключается в устранении пробелов в области методического обеспечения бухгалтерского учета у ИП посредством аргументированного обоснования необходимости его ведения, а также систематизации и демонстрации практических особенностей бухгалтерского учета для обеспечения достоверности налоговых расчетов в рамках применяемой индивидуальным предпринимателем системы налогообложения. Объектом исследования являются виды деятельности ИП в разрезе общей, упрощенной и патентной систем налогообложения. Автором обоснованы причины, побуждающие ИП к ведению бухгалтерского учета в отношении обеспечения достоверности налоговых расчетов своей деятельности. Проведен анализ вариантов взаимодействия бухгалтерского и налогового учета в зависимости от применяемой ИП системы налогообложения, видов их деятельности и наличия (отсутствия) наемных работников. Предложен дифференцированный подход к полноте ведения бухгалтерского учета у ИП в зависимости от видов их экономической деятельности и применяемой системы налогообложения. Продемонстрированы конкретные примеры использования бухгалтерских данных в обеспечении достоверности налоговых расчетов и их оптимизации у индивидуального предпринимателя. Практическое применение результатов проведенного исследования позволит индивидуальным предпринимателям определиться в выборе того варианта полноты ведения бухгалтерского учета, которого будет достаточно для обеспечения достоверности их налоговых расчетов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: бухгалтерский учет, налоговый учет, индивидуальные предприниматели, малый бизнес, общая система налогообложения, упрощенная система налогообложения, патентная система налогообложения, специальные налоговые режимы

Accounting for individual entrepreneurs: use in ensuring the reliability of tax calculations

Ivan P. Zabrodin

Voronezh State University, Voronezh, Russia

svetlichna@mail.ru

TO CITE:

Zabrodin I.P.

Accounting for individual entrepreneurs: use in ensuring the reliability of tax calculations. *Research in Economic and Financial Problems*. 2026;3:300. (In Russ.) <https://doi.org/10.31279/REFP-2026-3-300>
EDN UCQYLW

DECLARATION OF COMPETING

INTEREST: none declared.

RECEIVED: 12.02.2026

REVISED: 17.05.2026

ACCEPTED: 27.07.2026

PUBLISHED ONLINE: 17.08.2026

COPYRIGHT: © 2026 Zabrodin I.P.

ABSTRACT

Currently, there is a situation where individual entrepreneurs (hereinafter referred to as sole proprietors) are faced with the practical need to maintain accounting records of their activities, and there is no theoretical justification for the organization, methodological features and application of accounting in the economic literature. The purpose of the article is to eliminate gaps in the field of methodological support for accounting for sole proprietors through a reasoned justification of the need for its maintenance, as well as systematization and demonstration of practical accounting features to ensure the reliability of tax calculations within the framework of the taxation system used by an individual entrepreneur. The object of the research is the types of IP activities in the context of the general, simplified and patent taxation systems. The author substantiates the reasons that encourage sole proprietors to maintain accounting records in relation to ensuring the reliability of tax calculations of their activities. The analysis of the options for the interaction of accounting and tax accounting is carried out, depending on the taxation system used by the individual entrepreneur, the types of his activities and the presence (absence) of employees. A differentiated approach to the completeness of accounting for sole proprietors is proposed, depending on the types of their economic activities and the applicable taxation system. Specific examples of the use of accounting data in ensuring the reliability of tax calculations and their optimization by an individual entrepreneur are demonstrated. The practical application of the results of the conducted research will allow individual entrepreneurs to decide on the option of completeness of accounting, which will be sufficient to ensure the reliability of their tax calculations.

KEYWORDS: accounting, tax accounting, individual entrepreneurs, small business, general taxation system, simplified taxation system, patent taxation system, special tax regimes

ВВЕДЕНИЕ

Исследованию вопросов, связанных с обоснованием необходимости и особенностями ведения бухгалтерского учета у индивидуальных предпринимателей, в настоящее время не уделяется должного внимания в экономической литературе. Возможно, эти вопросы не представляются актуальными для ученых-экономистов по той причине, что индивидуальные предприниматели (далее – ИП) изначально не обязаны вести бухгалтерский учет: не являясь юридическими лицами, индивидуальные предприниматели не подпадают под юрисдикцию Федерального закона «О бухгалтерском учете» № 402-ФЗ от 06.12.2011. Предположим также, что отсутствие публикаций про особенности ведения бухгалтерского учета у индивидуальных предпринимателей связано и с тем, что ИП рассматриваются в качестве одного из разновидностей субъектов малого бизнеса, проблемам развития, учета, отчетности и налогообложения которого в целом посвящено немало научных и практических трудов.

В частности, особенности учета у субъектов малого предпринимательства, связанные с применением упрощенных способов его ведения и формирования отчетности, описаны в многочисленных отечественных и зарубежных публикациях. Например, в работе Е. К. Копыловой и др. [1] сделан акцент на нормативно-правовом обеспечении формирования упрощенной бухгалтерской (финансовой) отчетности субъектов малого предпринимательства. Е. И. Костюкова и др. [2] обосновывала роль отчетности как инструмента управления субъектами малого предпринимательства. Тенденции развития бухгалтерского учета субъектов малого предпринимательства систематизированы в публикации Е. К. Копыловой и др. [3]. Проблемы и причины низкого качества бухгалтерского учета в малом бизнесе поднимались в работе И. П. Забродина [4]. Вопросы организации бухгалтерского учета у субъектов малого предпринимательства рассматривались в статье Л. П. Зенкевича и др. [5].

Особое внимание следует обратить и на публикацию М. С. Сагидуллаевой и др. [6], в которой подчеркнута высокая значимость бухгалтерского учета для субъектов малого предпринимательства в модернизации экономики. Также в настоящее время актуализируются вопросы места бухгалтерского учета в цифровой экономике, что в отношении малого бизнеса исследовалось в публикации Т. Х. Созаевой и др. [7].

Проблемы эффективной организации и качества ведения бухгалтерского учета в малом бизнесе неразрывно связаны с наличием в штате собственного бухгалтера, что многим субъектам малого предпринимательства весьма затратно, и поэтому они прибегают к аутсорсингу, то есть к привлечению бухгалтерских услуг со стороны на платной основе. В этой связи заслуживает внимания публикация

В. И. Тагировой [8], в которой дается оценка потребностей малого бизнеса в бухгалтерском аутсорсинге.

Среди зарубежных публикаций на эту тему следует выделить работу К. Бурко [9], в которой исследуются преимущества и риски бухгалтерского аутсорсинга. В статье И. Томасевич и др. [10] анализируются факторы, влияющие на бухгалтерский аутсорсинг с учетом трансакционных издержек экономического субъекта.

Кроме того, в публикациях зарубежных ученых в значительном количестве делается акцент на управленческие функции бухгалтерского учета применительно к экономике субъектов малого предпринимательства. Например, в работе А. Юла-Каджала и др. [11] поднимаются проблемы внедрения управленческого учета в малом бизнесе. В статье Т. Наджера Руиз и др. [12] проводится исследование эффекта от использования инструментария управленческого учета в малом и микробизнесе. Также следует выделить публикацию К. Веигел и др. [13], в которой авторы рассуждают о проблемах бухгалтерского учета в малом бизнесе в условиях ресурсоориентированной экономики.

Изменение параметров применения субъектами малого предпринимательства специальных налоговых режимов и обязанностей по уплате НДС актуализировали публикации в области налогообложения малых предприятий. Следует, в частности, выделить работу О. М. Алиева [14], в которой анализируются российские и зарубежные подходы к налогообложению малого бизнеса. Интерес представляет и публикация М. Л. Нейштадта [15], в которой сравнивается налоговая нагрузка в зависимости от выбранной субъектом малого предпринимательства системы налогообложения. Среди зарубежных исследований отметим публикацию Дж. Харджа и др. [16], посвященную оценке влияния налогов на деятельность малых предприятий.

Таким образом, спектр проблем, затронутый в публикациях российских и зарубежных ученых-экономистов относительно бухгалтерского учета в малом бизнесе, является достаточно широким и включает в себя организационные, нормативно-правовые, методические и практические аспекты, в том числе применительно к современной цифровой экономике, налогообложению и проблемам управления малыми предприятиями. Однако, как уже отмечалось выше, в данных публикациях речь шла о малом бизнесе в целом и с акцентом на юридических лиц, а проблемы бухгалтерского и налогового учета ИП ни в отечественном, ни в зарубежном научном сообществе отдельно не рассматривались.

В итоге возникает противоречие: с одной стороны, вопросы бухгалтерского учета у ИП очевидно не входят в круг проблем, охватываемых действующим законодательством

и научным сообществом, но, с другой стороны, современные практические реалии демонстрируют возрастание востребованности бухгалтерских услуг в деятельности индивидуальных предпринимателей, что объективным образом указывает на пробел, требующий отдельного исследования и соответствующего устранения. При этом причин, побуждающих ИП вести у себя бухгалтерский учет, существует несколько, однако формат одной публикации не позволяет охватить их все. В этой связи в данной статье будет исследоваться наиболее важная причина ведения бухгалтерского учета у индивидуальных предпринимателей, заключающаяся в использовании бухгалтерских данных для обеспечения достоверности налоговых расчетов ИП.

РОЛЬ БУХГАЛТЕРСКОГО УЧЕТА В ОБЕСПЕЧЕНИИ ДОСТОВЕРНОСТИ НАЛОГОВЫХ РАСЧЕТОВ ИП И СПОСОБЫ ЕГО ОРГАНИЗАЦИИ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ПРИМЕНЯЕМОЙ СИСТЕМЫ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ

В условиях роста налоговой нагрузки на малый бизнес и ужесточения налогового контроля особую актуальность для субъектов малого предпринимательства приобретают вопросы налоговой безопасности, которые предполагают выполнение достоверных налоговых расчетов, формирование в учетной системе информации, подтверждающей размеры налоговой базы и отдельных ее составляющих, а также анализ налоговой нагрузки в рамках применяемой субъектами малого предпринимательства системы налогообложения относительно иных налоговых режимов. Комплексное решение этих задач видится возможным только в системе бухгалтерского учета. Поскольку ИП имеют право применять абсолютно те же самые налоговые режимы, что и малые предприятия-юридические лица и, в отличие от юридических лиц, вправе работать на патентной системе налогообложения (далее – ПСН), они являются не менее заинтересованными в решении задач по обеспечению своей налоговой безопасности и достоверности налоговых расчетов, чем иные экономические субъекты, и бухгалтерский учет для индивидуальных предпринимателей как раз и следует рассматривать как инструмент, способный наиболее эффективно решить вышеуказанные задачи и позиционировать ИП как добросовестного налогоплательщика.

Приведем аргументы, почему именно бухгалтерский учет является наиболее действенным инструментом для решения задач по обеспечению налоговых расчетов индивидуальных предпринимателей. Казалось бы, для достижения этих целей можно было бы ограничиться только налоговым учетом. Однако при условии ведения бухгалтерского учета

в специализированных программах (например, 1С-Бухгалтерия или 1С-Предприниматель) помимо выполнения налоговых расчетов и формирования налоговой отчетности у ИП появляются дополнительные возможности, связанные с реализацией классических учетных задач, таких, например, как контроль за активами, используемыми в предпринимательской деятельности, за задолженностями, возникающими в процессе расчетов с контрагентами, за движением денежных средств и др. Не следует забывать и о важнейшей информационно-аналитической функции бухгалтерского учета, использование которой направлено на укрепление деловой репутации предпринимателя, развитие и обеспечение экономической безопасности его деятельности: благодаря комплексному ведению учета ИП в автоматизированном режиме могут формировать сведения, подтверждающие соблюдение ими принципа непрерывности и необходимые для пролонгирования действующих и заключения новых договоров с контрагентами. Как правило, это данные о наличии ресурсов, необходимых для выполнения договорных обязательств, а также основные показатели финансово-хозяйственной деятельности предпринимателя, подтвердить которые, не ведя бухгалтерский учет, не представляется возможным (выручка, размеры дебиторской и кредиторской задолженности, стоимость запасов и др.).

Иными словами, если ИП заинтересован в расширении и развитии деятельности, заключении договоров с новыми контрагентами, укреплении своей деловой репутации и т. п., то бухгалтерский учет для него, помимо решения первостепенной задачи по обеспечению достоверности налоговых расчетов, будет эффективным подспорьем для достижения целей стратегического развития.

Однако следует признать, что далеко не все индивидуальные предприниматели имеют необходимость (желание) развиваться, расширять деятельность, трудоустраивать наемный персонал и т. п. Многие, напротив, стремятся остаться в пороговых значениях доходов, позволяющих применять специальные налоговые режимы, получить освобождение от уплаты НДС и т. п. Нужен ли таким условно микро-ИП бухгалтерский учет? С уверенностью отвечаем, что тоже нужен, но, возможно, не в таком полном объеме, как, например, для ИП, применяющих общую систему налогообложения и работающих преимущественно с юридическими лицами: для микро-ИП достаточно будет учета, ориентированного лишь на решение задачи по обеспечению достоверности налоговых расчетов и формированию налоговой отчетности.

Исходя из вышеизложенного мы делаем вывод, что требования к организации и ведению бухгалтерского учета у ИП могут отличаться в зависимости от многих факторов (применяемая ИП система налогообложения, виды деятельности, наличие или отсутствие наемных работников и др.), и авторское представление об их дифференциации представлено в таблице 1.

Как показывает содержание таблицы 1, способы организации и ведения бухгалтерского учета у ИП мы условно разделили на три группы. Вести учет в полном объеме мы настоятельно рекомендуем тем предпринимателям, кто является плательщиком НДС в рамках общей или упрощенной системы налогообложения, а также ИП, применяющим УСН с объектом налогообложения «доходы минус расходы».

Кроме того, организовать ведение бухгалтерского учета в полном объеме следует, по нашему мнению, и тем предпринимателям, которые применяют УСН с объектом налогообложения «доходы», но при этом находятся в группе взаимосвязанных организаций. Ниже приведем аргументы наших рекомендаций.

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ БУХГАЛТЕРСКОГО
УЧЕТА В ОБЕСПЕЧЕНИИ ДОСТОВЕРНОСТИ
НАЛОГОВЫХ РАСЧЕТОВ ИП,
ПРИМЕНЯЮЩИХ ОБЩУЮ СИСТЕМУ
НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ И (ИЛИ)
ЯВЛЯЮЩИХСЯ ПЛАТЕЛЬЩИКОМ НДС**

Если ИП применяют ОСН, то это, как правило, предприниматели, деятельность которых характеризуется относительно высокими доходами, и их основными покупателями (заказчиками) таких ИП являются юридические лица – плательщики НДС. Соответственно для уменьшения сумм

НДС к уплате в бюджет ИП приобретают товары, материалы, работы и услуги у поставщиков, которые в свою очередь тоже применяют ОСН. В результате возникает объективная необходимость учета расчетов как с поставщиками, так и с покупателями, отражения операций по покупкам-продажам в регистрах учета НДС – книгах покупок и продаж, а также формирования налоговой отчетности по НДС в электронном виде. При этом в учете расчетов по НДС используется бухгалтерский принцип начисления, который предполагает отражение доходов от продаж по факту перехода права собственности на реализуемый актив не в момент его оплаты, а в момент отгрузки покупателю. Соответственно, достоверный и экономически безопасный налоговый учет НДС возможен только в рамках комплексного полного и автоматизированного бухгалтерского учета всей финансово-хозяйственной деятельности предпринимателя.

Отличаться такой учет от учета юридических лиц – плательщиков НДС будет главным образом сложностями гармонизации бухгалтерского и налогового учета доходов и расходов, а также отсутствием у ИП баланса и других форм регламентированной бухгалтерской (финансовой) отчетности. Так, если ИП применяет ОСН, то вместо налога на прибыль он обязан исчислять и уплачивать НДС с прибыли от предпринимательской деятельности, доходы и расходы от которой определяются кассовым методом, то есть по факту поступления (расходования) денежных средств или погашения обязательств иным способом.

Таблица 1

Способы организации бухгалтерского учета у ИП в разрезе условий их функционирования и применяемой системы налогообложения

Table 1

Methods of organizing accounting for individual entrepreneurs, depending on their operating conditions and the taxation system they use

Способ организации бухгалтерского учета у ИП	Область предназначения	Отличие от бухгалтерского учета юридических лиц
1. Бухгалтерский учет ведется в полном объеме	ИП на общей системе налогообложения (ОСН) ИП, применяющие упрощенную систему налогообложения (УСН) с объектом «доходы минус расходы» ИП, применяющие УСН и являющиеся плательщиком НДС ИП, применяющие УСН с объектом «доходы» и (или) патентную систему налогообложения (ПСН) и находящиеся в группе взаимосвязанных организаций	1. Отсутствуют бухгалтерский баланс и иные формы бухгалтерской (финансовой) отчетности
2. Бухгалтерский учет ведется в отношении учета денежных средств, доходов и расчетов с персоналом по оплате труда	ИП, применяющие УСН с объектом «доходы» и (или) патентную систему налогообложения (ПСН), имеющие в штате наемных работников и не входящие в группу взаимосвязанных организаций	См. п. 1 2. Могут не отражаться факты хозяйственной жизни по поступлению товаров и услуг
3. Бухгалтерский учет ведется в отношении учета денежных средств и доходов	ИП, применяющие УСН с объектом «доходы» и (или) ПСН, не имеющие в штате наемных работников и не входящие в группу взаимосвязанных организаций	См. п. 1 и 2 Не отражаются факты хозяйственной жизни по расчетам с персоналом

У юридических же лиц и НДС, и налог на прибыль считаются единообразно – по принципу начисления, что создает объективные возможности для использования регистров бухгалтерского учета в проверке достоверности налоговых расчетов и облегчает в отличие от ИП процессы гармонизации бухгалтерского и налогового учетов. Приведем следующий пример (таблица 2).

Как свидетельствует содержание таблицы 2, при одинаковой сумме НДС к уплате, по налогам с прибыли (НДФЛ для ИП и налог на прибыль для юридических лиц) суммы к уплате существенно различаются. При этом мы видим, что во всех фактах хозяйственной жизни, представленных в таблице 2, доходы и расходы бухгалтерского и налогового учета юридического лица совпадают, что упрощает учет, в то время как доходы и расходы бухгалтерского и налогового учета ИП существенно отличаются, что делает учет у ИП на ОСН гораздо более сложным и препятствует гармонизации обеих учетных систем.

При этом мы видим и то, что в рассматриваемом примере ИП заплатят налогов больше, чем юридические лица, вследствие того, что аванс, полученный от покупателя, по кассовому методу признается предпринимательским доходом ИП, в то время как для юридического лица, согласно принципу начисления, суммы полученных предоплат доходами не являются. Кроме того, при приобретении услуг с отсрочкой платежа у ИП не возникает налоговых расходов (профессиональных налоговых вычетов по НДФЛ) в связи с тем, что эти услуги не были им оплачены в рассматриваемом периоде (кассовый метод), в то время как для признания стоимости приобретенных услуг расходами у юридического лица факт их оплаты вовсе не обязателен,

а достаточно лишь принятого к учету подписанного акта выполненных работ (принцип начисления).

Чтобы в рассматриваемой ситуации ИП смогли уменьшить НДФЛ к уплате в бюджет, им следовало бы своевременно оплатить услуги, не дожидаясь окончания соответствующего квартала. На практике это делается следующим образом. За несколько дней до окончания квартала бухгалтеру следует выявить поставщиков (подрядчиков), по расчетам с которыми у ИП числится кредиторская задолженность.

Легче всего это сделать, сформировав оборотно-сальдовую ведомость по счету 60 «Расчеты с поставщиками и подрядчиками» в разрезе контрагентов. Более подробно про информационное значение современных учетных регистров и возможности их практического применения написано И. П. Забродиным в статье «Современные учетные регистры: оценка информационных возможностей для практического применения» [17].

Выявив по оборотно-сальдовой ведомости контрагентов с кредитовыми остатками, следует выяснить, какие именно активы у них были приобретены с отсрочкой платежа. Так, в случае приобретения материалов, работ или услуг достаточным условием для признания расходов, уменьшающих налоговую базу по НДФЛ, является условие проведения соответствующего документа в бухгалтерском учете (накладной, акта выполненных работ) и оплаты этого документа в этом же квартале. Поэтому если ИП успеют погасить кредиторскую задолженность поставщикам материалов и (или) подрядчикам за выполненные работы (оказанные услуги) до окончания отчетного квартала, то суммы НДФЛ к уплате уменьшатся.

Таблица 2
Учет доходов и расходов у ИП и у юрлиц, применяющих ОСН: (сравнительный аспект)

Table 2
Accounting for income and expenses by individual entrepreneurs and legal entities using general taxation:
(a comparative aspect)

Факт хозяйственной жизни	Корреспонденция счетов	Показатели ИП	Показатели юрлица
Оказаны услуги заказчику с отсрочкой платежа 122 000 руб, в т. ч. НДС 22 %	Д 62 К 90 – 122 000 Д 90 К 68 – 22 000	Доходы БУ – 100 000 Доходы НУ – 0	Доходы БУ – 100 000 Доходы НУ – 100 000
Получен аванс от покупателя 244000, в т. ч. НДС 22 %	Д 51 К 62 – 244 000 Д 76 К 68 – 44 000	Доходы БУ – 0 Доходы НУ – 200 000	Доходы БУ – 0 Доходы НУ – 0
Приобретены услуги с отсрочкой платежа 97 600 руб., в т. ч. НДС 22 %	Д 20 К 60 – 80 000 Д 19 К 60 – 17 600 Д 90 К 20 – 80 000 Д 68 К 19 – 17 600	Расходы БУ – 80 000 Расходы НУ – 0	Расходы БУ – 80 000 Расходы НУ – 80 000
НДС к уплате		48 400	48 400
НДФЛ к уплате		200 000 x 13 % = 26 000	х
Налог на прибыль к уплате		х	20 000 x 25 % = 5000

Если же ИП приобретал у поставщиков товары для дальнейшей перепродажи, то дополнительным условием для признания расходов, уменьшающих налоговую базу по НДС, является условие продажи этих товаров покупателю. Соответственно если кредиторская задолженность у ИП возникла перед поставщиками товаров, то следует выяснить, насколько успешно эти товары были распроданы в отчетном квартале. Если полностью или хотя бы в наибольшей части, то оплата поставщику этих товаров будет способствовать увеличению расходов и уменьшению НДС к уплате в бюджет. Если приобретенные с отсрочкой платежа товары не были распроданы, то погашать кредиторскую задолженность поставщикам с точки зрения уменьшения НДС нет никакого смысла.

Таким образом, важным условием для оптимизации НДС у ИП является условие своевременности бухгалтерского учета расчетов с поставщиками и подрядчиками, которое предполагает оперативный учет приходных документов, повседневную разnosку платежей, систематические сверки сальдо расчетов, а также принятие решений по оплатам задолженности в реальном режиме времени, не дожидаясь окончания отчетного квартала. При этом на практике часто возникает ситуация, когда ИП имеет кредиторскую задолженность перед поставщиками и подрядчиками, но на его расчетном счете недостаточно денежных средств для ее погашения. В этом случае можно воспользоваться неоспоримым преимуществом ИП по сравнению с юридическими лицами, заключающемся в том, что на деятельность индивидуального предпринимателя как физического лица принцип имущественной обособленности не распространяется, а это означает, что ИП вправе в любой момент времени пополнить свой расчетный счет за счет внесения личных денежных средств. В практике бухгалтерского учета внесение личных средств физического лица на свой предпринимательский счет отражается корреспонденцией по дебету счета 51 «Расчетные счета» и кредиту счета 84 «Нераспределенная прибыль (непокрытый убыток)». В результате такой операции на расчетном счете ИП появляются денежные средства, которыми он погашает кредиторскую задолженность перед поставщиками и подрядчиками и уменьшает НДС к уплате в бюджет.

В случае, когда у ИП и на расчетном счете, и на личных счетах недостаточно денежных средств для погашения кредиторской задолженности, но при этом необходимо уменьшить НДС к уплате в бюджет, следует проанализировать по оборотно-сальдовой ведомости по счету 60 контрагентов с дебетовыми остатками. В их числе, как правило, много поставщиков и подрядчиков, закрывающие документы от которых еще не поступили в бухгалтерию ИП, но уже выписаны отчетным кварталом. Зачастую документы выписываются и последним числом

месяца (квартала), например, акты на услуги аренды, связи и т. п. Соответственно, при своевременном получении и проведении указанных документов в бухгалтерском учете ИП суммы НДС к уплате в бюджет будут уменьшены.

Таким образом, мы видим, что бухгалтерский учет у ИП, применяющих ОСН, отнюдь не легче учета у юридических лиц и требует гораздо большей оперативности. Поэтому мы можем с уверенностью утверждать, что все проблемы низкого качества бухгалтерского учета в малом бизнесе актуальны в том числе и для деятельности индивидуальных предпринимателей. Соответственно, что касается отсутствия у ИП обязанности составлять баланс и другие формы бухгалтерской (финансовой) отчетности, то это отнюдь не говорит об упрощении учета: если он ведется оперативно и в полном объеме, решая задачи обеспечения достоверности налоговых расчетов и гармонизируя НДС, рассчитываемый по принципу начисления, и НДС, рассчитываемый кассовым методом, то итогом такого учета будет выполнение регламентных операций по закрытию каждого месяца и формированию общей оборотно-сальдовой ведомости, которая в малом бизнесе дает гораздо более полную информацию о деятельности индивидуального предпринимателя, чем бухгалтерский баланс юридического лица, составленный по сокращенному формату. Более того, ошибки в оборотно-сальдовой ведомости гораздо труднее скрыть, в то время как в укрупненных балансовых статьях их было бы просто не видно. Исходя из вышеизложенного мы полагаем, что бухгалтерский учет у ИП на ОСН должен вестись не только в полном объеме, но и не менее, а порой и более квалифицированно, чем у юридических лиц.

Если налоговые доходы ИП, применяющих УСН и (или) ПСН, по итогам 2025 г. превысили 20 млн руб., то такие ИП с 01.01.2026 получили обязанность уплачивать НДС. Соответственно если до недавнего времени эти предприниматели пренебрегали ведением бухгалтерского учета или не вели его в полном объеме, то на сегодняшний день им следует вести полноценный бухгалтерский учет, чтобы иметь возможность решать задачи, описанные выше на примере ИП, применяющих ОСН. Аналогично должны поступать и те ИП, доходы которых по итогам 2025 г. остались в пределах 20 млн руб., но могут превысить эту отметку в 2026 г. Если же доходы ИП по итогам 2026 г. превысят 15 млн руб., а по итогам 2027 г. – 10 млн руб., то у них также возникнет обязанность исчислять и уплачивать НДС, что требует ведения бухгалтерского учета в полном объеме по принципам, описанным выше. Соответственно, налицо тенденция к увеличению в ближайшем времени количества ИП, которым будет необходим бухгалтерский учет.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ БУХГАЛТЕРСКОГО
УЧЕТА В ОБЕСПЕЧЕНИИ ДОСТОВЕРНОСТИ
НАЛОГОВЫХ РАСЧЕТОВ ИП,
ПРИМЕНЯЮЩИХ УПРОЩЕННУЮ СИСТЕМУ
НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ

Если ИП работают на УСН, то наиболее актуальным полноценный и качественный бухгалтерский учет будет для тех предпринимателей, кто применяет объект налогообложения «доходы минус расходы». Независимо от того, являются ли такие ИП плательщиками НДС или нет, им чрезвычайно важно проводить в своем бухгалтерском учете операции по реализации и приобретению товаров, материалов, работ и услуг, поскольку благодаря такому учету отражаются не только бухгалтерские, но и налоговые доходы и расходы, что, с одной стороны, способствует контролю над ресурсами, формированию сальдо расчетов и выполнению иных финансово-экономических задач, а с другой стороны – позволяет в автоматизированном режиме получить данные о налоговой базе по единому налогу в рамках применяемой УСН.

Рассмотрим пример, подтверждающий необходимость полного бухгалтерского учета у ИП, применяющих УСН с объектом налогообложения «доходы минус расходы» (таблица 3).

Как показывает содержание таблицы 3, итоговые показатели прибыли бухгалтерского и налогового учета не совпадают, что объясняется тем, что в бухгалтерском учете при исчислении доходов и расходов применяется принцип начисления, а в налоговом – кассовый метод. Но при этом мы видим, что без комплексного бухгалтерского учета денежных средств, поступлений и реализаций товаров, расчетов с персоналом по оплате труда и т. п. невозможно формирование налоговой базы по единому налогу, поскольку ее показатели непосредственно связаны с теми или иными бухгалтерскими операциями.

Для того чтобы уменьшить сумму единого налога к уплате в бюджет, без грамотного ведения бухгалтерского учета и понимания учетных показателей обойтись не получится. В частности, следует анализировать характер задолженностей при расчетах с контрагентами посредством формирования оборотно-сальдовой ведомости по счету 60, оперативно отслеживать кредиторскую задолженность, изыскивая возможности ее своевременного погашения, а также истребуя недостающие закрывающие документы по дебиторской задолженности. Иными словами, работа по уменьшению суммы единого налога к уплате в бюджет будет в целом аналогичной алгоритму, более подробно описанному выше на примере уменьшения сумм НДС со всеми присущими требованиями к качеству бухгалтерского учета.

Таблица 3
Использование бухгалтерского учета в налоговых расчетах ИП, применяющих УСН с объектом налогообложения «доходы минус расходы»

Table 3
Use of accounting in tax calculations by individual entrepreneurs using the simplified tax system with the object of taxation being “income minus expenses”

Содержание факта хозяйственной жизни	Бухгалтерская запись и показатели бухучета	Показатели налогового учета
1. Получена предоплата от покупателя – 100 000 руб.	Д 51 К 62 Доходы 0 руб.	Доходы 100 000 руб.
2. Перечислена предоплата поставщикам – 60 000 руб.	Д 60 К 51 Расходы 0 руб.	Расходы 0 руб.
3. Оприходованы товары от поставщика – 60 000 руб.	Д 41 К 60 Расходы 0 руб.	Расходы 0 руб.
4. Отгружены товары покупателю: – отражена выручка – 100 000 руб. – списана покупная стоимость проданных товаров – 60 000 руб.	Д 62 К 90 Доходы 100 000 руб. Д 90 К 41 Расходы 60 000 руб.	Доходы 0 руб. Расходы 60 000 руб.
5. Начислена зарплата сотруднику за месяц – 30 000 руб.	Д 44 К 70 Расходы 30 000 руб.	Расходы 0 руб.
6. Выплачена зарплата сотруднику за половину месяца – 15 000 руб.	Д 70 К 51 Расходы 0 руб.	Расходы 15 000 руб.
Прибыль бухгалтерского учета / налоговая база	10 000 руб.	25 000 руб.

Наконец, если ИП применяют УСН с объектом налогообложения «доходы», но при этом входят в группу взаимосвязанных организаций, то им также, по нашему мнению, следует вести бухгалтерский учет в полном объеме. В практике деятельности таких индивидуальных предпринимателей часто возникает ситуация, при которой ИП закупают товарно-материальные ценности (работы, услуги) у поставщиков и этим же поставщикам продают свои товары (продукцию). В этом случае появляется необходимость взаимозачета дебиторской и кредиторской задолженности, сумма которого должна быть отнесена на увеличение налоговых доходов – важнейшего индикатора, определяющего размер налоговой базы по УСН, предельно допустимых доходов для применения ПСН и пороговые значения доходов для возникновения обязанности по уплате НДС. Соответственно, если ИП не будут отражать в своем бухгалтерском учете операции по приобретению товарно-материальных ценностей у поставщиков и делать зачет взаимной дебиторской и кредиторской задолженности, возникающей в рамках расчетов с одним и тем же контрагентом, то тем самым он будет умышленно или неумышленно скрывать свои налоговые доходы, подрывая достоверность налоговых расчетов по единому налогу, продолжая необоснованно применять ПСН, а также уклоняясь от обязанностей по уплате НДС, что наглядно видно из данных примера, представленного в таблице 4.

Из содержания таблицы 4 следует, что по итогу взаиморасчетов с контрагентом ООО «А», который для ИП является одновременно и поставщиком и покупателем, у ИП появились дополнительные налоговые доходы в сумме

12 млн руб., которые не попали бы в их книги доходов, если бы не ведение бухгалтерского учета в полном объеме (взаимозачет стал возможным при условии, что ИП учитывали не только движение денежных средств, но и отражали операции по реализации товаров и покупке материалов, в результате чего по счетам учета расчетов 60 и 62 сформировалась в рамках одного и того же контрагента ООО «А» взаимная дебиторская и кредиторская задолженность).

Если бы ИП вели бухгалтерский учет не в полном объеме и не отразили бы операции № 2 и № 4, то налоговые доходы по факту прямого поступления денежных средств оказались бы задекларированы в сумме 10 млн руб., а не 22 млн руб. Иными словами, ИП не только занизили бы сумму единого налога, но и уклонились бы от обязанности уплаты НДС.

Таким образом, для рассмотренных выше категорий ИП бухгалтерский учет характеризуется полнотой и комплексностью ведения и предполагает необходимость применения специализированных программных продуктов со строгим соблюдением в них всех регламентных операций по закрытию периода, исправлению ошибок и иных действий, которые подробно описаны в публикации И. П. Забродина «Автоматизированная форма в теории бухгалтерского учета: методология и практика» [18]. В этом случае бухгалтерский учет для ИП является одновременно и необходимым инструментом для выполнения налоговых расчетов, и действенным средством для обеспечения экономической безопасности, демонстрируя соблюдение предпринимателем принципа непрерывности деятельности.

Таблица 4
Использование бухгалтерского учета в налоговых расчетах ИП, применяющих УСН с объектом налогообложения «доходы» и входящих в группу взаимосвязанных организаций

Table 4
Use of accounting in tax calculations by individual entrepreneurs who use simplified taxation with the object of taxation being income and who are part of a group of interrelated organizations

Содержание факта хозяйственной жизни	Бухгалтерская запись и показатели бухучета	Показатели налогового учета
1. Получена предоплата от покупателя ООО «А» – 10 млн руб.	Д 51 К 62 – 10 млн руб. Доходы 0 руб.	Доходы 10 млн руб.
2. Оприходованы материалы от поставщика ООО «А» – 16 млн руб.	Д 10 К 60 – 16 млн руб. Кредиторская задолженность перед поставщиком ООО «А» – 16 млн руб.	х
3. Отгружены товары покупателю ООО «А»: – отражена выручка – 22 млн руб. – списана покупная стоимость проданных товаров – 17 млн руб.	Д 62 К 90 – 22 млн руб. Доходы 22 млн руб. Дебиторская задолженность покупателя ООО «А» – 12 млн руб. Д 90 К 41 – 17 млн руб.	Доходы 0 руб.
4. Отражен взаимозачет по контрагенту ООО «А» – 12 млн руб.	Д 60 К 62 – 12 млн руб. Остаток кредиторской задолженности – 4 млн руб.	Доходы 12 млн руб.
Доходы бухгалтерского и налогового учета	22 млн руб.	22 млн руб.

Вновь обратившись к содержанию таблицы 1, мы видим, что для ИП, применяющих УСН с объектом «доходы» и (или) ПСН, и не входящих в группу взаимосвязанных организаций, но при этом имеющих в штате наемных работников, мы рекомендуем вести бухгалтерский учет если не в полном объеме, то как минимум в отношении учета денежных средств, доходов и расчетов с персоналом по оплате труда. Необходимость учета денежных средств и доходов обусловлена тем, что при вышеназванных налоговых режимах доходы являются важнейшим показателем налогового учета и рассчитываются кассовым методом, а именно – по факту поступления денежных средств и погашения обязательств иным способом. Соответственно если ИП не будут вести бухгалтерский учет денежных средств, то они не смогут сформировать в автоматизированном режиме книгу учета доходов и налоговую базу по единому налогу. Наряду с учетом денежных средств ИП должны отражать операции по реализации выполненных работ (оказанных услуг), то есть вести бухгалтерский учет доходов, чтобы иметь возможность выписывать акты выполненных работ (оказания услуг) своим заказчикам и формировать акты сверки расчетов с ними.

При этом если ИП имеют в штате хотя бы одного наемного работника, то они обязаны вести учет расчетов по оплате труда и страховых взносов в разрезе каждого сотрудника, а также формировать налоговую и персонализированную отчетность, полностью аналогичную отчетности юридических лиц. Примечательно, что сам индивидуальный предприниматель юридически не считается работником своего бизнеса и не имеет права получать заработную плату. Соответственно, отсутствие необходимости бухгалтерского учета расчетов по оплате труда допустимо только для тех ИП, у которых нет в штате наемных работников. Как правило, это совсем мелкие по масштабам своей деятельности предприниматели, которые применяют УСН с объектом налогообложения «доходы» и (или) ПСН и которым исходя из изложенного выше достаточно ограничиться лишь учетом денежных средств и доходов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По итогам проведенного исследования, таким образом, получены следующие результаты:

- определены способы организации бухгалтерского учета у ИП в разрезе условий их функционирования и применяемой системы налогообложения, представлена область предназначения каждого из способов;
- показаны примеры практического использования данных бухгалтерского учета в налоговых расчетах ИП, применяющих различные системы налогообложения;
- проведено сравнение ключевых аспектов бухгалтерского и налогового учета малых предприятий – юридических и ИП;
- даны рекомендации по использованию отдельных регистров бухгалтерского учета в формировании информации о деятельности ИП при отсутствии у них регламентированной бухгалтерской (финансовой) отчетности;
- продемонстрированы примеры обоснованного снижения сумм налогов к уплате у ИП за счет повышения качества бухгалтерского учета и, напротив, представлены примеры налоговых правонарушений предпринимателей, возникающих по причине отсутствия у них бухгалтерского учета;
- даны авторские рекомендации по выбору того варианта полноты ведения учета индивидуальным предпринимателем, который в наилучшей степени подходит ему исходя из таких параметров, как вид деятельности, применяемая система налогообложения и наличие (отсутствие) в штате наемных работников.

Таким образом, нами были рассмотрены различные варианты полноты ведения бухгалтерского учета у ИП в зависимости от видов и масштабов их деятельности, состава клиентской базы, наличия (отсутствия) в штате наемных работников и применяемой системы налогообложения. Необходимо в качестве обобщающего вывода выразить мысль, что в современных условиях право ИП не вести бухгалтерский учет – это отнюдь не преимущество их перед юридическими лицами, позволяющее экономить на оплате бухгалтерских услуг, а напротив, – препятствие к развитию и расширению предпринимательской деятельности. В этой связи нами была наглядно продемонстрирована роль бухгалтерского учета для обеспечения достоверности налоговых расчетов предпринимателей, а также решения иных задач, в том числе направленных и на укрепление экономической безопасности. Выражаем надежду, что данная публикация вызовет интерес не только своей практической значимостью, но и обратит внимание научной мысли на неразработанные проблемы методики и организации бухгалтерского учета у ИП, которые, поскольку имеют широкое распространение на практике, нуждаются в надлежащем теоретическом обосновании.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Копылова Е.К., Копылова Т.И. Упрощенная бухгалтерская (финансовая) отчетность: особенности формирования в соответствии с ФСБУ 4/2023. *Международный бухгалтерский учет*. 2026;1:17-37. <https://doi.org/10.24891/hztknc>
Kopylova E.K., Kopylova T.I. Simplified accounting (financial) statements: some particularities of preparation in accordance with the RAS (FSBU) 4/2023. *International Accounting*. 2026;1:07-37. (In Russ.) <https://doi.org/10.24891/hztknc>
2. Костюкова Е.И., Бобрышев А.Н., Феськова М.В. Отчетность как инструмент управления субъектами малого предпринимательства. *Современная экономика: проблемы и решения*. 2023;6:76-88. <https://doi.org/10.17308/meps/2078-9017/2023/6/76-88>
Kostyukova E.I., Bobryshev A.N., Fes'kova M.V. Reporting as a tool for small business management. *Modern Economics: Problems and Solutions*. 2023;6:76-88. (In Russ.) <https://doi.org/10.17308/meps/2078-9017/2023/6/76-88>
3. Копылова Е.К., Копылова Т.И. Тенденции развития бухгалтерского учета субъектов малого предпринимательства. *Международный бухгалтерский учет*. 2025;12:4-23. <https://doi.org/10.24891/ljqdr>
Kopylova E.K., Kopylova T.I. Trends in the development of accounting for small businesses entities. *International Accounting*. 2025;12:4-23. (In Russ.) <https://doi.org/10.24891/ljqdr>
4. Забродин И.П. Низкое качество бухгалтерского учета в малом бизнесе: признаки, причины, последствия. *Современная экономика: проблемы и решения*. 2024;9:70-84. <https://doi.org/10.17308/meps/2078-9017/2024/9/70-84>
Zabrodin I.P. Poor accounting quality in small businesses: signs, causes, and consequences. *Modern Economics: Problems and Solutions*. 2024;9:70-84. (In Russ.) <https://doi.org/10.17308/meps/2078-9017/2024/9/70-84>
5. Зенкевич Л.П., Дудина О.И. Организация учета и отчетности для субъектов малого предпринимательства. *Экономика и бизнес: теория и практика*. 2025;4:159-164. <https://doi.org/10.24412/2411-0450-2025-4-159-164>
Zenkevich L.P., Dudina O.I. Organization of accounting and reporting for small businesses entities. *Economics and Business: Theory and Practice*. 2025;4:159-164. (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2411-0450-2025-4-159-164>
6. Сагидуллаева М.С., Мирзоева С.А. Роль бухгалтерского учета для субъектов малого предпринимательства в модернизации экономики. *Инновационная экономика: информация, аналитика, прогнозы*. 2024;4:23-28. <https://doi.org/10.47576/2949-1894.2024.4.4.002>
Sagidullaeva M.S., Mirzoeva S.A. The role of accounting for small businesses in the modernization of the economy. *Innovative Economy: Information, Analytics, Forecasts*. 2024;4:23-28. (In Russ.) <https://doi.org/10.47576/2949-1894.2024.4.4.002>
7. Созаева Т.Х., Хочуева З.М., Глашева Х.А. Малое и среднее предпринимательство в условиях цифровой трансформации. *Региональные проблемы преобразования экономики*. 2025;4:344-352. <https://doi.org/10.26726/rppe2025v4samse>
Sozaeva T.H., Hochueva Z.M., Glasheva H.A. Small and medium entrepreneurship in the context of digital transformation. *Regional Problems of Economic Transformation*. 2025;4:344-352. (In Russ.) <https://doi.org/10.26726/rppe2025v4samse>
8. Тагирова В.И. Оценка потребностей малого бизнеса в аутсорсинге. *Экономика и управление: проблемы, решения*. 2022;2(5):34-40. <https://doi.org/10.36871/ek.up.p.r.2022.05.02.004>
Tagirova V.I. Assessing the outsourcing demands of small businesses. *Economics and Management: Problems, Solutions*. 2022;2(5):34-40. (In Russ.) <https://doi.org/10.36871/ek.up.p.r.2022.05.02.004>
9. Burko K. Advantages and risks of accounting outsourcing. *Three Seas Economic Journal*. 2022;3(2):44-51. <https://doi.org/10.30525/2661-5150/2022-2-6>
10. Tomašević I., Đurović S., Abramović N., at al. Factors influencing accounting outsourcing using the transaction cost economics model. *International Journal Financial Studies*. 2023;11(2):61. <https://doi.org/10.3390/ijfs11020061>
11. Ylä-Kujala A., Kouhia-Kuusisto K., Ikäheimonen T., at al. Management accounting adoption in small businesses: interfaces with challenges and performance. *Journal of Accounting & Organizational Change*. 2023;19(6):46-69. <https://doi.org/10.1108/JAOC-07-2022-0100>
12. Ruiz T.N., Collazzo P. Management accounting use in micro and small enterprises. *Qualitative Research in Accounting & Management*. 2021;18(1):84-101. <https://doi.org/10.1108/QRAM-02-2020-0014>
13. Weigel C., Hiebl M.R.W. Accountants and small businesses: toward a resource-based view. *Journal of Accounting & Organizational Change*. 2023;19(5):642-666. <https://doi.org/10.1108/JAOC-03-2022-0044>
14. Алиев О.М. Упрощенные системы налогообложения для малого и среднего предпринимательства: опыт и совершенствование. *Финансы и кредиты*. 2025;10:89-109. <https://doi.org/10.24891/fc.28.8.1782>
Aliiev O.M. Simplified taxation systems for small and medium-sized businesses: Experience and improvement. *Finance and Credit*. 2025;10:89-109. (In Russ.) <https://doi.org/10.24891/fc.28.8.1782>
15. Нейштадт М.Л. О выборе режима налогообложения для обеспечения экономической безопасности субъектов малого предпринимательства. *Современная экономика: проблемы и решения*. 2025;1:117-134. <https://doi.org/10.17308/meps/2078-9017/2025/1/117-134>

- Neishtadt M.L. On the choice of taxation regime to ensure economic security of small businesses. *Modern Economics: Problems and Solutions*. 2025;1:117-134. (In Russ.) <https://doi.org/10.17308/meps/2078-9017/2025/1/117-134>
16. Harju J., Koivisto A., Matikka T. The effects of corporate taxes on small firms. *Journal of Public Economics*. 2022;212:104704. <https://doi.org/10.1016/j.jpubeco.2022.104704>
17. Забродин И.П. Современные учетные регистры: оценка информационных возможностей для практического применения. *Современная экономика: проблемы и решения*. 2023;11(167):44-57. <https://doi.org/10.17308/meps/2078-9017/2023/0/44-57>
- Zabrodin I.P. Assessment of information opportunities for practical application. *Modern Economics: Problems and Solutions*. 2023;11(167):44-57. (In Russ.) <https://doi.org/10.17308/meps/2078-9017/2023/0/44-57>
18. Забродин И.П. Автоматизированная форма в теории бухгалтерского учета: методология и практика. *Современная экономика: проблемы и решения*. 2023;6:63-75. <https://doi.org/10.17308/meps/2078-9017/2023/6/63-75>
- Zabrodin I.P. Automated form in accounting theory: methodology and practice. *Modern Economics: Problems and Solutions*. 2023;6:63-75. (In Russ.) <https://doi.org/10.17308/meps/2078-9017/2023/6/63-75>

Региональная дифференциация и перспективы развития альтернативных источников энергии в Российской Федерации

Урасова Анна Александровна

Пермский филиал Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института экономики Уральского отделения Российской академии наук, Пермь, Россия

SPIN-код: 7890-5951

annaalexandrowna@mail.ru

Федосеева Светлана Сергеевна

Пермский филиал Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института экономики Уральского отделения Российской академии наук, Пермь, Россия

SPIN-код: 9604-4195

fedoseeva.ss@mail.ru

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Урасова А.А., Федосеева С.С.
Региональная дифференциация
и перспективы развития альтернативных
источников энергии в Российской
Федерации. *Исследование проблем
экономики и финансов*. 2026;3:325.
<https://doi.org/10.31279/REFP-2026-3-325> EDN VERDNI

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ:

авторы декларируют отсутствие
явных и потенциальных конфликтов
интересов, связанных с публикацией
настоящей статьи.

БЛАГОДАРНОСТИ: статья подготовлена
в соответствии с планом НИР
Института экономики УрО РАН
на 2024–2026 гг.

ПОСТУПИЛА: 08.07.2026

ДОРАБОТАНА: 18.08.2026

ПРИНЯТА: 25.08.2026

ОПУБЛИКОВАНА ОНЛАЙН: 30.09.2026

COPYRIGHT: © 2026 Урасова А.А.,
Федосеева С.С.

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена исследованию пространственной дифференциации развития альтернативных источников энергии в регионах Российской Федерации, которое приобретает актуальность в условиях структурной трансформации энергетического сектора при реализации Энергетической стратегии. Цель исследования – выявить региональную дифференциацию развития альтернативных источников энергии и оценить перспективы роста энергетической отрасли. В исследовании использованы данные Минэнерго России, Ассоциации развития возобновляемой энергетики и Росстата. Авторами разработана система из пяти критериев для сравнительной оценки ведущих субъектов РФ по масштабам и мощности генерации, объему инвестиций, государственной поддержке и потенциалу роста. Проведенный критериальный анализ позволил выделить четыре региона-лидера, формирующих ядро отрасли с выраженной территориальной специализацией по конкретному типу генерации. Выявлена устойчивая территориальная специализация отрасли, формирующаяся вокруг южных солнечно-ветровых кластеров, арктических зон ветровой генерации и дальневосточных геотермальных узлов. Разработан сценарный прогноз установленной мощности альтернативных источников энергии до 2030 года. По базовому сценарию суммарная установленная мощность альтернативных источников энергии способна возрасти с 6,1 ГВт в 2024 году до 18,9 ГВт к 2030 году. Обоснована целесообразность дифференцированной региональной политики стимулирования возобновляемой энергетики с учетом ресурсной специфики территорий, а также инфраструктурных и финансовых ограничений, сдерживающих отраслевой рост. Полученные результаты могут быть использованы при мониторинге и корректировке региональных программ развития возобновляемой энергетики, а также при формировании инвестиционных стратегий.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: региональное развитие, дифференциация, альтернативные источники энергии, возобновляемая энергетика, энергопереход, критериальный анализ, сценарное прогнозирование

Regional differentiation and prospects for the development of alternative energy sources in the Russian Federation

Anna A. Urasova

Perm Branch of the Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Perm, Russia
annaalexandrowna@mail.ru

Svetlana S. Fedoseeva

Perm Branch of the Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Perm, Russia
fedoseeva.ss@mail.ru

TO CITE:

Urasova A.A., Fedoseeva S.S.
Regional differentiation and prospects for the development of alternative energy sources in the Russian Federation. *Research in Economic and Financial Problems*. 2026;3:325. (In Russ.)
<https://doi.org/10.31279/REFP-2026-3-325> EDN VERDNI

DECLARATION OF COMPETING

INTEREST: none declared.

ACKNOWLEDGMENTS: The article has been prepared in accordance with the state order to the Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences for 2024–2026.

RECEIVED: 08.07.2026

REVISED: 18.08.2026

ACCEPTED: 25.08.2026

PUBLISHED ONLINE: 30.09.2026

COPYRIGHT: © 2026 Urasova A.A.,
Fedoseeva S.S.

ABSTRACT

The article is devoted to the study of the spatial differentiation of the development of alternative energy sources in the regions of the Russian Federation, which is becoming increasingly important in the context of the structural transformation of the energy sector and the implementation of the Energy Strategy. The purpose of the study is to identify regional differences in the development of alternative energy sources and to assess the growth prospects of the energy industry. The research is based on data from the Ministry of Energy of the Russian Federation, the Association for the Development of Renewable Energy, and the Federal State Statistics Service. The system of five criteria for a comparative assessment of the leading regions in the Russian Federation is developed in terms of the scale and capacity of generation, the volume of investments, government support, and growth potential. The conducted criteria analysis enables to identify four leading regions that form the core of the industry with a pronounced territorial specialization in a specific type of generation. The identified stable territorial specialization of the industry is formed around the southern solar-wind clusters, the Arctic wind generation zones, and the Far Eastern geothermal nodes. The scenario forecast is developed for the installed capacity of alternative energy sources until 2030. According to the baseline scenario, the total installed capacity of alternative energy sources can increase from 6.1 GW in 2024 to 18.9 GW by 2030. The paper substantiates the feasibility of a differentiated regional policy for stimulating renewable energy, taking into account the resource specifics of the territories, as well as the infrastructure and financial constraints that hinder industry growth. The results can be used for monitoring and adjusting regional renewable energy development programs, as well as for formulating investment strategies.

KEYWORDS: regional development, differentiation, alternative energy sources, renewable energy, energy transition, criterion analysis, scenario forecasting

ВВЕДЕНИЕ

Глобальная энергетическая трансформация, ускоренная обязательствами государств в рамках Парижского соглашения по климату и процессом четвертого энергоперехода, превратила развитие альтернативных (возобновляемых) источников энергии (далее – АИЭ, альтернативные источники энергии, ВИЭ – возобновляемые источники энергии) в один из ключевых факторов долгосрочной конкурентоспособности национальных экономик. По оценкам Международного агентства по возобновляемым источникам энергии, в 2023 г. доля ВИЭ в мировом производстве электроэнергии достигла почти 30 %, а годовой ввод новых мощностей превысил 500 ГВт, существенно опережая прирост традиционной генерации [1]. Нельзя не отметить, что малые гидроэлектростанции, которые отмечаются в отдельных источниках в контексте возобновляемой энергетики, в данной работе исключены из рассмотрения, поскольку обладают спецификой и основываются на принципиально иной нормативно-правовой базе и механизмах поддержки.

В Российской Федерации, обладающей крупнейшими запасами углеводородов, развитие АИЭ относится к числу приоритетных направлений долгосрочной энергетической политики. Энергетическая стратегия Российской Федерации¹ определяет повышение конкурентоспособности ВИЭ в качестве одного из ключевых ориентиров инновационного развития топливно-энергетического комплекса. Согласно данным отраслевой статистики, к концу 2024 года совокупная установленная мощность ВИЭ-генерации в России достигла 6,52 ГВт, а годовая выработка «зеленой» электроэнергии составила порядка 11 млрд кВт ч, что в 1,8 раза превысило уровень 2020 г. [2; 3]. При этом на ветровую генерацию приходилось около 2,6 ГВт, на солнечную – 2,2 ГВт, на малые гидроэлектростанции – 1,3 ГВт, на объекты биомассы, биогаза и геотермальной энергии – свыше 100 МВт². Вместе с тем доля ВИЭ в общем энергопотреблении страны пока не превышает 1,12 %, что свидетельствует о значительном нереализованном потенциале отрасли [4].

Переход к «зеленой» энергетике в мировой практике сопровождается опережающим ростом мощностей ВИЭ³. В российских условиях развитие АИЭ определяется не столько климатической повесткой, сколько задачами

диверсификации энергоснабжения изолированных территорий, импортозамещения оборудования и формирования новых высокотехнологичных производств.

Вопросы развития возобновляемой энергетики в России получили освещение в ряде зарубежных и отечественных исследований. Так, можно выделить работы, связанные с макроэкономическим и сценарным прогнозированием. В монографии ИНЭИ РАН [1] разработаны долгосрочные сценарии развития низкоуглеродной энергетики России. В отдельных работах [5] предложены подходы к встраиванию прогнозов развития ТЭК в сценарии декарбонизации экономики. В рамках форсайт-исследования предложены прогнозные сценарии развития сектора ВИЭ на 15–20-летний период и сформулированы рекомендации для органов государственного управления и бизнес-структур [6]. Указанные работы опираются на методологию оптимизационного моделирования и формируют агрегированные оценки на национальном уровне, однако недостаточно дифференцируют результаты по субъектам РФ, что ограничивает их применимость для региональной политики.

В контексте исследований региональной экономики ВИЭ проведен обзор ресурсного потенциала альтернативных источников энергии (солнечной, ветровой, биоэнергетики) в регионах РФ и построены типологические группировки регионов по уровню обеспеченности ресурсами [7]. Анализ адаптации макрорегионов к внешним шокам и оценка роли энергетического фактора в формировании новых драйверов пространственного развития показали, что реализация энергоперехода создает разнонаправленные риски и возможности для субъектов РФ с различной отраслевой структурой [8]. В исследовательском дискурсе российская модель энергетического перехода характеризуется как «стратегия обычного развития», предполагающая сохранение доминирующей роли ископаемого топлива и незначительный (до 1 % к 2040 году) вклад солнечной и ветровой генерации в энергобаланс [9].

В качестве инструментария оценки региональной энергетической устойчивости исследователи предлагают методологию оценки устойчивости регионального энергоснабжения на основе распределенной генерации с использованием оптимизационных моделей инвестиционного планирования [10]. Оценка технологического

¹ Энергетическая стратегия Российской Федерации на период до 2050 года // Министерство энергетики Российской Федерации. URL: <https://minenergo.gov.ru/ministry/energy-strategy> (дата обращения: 24.06.2026).

² Чистая энергия шагает по стране. Как в России развивается возобновляемая энергетика и что мешает росту // Ведомости. Устойчивое развитие. URL: <https://www.vedomosti.ru/esg/ecology/articles/2024/08/05/1053998-chistaya-energiya-shagaet-po-strane?ysclid=mr35sz-tcg7362878905> (дата обращения: 24.06.2026).

³ Мировая ветроэнергетика: итоги 2024 года // Энергетика и промышленность России. URL: <https://www.eprussia.ru/epr/511-512/9653184.htm> (дата обращения: 24.06.2026).

фактора энергоэффективности и его воздействия на динамику выбросов парниковых газов в секторе «энергетика» России послужила основой для формирования методической базы расчета декарбонизационного эффекта АИЭ [11]. В рамках исследовательской работы В. М. Батенина и др. [12] выполнены сравнительные расчеты удельных параметров традиционных и нетрадиционных электростанций для российских условий. Сравнительный анализ развития ВИЭ-электрогенерации стран СНГ, включая оценку законодательной базы и тарифного регулирования, релевантный для российской практики, осуществлен в исследовании В. Бутузова [3].

Анализ ключевых рисков развития ВИЭ в отдельных регионах России проведен в исследовании Г. Чеботаревой и др. [13]. Оценка разнонаправленного влияния глобального энергоперехода на экспортные потоки российских регионов представлена в работе Ю. Д. Соколовой [14]. Перспективы солнечной энергетики в России рассматривались в работах, посвященных оценке экономической целесообразности и сценарному моделированию [15, 16].

Несмотря на активизацию исследований, в научной литературе недостаточно представлены работы, посвященные комплексному критериальному сопоставлению регионов-лидеров АИЭ с учетом отраслевой специализации (ветровая, солнечная, геотермальная, биоэнергетика), а также сценарному прогнозированию установленной мощности до 2030 года в разрезе типов генерации. Существующие оценки нередко опираются на усредненные показатели и не отражают пространственной неоднородности развития отрасли.

Вместе с тем можно обозначить ряд существенных методологических пробелов: во-первых, большинство исследователей применяют преимущественно ресурсный подход, предполагающий оценку потенциала; в ряде работ применяется и институциональный подход, но единой системы, задействующей указанные аспекты в рамках единой критериальной модели, не сложилось; во-вторых, в большинстве методик не учитывается отраслевая специализация регионов в разрезе конкретных видов АИЭ, что не позволяет проводить дифференцированную критериальную оценку; в-третьих, сценарное прогнозирование в большинстве работ ограничивается единым базовым вариантом без учета альтернативных сценариев и долгосрочных стратегических приоритетов; в-четвертых, отсутствие интегрального показателя во многом снижает сопоставимость результатов. В рамках данной работы предлагается методи-

ка, которая основана на формировании многомерной критериальной системы, охватывающей инфраструктурные, инвестиционные, институциональные и ресурсные показатели; включении интегрального показателя на основе взвешенной суммы баллов по пяти критериям; построении многовариантного сценарного прогноза с учетом базового, оптимистичного и пессимистичного вариантов развития; проведении пространственного анализа с учетом отраслевой специализации регионов, что в совокупности обеспечивает воспроизводимость методики и возможность ее практического применения.

Цель исследования – выявить региональную дифференциацию развития альтернативных источников энергии в субъектах Российской Федерации и оценить перспективы роста отрасли до 2030 года, определить перспективные направления региональной политики в сфере АИЭ, а также разработать и апробировать методику комплексной критериальной оценки регионов по уровню развития АИЭ с учетом отраслевой специализации и весовых коэффициентов.

Для достижения поставленной цели определены следующие задачи: сформировать систему критериев оценки регионов-лидеров АИЭ; провести критериальный анализ ведущих субъектов РФ; разработать сценарный прогноз установленной мощности до 2030 года; выявить пространственные закономерности размещения объектов АИЭ; разработать рекомендации по совершенствованию региональной политики стимулирования АИЭ.

Гипотеза исследования состоит в том, что развитие АИЭ в России имеет четко выраженную географическую специализацию, определяемую природно-климатическими и ресурсными факторами, а перспективы роста отрасли в значительной мере зависят от преемственности механизмов государственной поддержки и степени локализации производства оборудования.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Информационную базу исследования составили официальные данные Министерства энергетики Российской Федерации ⁴, Ассоциации развития возобновляемой энергетики ⁵, Института энергетических исследований РАН ⁶, Федеральной службы государственной статистики ⁷, а также материалы отраслевых обзоров и рейтингов регионов по уровню развития ВИЭ за 2020–2024 годы. Для верификации показателей использованы сведения об отдельных инвестиционных проектах, опубликованные в открытых источниках, и данные Энергетической стратегии РФ.

⁴ Официальный сайт Министерства энергетики Российской Федерации. URL: <https://minenergo.gov.ru/opendata>

⁵ Официальный сайт Ассоциации развития возобновляемой энергетики (АРВЭ). URL: <https://rreda.ru/products/>

⁶ Официальный сайт Института энергетических исследований РАН. URL: <https://www.eriras.ru/data/5/rus>

⁷ Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/10705>

В исследовании применен комплекс взаимодополняющих методов. Сравнительно-сопоставительный метод использован для систематизации данных о динамике установленной мощности и количества станций АИЭ по регионам. Критериальный анализ проведен на основе авторской системы из пяти показателей: (1) – «Количество станций»; (2) – «Установленная мощность»; (3) – «Инвестиции»; (4) – «Государственная поддержка»; (5) – «Потенциал роста», каждый из которых оценивается по десятибалльной шкале. Подобный подход к многокритериальной оценке региональных систем широко применяется в исследованиях энергетической трансформации и позволяет учитывать как количественные, так и качественные характеристики развития отрасли.

В работе использована десятибалльная шкала: 10 баллов – лидер (максимальное значение показателя среди анализируемых регионов); 8–9 баллов – высокий уровень (значение в верхнем квартиле распределения); 5–7 баллов – средний уровень (значение в межквартильном размахе); 3–4 балла – низкий уровень (значение в нижнем квартиле); 1–2 балла – минимальный уровень (единичные объекты или отсутствие развития).

Оценка по каждому критерию производилась на основе нормализации фактических значений относительно максимального показателя с последующим округлением до целого числа баллов.

Для расчета интегрального показателя региона применяется формула

$$I = w_1K_1 + w_2K_2 + w_3K_3 + w_4K_4 + w_5K_5, \tag{1}$$

где K_i – балльная оценка по i -му критерию, w_i – весовой коэффициент. При этом приняты следующие значения весовых коэффициентов:

- w_1 (количество станций) = 0,15;
- w_2 (установленная мощность) = 0,25;
- w_3 (инвестиции) = 0,25;
- w_4 (государственная поддержка) = 0,20;
- w_5 (потенциал роста) = 0,15.

Максимальное значение интегрального показателя составляет 10 баллов, а весовые коэффициенты отражают относительную значимость каждого критерия для комплексной оценки уровня развития АИЭ в регионе: приоритет отдается инвестиционной привлекательности и объему установленной мощности как наиболее объективным количественным показателям.

Сценарное прогнозирование осуществлено методом экстраполяции трендов с учетом двух вариантов: базовый сценарий предполагает сохранение текущих темпов роста и стабильность ДПМ ВИЭ (договоры о предоставлении мощности в отношении генерирующих объектов, использующих возобновляемые источники энергии);

оптимистичный сценарий учитывает планируемое расширение программы поддержки ВИЭ на 2025–2035 гг. и строительство новых мощностей (6–8 ГВт). При расчете прогнозных значений использованы данные об установленной мощности на 2024 г., среднегодовые темпы ввода объектов на 2020–2024 гг., а также информация о заявленных инвестиционных проектах. Картографический анализ применен для визуализации пространственного распределения объектов АИЭ и выявления территориальных кластеров.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Для проведения критериального анализа регионов-лидеров АИЭ использована система из пяти ключевых показателей, каждый из которых оценивается по десятибалльной шкале: критерий «Количество станций» отражает масштаб развития отрасли в регионе и наличие устоявшейся инфраструктуры; критерий «Установленная мощность» является прямым показателем энергетического вклада региона; критерий «Инвестиции» оценивает объем привлеченного капитала и инвестиционную привлекательность региона; критерий «Государственная поддержка» характеризует наличие федеральных и региональных программ стимулирования, налоговых льгот и других мер; критерий «Потенциал роста» отражает использованные ресурсы и возможности расширения.

Результаты критериального анализа представлены в таблицах 1 и 2.

Таблица 1
Регионы – лидеры по значению интегрального показателя уровня развития АИЭ

Table 1
Leading regions in terms of the integral indicator of the level of development of AIE

Регион – лидер	Значение интегрального показателя, балл
Ростовская область	8,55
Ставропольский край	8,40
Камчатский край	7,75
Белгородская область	7,10
Астраханская область	5,80
Волгоградская область	5,60
Республика Калмыкия	5,30
Мурманская область	5,00
Самарская область	4,70
Республика Дагестан	4,30

Источник: составлено авторами.

Source: compiled by the authors.

Таблица 2
Лидеры по отдельным критериям развития альтернативных источников энергии

Table 2
Leaders in the development of alternative energy sources

Критерий	Регион-лидер	Балл	Обоснование
Количество станций	Ставропольский край	10/10	7 ВЭС и 2 СЭС, максимальное число ВИЭ
Установленная мощность	Ростовская область	10/10	6 ВЭС, наибольшая суммарная мощность ветропарков
Инвестиции	Ростовская область	10/10	1 место рейтинга АРВЭ, лучший инвестиклимат
Государственная поддержка	Ставропольский край	10/10	Краевые программы, ДПМ ВИЭ, налоговые льготы
Потенциал роста	Камчатский край	10/10	Огромный геотермальный ресурс, пилотная площадка Минэнерго

Источник: составлено авторами.
Source: compiled by the authors.

Радарная диаграмма (рисунок 1) наглядно демонстрирует профиль регионов – лидеров по критериям развития АЭИ. Ростовская область показывает наиболее сбалансированное развитие с высокими показателями по мощности и инвестициям, что обусловлено концентрацией ветроэнергетических проектов и активной инвестиционной политикой. Ставропольский край лидирует по количеству станций и государственной поддержке, являясь «полигоном» для апробации стимулирования ВИЭ. Камчатский край обладает наивысшим потенциалом роста благодаря уникальным геотермальным ресурсам, однако нуждается в дополнительных инвестициях для его реализации. Белгородская область показывает устойчивое развитие биоэнергетики, интегрированной в агропромышленный комплекс региона.

Распределение действующих станций АИЭ по типам (рисунок 2) показывает доминирование солнечных электростанций по числу объектов, что связано с относительно низкой единичной мощностью СЭС и их широким распространением в южных регионах. Ветровые электростанции, напротив, характеризуются большей единичной мощностью и концентрацией в крупных проектах. Объекты биоэнергетики (биогазовые станции, котельные на биотопливе) занимают значимую долю в структуре за счет интеграции в агропромышленный и лесопромышленный комплексы. Геотермальные станции представлены незначительным числом объектов, сосредоточенных преимущественно на Камчатке и Курилах.

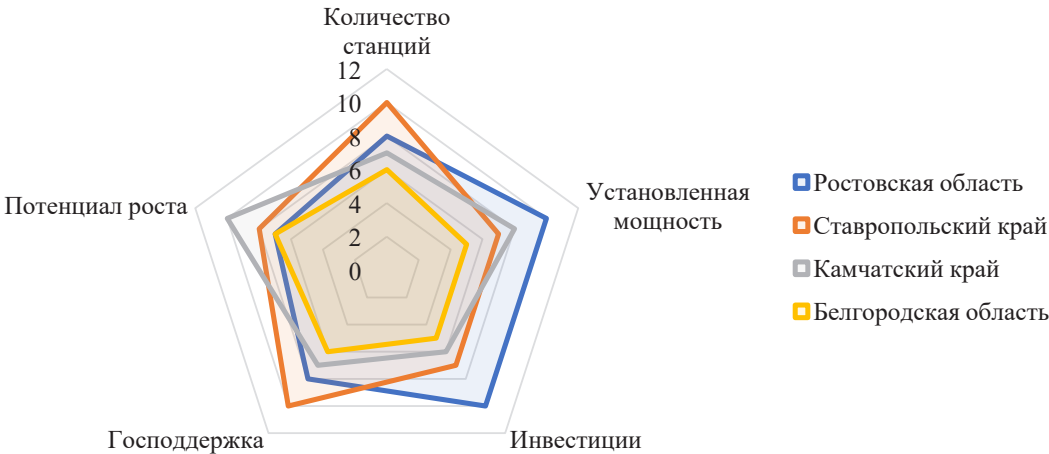

Рисунок 1
Профиль регионов – лидеров по критериям развития альтернативных источников энергии (баллы)

Источник: составлено авторами.

Figure 1
Profile of the leading regions in terms of the development of alternative energy sources (points)

Source: compiled by the authors.

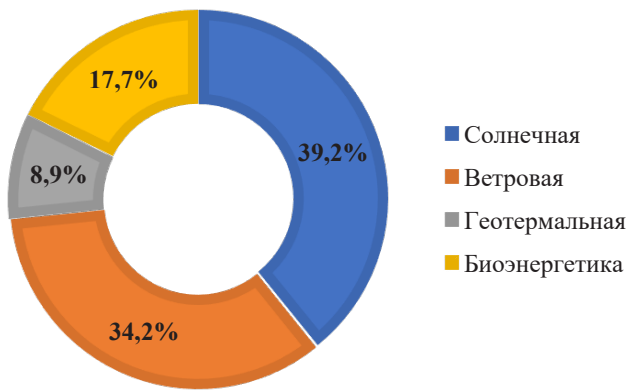

Рисунок 2
Распределение действующих в Российской Федерации станций АИЭ по типам генерации

Источник: составлено авторами.

Figure 2
Distribution of AES stations operating in the Russian Federation by generation type

Source: compiled by the authors.

Прогноз развития АИЭ в Российской Федерации до 2030 года базируется на комплексном анализе текущих трендов, действующих программ государственной поддержки и заявленных инвестпроектов. Базовый сценарий предполагает сохранение текущих темпов роста и стабильность механизмов ДПМ ВИЭ. Оптимистичный сценарий учитывает планируемое расширение программы поддержки ВИЭ на 2025–2035 гг. с объемом финансирования порядка 350–400 млрд руб. и строительство 6–8 ГВт новых мощностей. При расчете прогнозных значений использованы данные об установленной мощности на 2024 г., темпы ввода новых объектов за 2020–2024 гг., а также информация о планируемых проектах из проанализированных источников. Результаты прогноза по базовому сценарию представлены в таблице 3. Следует отметить,

что прогнозный горизонт до 2030 года представляет собой тактическую оценку, основанную на экстраполяции текущих трендов. В то же время Энергетическая стратегия Российской Федерации до 2050 года предусматривает пять сценариев развития: стресс-сценарий, инерционный, целевой, технического потенциала и интенсивно-целевой, что задает более широкую рамку для стратегического планирования. Расчеты по оптимистичному сценарию с учетом расширения программы ДПМ ВИЭ на 2025–2035 гг. (объем финансирования 350–400 млрд руб.) дают суммарную установленную мощность АИЭ к 2030 г. на уровне 21 500 МВт, что на 14 % превышает базовый сценарий. Пессимистичный сценарий, учитывающий возможную корректировку фактических объемов финансирования и ужесточение условий отбора проектов, оценивает суммарную мощность к 2030 г. на уровне 15 200 МВт, что на 20 % ниже базового варианта.

Ветроэнергетика демонстрирует наибольший абсолютный прирост мощности, что обусловлено масштабными проектами Госкорпорации «Росатом» в южных регионах и планами развития арктических ВЭС. К 2030 г. установленная мощность ветровых станций может достичь 9800 МВт, превысив солнечную генерацию, которая сохраняет лидерство по количеству объектов. Это объясняется большей единичной мощностью ВЭС по сравнению с СЭС и наличием крупных проектов в Самарской области, Республике Дагестан и Мурманской области. Геотермальная энергетика показывает наибольший относительный прирост (в 4,2 раза), что связано с низким стартовым уровнем и значительным неиспользованным потенциалом Камчатки и Курил. Биоэнергетика также демонстрирует высокий относительный рост (в 4,4 раза), который обеспечивается за счет распространения технологии биогазовых станций в сельскохозяйственных регионах и перевода котельных на биотопливо в лесопромышленных регионах.

Таблица 3
Прогноз установленной мощности АИЭ до 2030 года (базовый сценарий), МВт

Table 3
Forecast of installed capacity of AES until 2030 (base scenario), MW

Тип АИЭ	2024	2026	2028	2030	Рост, раз
Солнечная	3200	4500	6200	8300	2,6
Ветровая	2700	4500	6800	9800	3,6
Геотермальная	95	140	230	400	4,2
Биоэнергетика	100	170	280	440	4,4
Итого АИЭ	6095	9310	13 510	18 940	3,1

Источник: составлено авторами.

Source: compiled by the authors.

В целом суммарная установленная мощность всех типов АИЭ вырастет с 6,1 ГВт в 2024 г. до 18,9 ГВт к 2030 г., что соответствует увеличению в 3,1 раза (рисунок 3).

Представим также сравнительный прогноз установленной мощности АИЭ до 2030 г. по трем сценариям: базовый, пессимистичный, оптимистичный (таблица 4).

Картографическое представление данных позволяет наглядно оценить географическое распределение объектов альтернативной энергетики и выявить пространственные закономерности. На схематической диаграм-

ме (рисунок 4) отображены 28 регионов Российской Федерации с действующими или планируемыми объектами АИЭ, классифицированными по типу доминирующего направления и уровню развития. Южный федеральный округ формирует наиболее пилотный кластер развития ВИЭ, включающий солнечные и ветровые станции Ростовской области, Ставропольского края, Астраханской области, Калмыкии и Волгоградской области. Дальневосточный федеральный округ является зоной геотермальной энергетики (Камчатка, Сахалин) и ветроэнергетики арктического типа.

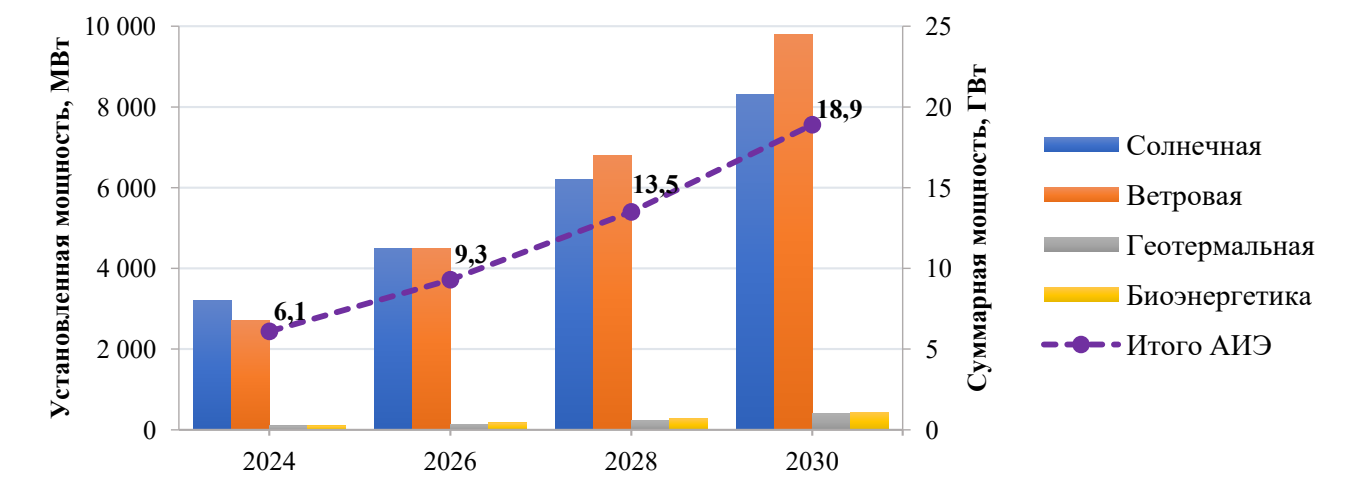

Рисунок 3
Прогноз развития АИЭ в РФ до 2030 года (базовый сценарий)
Источник: составлено авторами.

Figure 3
Forecast of the development of AES in the Russian Federation until 2030 (base scenario)
Source: compiled by the authors.

Таблица 4
Сравнительный прогноз установленной мощности АИЭ до 2030 года по трем сценариям: базовый, пессимистичный, оптимистичный

Table 4
Comparative forecast of the installed capacity of AIE up to 2030 under three scenarios: baseline, pessimistic, optimistic

Вид энергии	Базовый сценарий, МВт	Оптимистичный сценарий, МВт	Пессимистичный сценарий, МВт
Солнечная	8300	9600	7100
Ветровая	9800	11 500	7200
Геотермальная	400	500	300
Биоэнергетика	440	550	350
Итого	18 940	22 100 (рост в 3,6 раза)	14 950 (рост в 2,5 раза)

Источник: составлено авторами.
Source: compiled by the authors.

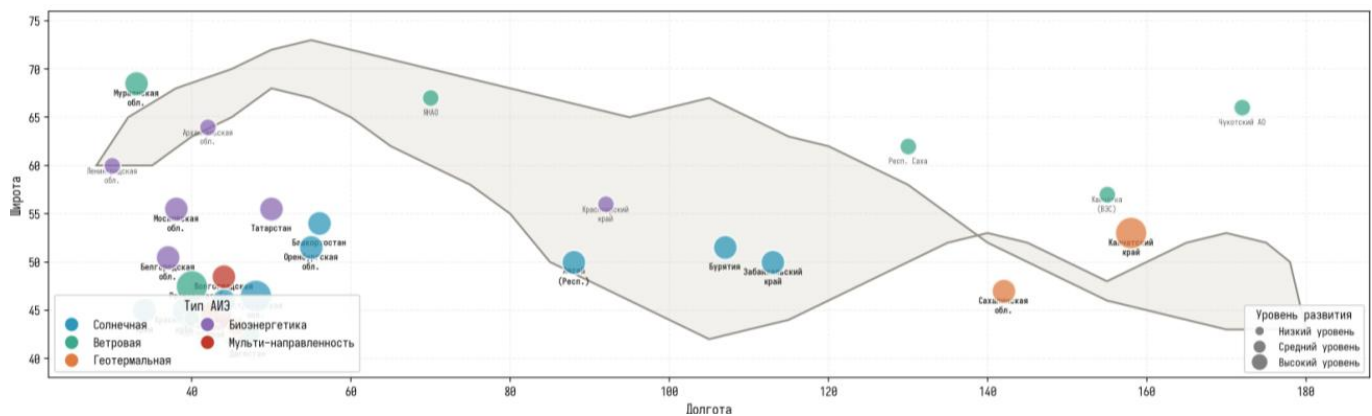

Рисунок 4
Схематическая диаграмма развития альтернативных источников энергии в регионах РФ
Источник: составлено авторами.

Figure 4
Schematic diagram of the development of alternative energy sources in the Russian Federation
Source: compiled by the authors.

На карте выделены регионы с мультинаправленным развитием АИЭ (Ставропольский край и Волгоградская область), в которых одновременно развиваются два и более типа альтернативной энергетики. Размер маркера отражает уровень развития: крупные маркеры соответствуют регионам с наибольшим количеством станций и установленной мощностью. Карта наглядно демонстрирует, что развитие АИД в России имеет четкую географическую специализацию: юг страны специализируется на солнечной и ветровой энергетике, Дальний Восток – на геотермальной, а центральный и северные регионы – на биоэнергетике. Оценка спроса на электроэнергию в регионах присутствия АИЭ проводилась косвенным методом на основе данных об объемах электропотребления, структуре энергобаланса и наличии энергодефицитных зон. Выбор четырех регионов-лидеров обоснован значениями интегрального показателя, рассчитанного как взвешенная сумма баллов по пяти критериям с учетом весовых коэффициентов (таблица 1). Ростовская область (8,55 балла) и Ставропольский край (8,40 балла) занимают первое и второе места. Камчатский край (7,75 балла) включен на основе максимального потенциала роста (10 баллов) и уникальности геотермального ресурса. Белгородская область (7,10 балла) вошла в число лидеров благодаря высокому интегральному показателю, обеспеченному устойчивым развитием биоэнергетики, интегрированной в агропромышленный комплекс, а также значительными показателями по инвестициям (8 баллов) и потенциалу роста (8 баллов).

Полученные в исследовании результаты свидетельствуют о том, что развитие АИЭ в России, несмотря на от-

носительно скромные объемы генерации по мировым меркам, приобрело устойчивую отраслевую структуру с выраженной региональной специализацией. Сложившаяся конфигурация в целом согласуется с выводами исследователей о том, что перспективы сектора ВИЭ в значительной мере определяются преемственностью государственной политики и адаптацией мировых технологических трендов к российским условиям.

Анализ региональных профилей показал, что российская политика поддержки ВИЭ стимулируется не только задачами декарбонизации, но и интересами развития высокотехнологичных производств. Выявленная географическая специализация отражает объективные ресурсные ограничения и сравнительные преимущества регионов. Концентрация ветровых и солнечных проектов на юге России обусловлена наиболее благоприятными ветровыми и инсоляционными условиями, а также наличием развитой сетевой инфраструктуры. Геотермальная специализация Камчатского края опирается на уникальный геотермальный ресурс; суммарный потенциал региона, по оценкам специалистов, позволяет полностью обеспечить энерго- и теплоснабжение Камчатки за счет геотермальной энергии. Развитие биоэнергетики в Белгородской области демонстрирует модель интеграции АИЭ в агропромышленный комплекс.

ОБСУЖДЕНИЕ

Проведенный анализ выявил четкую географическую специализацию регионов по типам АИЭ, обусловленную природно-климатическими условиями: солнечная энергетика концентрируется в регионах с наибольшей

суммарной солнечной радиацией; ветровая энергетика развивается в двух макрорегионах: южной ветровой зоне и арктической зоне; геотермальная специализация однозначно привязана к зонам современного вулканизма – Камчатский край и Курильские острова; биоэнергетика распределена по лесопромышленным и сельскохозяйственным регионам. Полученные результаты согласуются с климатическим районированием Российской Федерации и распределением плотности населения, поскольку наибольшая концентрация объектов АИЭ приходится на территории с относительно высокой плотностью населения и развитой сетевой инфраструктурой.

Ограниченность настоящего исследования связана с использованием прогнозных оценок, чувствительных к параметрам государственной поддержки и макроэкономической конъюнктуры. Базовый сценарий исходит из стабильности механизмов ДПМ ВИЭ, тогда как фактические объемы финансирования и условия отбора проектов могут корректироваться. Кроме того, десятибалльная критериальная оценка носит экспертный характер и может быть уточнена за счет внедрения формализованных весовых коэффициентов и привлечения расширенной группы экспертов. Кроме того, информационная база исследования ограничена использованием данных преимущественно за 2024 г., что связано с доступностью официальной статистики Минэнерго РФ. При этом в качестве косвенных данных привлекались региональные энергобалансы, инвестиционные отчеты и материалы отраслевых обзоров. Отметим также, что горизонт прогноза ограничен 2030 г., поскольку расширение прогноза до 2040–2050 гг. с учетом пяти сценариев Энергетической стратегии РФ требует анализа данных в ретроспективе за несколько десятилетий в соответствии с методикой расчета прогнозных оценок, что затруднительно в рамках данной работы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данной статье были изучены закономерности региональной дифференциации и перспективы развития альтернативных источников энергии в субъектах Российской Федерации. Полученные результаты показали, что отрасль находится на этапе активного роста, поддерживаемого федеральными программами ДПМ ВИЭ и региональными мерами стимулирования. Суммарная установленная мощность АИЭ по базовому сценарию вырастет с 6,1 ГВт в 2024 г. до 18,9 ГВт к 2030 г.

Выявлена четкая географическая специализация: солнечная энергетика концентрируется на юге страны, ветровая – на юге страны и в Арктике, геотермальная – на Дальнем Востоке, биоэнергетика распределена по лесопромышленным и сельскохозяйственным регионам.

Определены четыре региона-лидера, формирующих ядро развития отрасли: Ростовская область (ветроэнергетика, инвестиционная привлекательность, 25 % локализации российских ветропроектов), Ставропольский край (наибольшее число станций, государственная поддержка), Камчатский край (геотермальная энергетика, наивысший потенциал роста), Белгородская область (биоэнергетика, интегрированная в агропромышленный комплекс).

Установлено, что ключевыми факторами, сдерживающими развитие возобновляемой энергетики, остаются зависимость от механизма ДПМ ВИЭ, ограниченность транспортной инфраструктуры в отдаленных регионах, высокая капиталоемкость проектов и необходимость локализации производства оборудования.

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования предложенной критериальной системы и сценарного прогноза при корректировке региональных программ развития ВИЭ и формирования инвестиционных стратегий. Разработанную методику возможно применить для мониторинга и сравнительной оценки субъектов РФ по уровню развития АИЭ. Представленная методика критериальной оценки и расчета интегрального показателя обладает высокой воспроизводимостью за счет алгоритма нормализации, весовых коэффициентов и балльной шкалы, что позволяет применять ее к любой выборке регионов. Таким образом, представленную методику можно считать инструментом регулярного мониторинга развития АИЭ в субъектах РФ, а также сравнительной оценки эффективности региональных программ поддержки возобновляемой энергетики.

Рекомендуется усилить региональную дифференциацию мер государственной поддержки с учетом специфики каждого типа АИЭ, расширить механизмы финансирования за счет специальных кредитов и «зеленых» облигаций, стимулировать создание региональных кластеров ВИЭ с интеграцией в энергосистему, а также обеспечить приоритетное развитие АИЭ в энергодефицитных и изолированных районах Арктики и Дальнего Востока, где замена дизельной генерации возобновляемыми источниками имеет наибольшую экономическую эффективность.

Перспективы для дальнейших исследований связаны с оценкой социально-экономического эффекта развития и внедрения ВИЭ в моногородах и изолированных энергоузлах, анализом эффективности альтернативных механизмов финансирования и моделированием интеграции возобновляемой генерации в Единую энергетическую систему России с учетом развития систем накопления энергии и интеллектуальных сетей.

Вклад авторов

А. А. Урасова: разработка концепции, курирование данных, проведение исследования, разработка методологии, административное руководство исследовательским проектом, визуализация, написание рукописи – рецензирование и редактирование.

С. С. Федосеева: разработка концепции, проведение исследования, разработка методологии, валидация результатов, визуализация, написание рукописи – рецензирование и редактирование.

Contributions

A. A. Urasova: conceptualization, data curation, investigation, methodology, project administration, visualization, writing – review & editing.

S. S. Fedoseeva: conceptualization, investigation, methodology, validation, visualization, writing – review & editing.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Макаров А.А., Кейко А.В., Плаkitкин Ю.А., и др. *Исследование путей и темпов развития низкоуглеродной энергетики в России*. Москва: Институт энергетических исследований РАН; 2022.138.
Makarov A.A., Keiko A.V., Plakitkin Yu.A., et al. *Research on the Ways and Rates of Development of Low-Carbon Energy in Russia*. Moscow: Institute of Energy Research of the Russian Academy of Sciences; 2022.138. (In Russ.)
2. Chebotareva G., Dvinayninov A., Berdnikov A., et al. The economic potential of «green» hydrogen production and consumption in Russian regions. *R-Economy*. 2025;11(2):142-165. <https://doi.org/10.15826/recon.2025.11.2.008>
3. Бутузов В. Достижения и проблемы возобновляемой энергетики стран СНГ. *Энергетическая политика*. 2024;5(196):68-91. https://doi.org/10.46920/2409-5516_2024_5196_68
Butuzov V. Achievements and problems of renewable energy in the CIS countries. *Energy policy*. 2024;5(196):68-91. (In Russ.) https://doi.org/10.46920/2409-5516_2024_5196_68
4. Галкин Ю.В., Галкина А.А., Григорьев Л.М., и др. *Прогноз развития энергетики мира и России 2024*. Москва: ИНЭИ РАН; 2024.208.
Galkin Yu.V., Galkina A.A., Grigoriev L.M., et al. *Forecast of World and Russian Energy Development 2024*. Moscow: Institute of Energy Research of the Russian Academy of Sciences; 2024.208. (In Russ.)
5. Филиппов С.П., Веселов Ф.В., Кейко А.В., и др. Подходы к формированию прогнозов развития ТЭК России как составной части сценариев декарбонизации экономики страны. *Проблемы прогнозирования*. 2023;6(201):67-78. <https://doi.org/10.47711/0868-6351-201-67-78>
Filippov S.P., Veselov F.V., Keiko A.V., et al. Approaches to the forecast formation of the development of the Russian energy sector as a component part of scenarios for decarbonization of the country's economy. *Studies on Russian Economic Development*. 2023;34(6):769-777. (In Russ.) <https://doi.org/10.1134/s1075700723060035>
6. Proskuryakova L.N., Ermolenko G.V. The future of Russia's renewable energy sector: Trends, scenarios and policies. *Renewable Energy*. 2019;143:1670-1686. <https://doi.org/10.1016/j.renene.2019.05.096>
7. Мусаев Р.А., Барзаева М.А., Асхабов И.А. Ресурсные возможности регионов России в условиях перехода к альтернативным источникам возобновляемой энергии. *Вестник ГГНТУ. Гуманитарные и социально-экономические науки*. 2023;19(4(34)):20-28. <https://doi.org/10.26200/GSTOU.2023.21.64.002>
Musaev R.A., Barzaeva M.A., Askhabov I.A. Resource capabilities of Russian regions in conditions of transition to alternative sources of renewable energy. *Herald of GSTOU. Humanitarian, Social and Economic Sciences*. 2023;19(4(34)):20-28. (In Russ.) <https://doi.org/10.26200/GSTOU.2023.21.64.002>
8. Mikheeva N.N. Regional Projection of Russia's economic development in 2022–2023. *Studies on Russian Economic Development*. 2024;35:845-853. <https://doi.org/10.1134/S1075700724700382>
9. Mitrova T., Melnikov Yu. Energy transition in Russia. *Energy Transitions*. 2019;3(6):73-80. <https://doi.org/10.1007/s41825-019-00016-8>
10. Бык Ф.Л., Мышкина Л.С., Кожевников М.В. Повышение устойчивости энергоснабжения регионов на основе локальных интеллектуальных энергосистем. *Экономика региона*. 2023;19(1):163-177. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2023-1-13>
Byk F.L., Myshkina L.S., Kozhevnikov M.V. Improving the stability of power supply in regions on the basis of smart local energy systems. *Economy of Regions*. 2023;19(1):163-177. (In Russ.) <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2023-1-13>

11. Башмаков И.А., Мышак А.Д., Башмаков В.А., и др. Оценка вклада технологического фактора в повышение энергоэффективности и динамику выбросов парниковых газов в секторе «энергетика» России. *Фундаментальная и прикладная климатология*. 2023;9(4):403-431. <https://doi.org/10.21513/2410-8758-2023-4-403-431>
Bashmakov I.A., Myshak A.D., Bashmakov V.A., et al. Assessing the contribution from technological factor to energy efficiency improvement and to the evolution of energy related emissions of greenhouse gases in Russia. *Fundamental and Applied Climatology*. 2023;9(4):403-431. (In Russ.) <https://doi.org/10.21513/2410-8758-2023-4-403-431>
12. Батенин В.М., Зайченко В.М., Чернявский А.А. Развитие «зеленой» энергетики в России. *Известия Российской академии наук. Энергетика*. 2023;(4):21-32. <https://doi.org/10.31857/S0002331023040039>
Batenin V.M., Zaichenko V.M., Chernyavsky A.A. Development of «green» energy in Russia. *Proceedings of the Russian Academy of Sciences. Energy*. 2023;(4):21-32. (In Russ.) <https://doi.org/10.31857/S0002331023040039>
13. Chebotareva G., Strielkowski W., Berdnikov A., et al. Regional perspective on prospects and risks of the renewable energy in Russia. *Energy Science & Engineering*. 2024;12(10):4139-4165. <https://doi.org/10.1002/ese3.1868>
14. Sokolova Yu.D. Risks and prospects for russian regional export development in the face of the global energy transition. *Economy of Regions*. 2024;20(4):1190-1207. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2024-4-14>
15. Rausser G., Chebotareva G., Smutka L., et al. Future development of renewable energy in russia: A case of solar power. *Frontiers in Energy Research*. 2022;10:862201. <https://doi.org/10.3389/fenrg.2022.862201>
16. Bataev A., Potyarkin V., Glushkova A., et al. Assessment of development effectiveness of solar energy in Russia. *Energy Systems Environmental Impacts (ESEI 2020)*. E3S Web of Conferences. 2020;221:03002. <https://doi.org/10.1051/e3sconf/202022103002>

Устойчивое региональное лесопользование как объект статистического мониторинга достижения целей глобального развития в рамках реализации национальных проектов (на примере Республики Коми)

Уляшева Лариса Геннадьевна

Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера ФИЦ Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук, Сыктывкар, Россия

ulyasheva@iespn.komisc.ru

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Уляшева Л.Г. Устойчивое региональное лесопользование как объект статистического мониторинга достижения целей глобального развития в рамках реализации национальных проектов (на примере Республики Коми). *Исследование проблем экономики и финансов*. 2026;3:326. <https://doi.org/10.31279/REFP-2026-3-326> EDN IWSNAK

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ:

авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

ФИНАНСИРОВАНИЕ: Работа выполнена в рамках темы НИР «Цифровая биоэкономика северного региона: подходы и направления формирования» (№ Государственного учета 12401412700509-1).

ПОСТУПИЛА: 08.06.2026

ДОРАБОТАНА: 13.08.2026

ПРИНЯТА: 17.08.2026

ОПУБЛИКОВАНА ОНЛАЙН: 30.09.2026

COPYRIGHT: © 2026 Уляшева Л.Г.

АННОТАЦИЯ

Достижение устойчивого лесопользования является одним из компонентов 15-й глобальной цели устойчивого развития (ЦУР 15). Процесс интеграции всех 17 ЦУР в государственную политику РФ происходит через национальные проекты, а результаты должны отражаться в статистике и представляться в Добровольном национальном обзоре (ДНО). Региональная оценка достижения ЦУР недостаточно проработана. Необходимы улучшение статистического мониторинга и регионализация показателей по достижению устойчивости лесопользования, особенно в таких многолесных регионах, как Республика Коми. Актуальна задача повышения полноты и прозрачности в формировании открытого информационного пространства для мониторинга устойчивого лесопользования, в том числе в контексте ЦУР 15 и проектов по сохранению лесов. Цель исследования — оценить представление в открытых данных устойчивого регионального лесопользования на примере Республики Коми (в связке ЦУР 15 и нацпроектов). Для этого использован комплекс методов: контент- и системный анализ, сопоставление данных, обработка эмпирической информации и др. Основными источниками выступили официальная статистика, государственные доклады, паспорта проектов и данные цифровых платформ. Результаты показали, что открытых статистических данных недостаточно для полноценной оценки устойчивости лесопользования: показатели слабо учитывают региональную специфику, ориентированы на количественные метрики, недостаточно раскрывают качество и результативность процессов. Требуется более целостный подход к организации мониторинга: расширить систему показателей, усилить качественную составляющую, наладить региональную аналитику. Это повысит возможности для проведения сравнительного анализа и стратегического управления ресурсами в цифровой экономике.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: устойчивое лесопользование, национальные цели развития РФ, статистические данные, сохранение лесов, стратегия развития региона, Республика Коми, природно-экономический учет

Sustainable regional forest management in statistical monitoring for achieving global development goals under national projects (A case study of the Komi Republic)

Larisa G. Ulyasheva

Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North Komi Scientific Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences Syktyvkar, Russia

ulyasheva@iespn.komisc.ru

TO CITE:

Ulyasheva L.G. Sustainable regional forest management in statistical monitoring for achieving global development goals under national projects (A case study of the Komi Republic). *Research in Economic and Financial Problems*. 2026;3:326. (In Russ.) <https://doi.org/10.31279/REFP-2026-3-326>

DECLARATION OF COMPETING

INTEREST: none declared.

FUNDING. The research was conducted under the research theme “Digital Bioeconomy of the Northern Region: Approaches and Directions of Formation” (State registration number 12401412700509-1).

RECEIVED: 08.06.2026

REVISED: 13.08.2026

ACCEPTED: 17.08.2026

PUBLISHED ONLINE: 30.09.2026

COPYRIGHT: © 2026 Ulyasheva L.G.

ABSTRACT

Achieving sustainable forest management is one of the components of the 15th global Sustainable Development Goal (SDG 15). The integration of all 17 SDGs into Russian public policy is occurring through national projects, and the results should be reflected in statistics and presented in the Voluntary National Review (VNR). Regional assessment of SDG achievement is insufficiently developed. Improved statistical monitoring and regionalization of indicators for achieving sustainable forest management are required, specifically in forest-rich regions such as the Komi Republic. The challenge of enhancing completeness and transparency in the formation of an open information space for monitoring sustainable forest management is highly relevant, particularly in the context of SDG 15 and forest conservation projects. The aim of this study is to assess the representation of sustainable regional forest management in open data, using the Komi Republic as a case study (in conjunction with SDG 15 and national projects). To this end, a set of methods was employed, including content and system analysis, data comparison, and processing of empirical information. The main sources comprised official statistics, government reports, project documentation, and data from digital platforms. The results revealed that open statistical data are insufficient for a comprehensive assessment of the sustainability of forest management: the indicators inadequately reflect regional specificities, are oriented towards quantitative metrics, and insufficiently address the quality and effectiveness of processes. A more integrated approach to monitoring organization is required, namely expanding the system of indicators, strengthening the qualitative component, and developing regional analytics. This would enhance the opportunities for comparative analysis and strategic resource management in the digital economy.

KEYWORDS: sustainable forest management, national development goals in the Russian Federation, statistical data, forest conservation, regional development strategy, Komi Republic, environmental and economic accounting

ВВЕДЕНИЕ

Официальным отчетным документом, показывающим эффективность и результативность работы какой-либо страны по достижению целей устойчивого развития (ЦУР), признаваемым и принимаемым на международном уровне, является Добровольный национальный обзор (ДНО). Согласно российскому ДНО¹ ЦУР, разработанные и принятые ООН в 2015 году для международного применения в продвижении Повестки-2030, все прочнее интегрируются в политику Российской Федерации. Утверждается, что этот процесс выражается во включении в стратегические и программные документы страны отдельных целей и задач в логике устойчивого развития, некоторых показателей, отражающих степень их достижения, а также в формировании полноценной системы статистического учета показателей ЦУР для их мониторинга.

Полномочия по формированию официальной статистической информации по показателям достижения ЦУР в РФ возложены на Федеральную службу государственной статистики (Росстат). Национальный набор данных, характеризующих достижение ЦУР в России, представлен на веб-портале Росстата в подразделе «Цели устойчивого развития»². С 2019 года публикуется статистический ежегодник «Цели устойчивого развития в Российской Федерации». Однако, как отмечают исследователи³, раздел отчета, отражающий достижение ЦУР в региональном разрезе, не позволяет сформировать комплексную оценку достижения ЦУР в российских регионах для последующих межрегиональных сопоставлений.

Общепринятым ключевым условием успешной реализации ЦУР признается встраивание их в национальную политику, стратегии и планы. В ДНО обозначено, что в РФ в настоящее время меры и задачи, ведущие к достижению ЦУР, прописаны в следующих документах:

- национальных проектах 20 тематических направлений, состоящих из федеральных проектов различной тематики, имеющих логичное продолжение на региональном уровне для осуществления комплексной работы;
- иных программных и стратегических документах РФ.

Однако весьма показательными являются выводы по результатам анализа ДНО, проведенного Е. В. Пучковым относительно представленной в документе доказательности предпринятых мер и достигнутых результатов по ЦУР 4. Исследование указанного автора показывает, что наполнение обзора велось по принципу подбора подходящих мер и проектов, принимаемых с опорой на национальные цели и задачи, поэтому возможность синергии национальных целей и политик с ЦУР в российском кейсе слабо реализована [1]. По мнению Е. В. Пучкова, это обстоятельство поднимает вопрос об общем отношении к работе по достижению ЦУР.

И. В. Гришина с коллегами отмечает, что в ДНО оценка всех показателей ЦУР осуществляется на основе ретроспективного анализа, что не позволяет в полной мере провести количественную оценку достижения целей. Более того, обзор не дает возможности всесторонне оценить региональную дифференциацию в части достижения ЦУР. Зарубежные исследования, напротив, демонстрируют противоположную направленность – активную сосредоточенность на региональном аспекте устойчивого развития [2, 3].

Следует отметить, что полнота интеграции ЦУР в управление хозяйственной деятельностью периодически оценивается многими специалистами. Так, по оценкам А. Г. Сахарова, и др. [4], необходимо повышение уровня системности в подходе нашей страны к реализации ЦУР. В 2020 году Счетная палата Российской Федерации провела экспертно-аналитическое мероприятие, в ходе которого оценивалась степень интеграции Повестки устойчивого развития в систему государственного управления. Анализ показал⁴, что собрать полностью всю Повестку для России и определить, что существует понимание, как достигать ЦУР и как управлять системой, невозможно. Главной причиной этого называется отсутствие налаженного взаимодействия государственных органов по реализации Повестки.

Уровень взаимного соответствия Национальных целей развития (НЦР) и ЦУР ООН растет, но из всех задач ЦУР с российскими НЦР соотносятся около половины, ряд задач не адаптированы, а в «ядре» взаимных пересечений преобладает экономический аспект развития [5].

¹ Добровольный национальный обзор хода осуществления Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. URL: <https://www.economy.gov.ru/material/file/dcbc39abeafb0418d9d48c06c958e454/obzor.pdf?ysclid=mnycn8yblb3745839716>

² Национальный набор показателей ЦУР. URL: <https://rosstat.gov.ru/sdg/national>

³ Гришина И. В., Шкуропат А. В., Котов А. В., Филатов А. С. Интегральная оценка достижения регионами России целей устойчивого развития ООН. РАНХиГС. Препринт. № 3 (22). Москва, 2022. URL: <https://repec.ranepa.ru/rnp/wpaper/w20220310.pdf>

⁴ Цели устойчивого развития. Бюллетень счетной палаты. № 6 (271). 2020. URL: <https://inveb-docs.ru/attachments/article/sd-library/08-2020-9/Schetnaya-palata-tseli-UR.pdf>

Проведенный А. Г. Сахаровым, и др. анализ задач и мероприятий по реализации ЦУР вскрывает следующие значимые моменты [4]:

- повышение эффективности достижения ЦУР возможно при комплексном подходе;
- принятие комплексной стратегии устойчивого развития – оптимальный вариант;
- решение при отсутствии комплексной стратегии устойчивого развития – выделение ЦУР в разрабатываемых государственных программах, четкое распределение ответственности между органами исполнительной власти на федеральном и региональном уровне, определение индикаторов для мониторинга и проведение регулярного мониторинга.

Во исполнение пунктов 1к, 1л и 8 Перечня поручений Президента РФ⁵ в Республике Коми (РК) в 2022 году создан Региональный штаб по обеспечению устойчивости функционирования экономики. Осуществление деятельности штаба направлено на обеспечение стабильности функционирования только экономической составляющей регионального развития, что является практическим следствием отсутствия единого комплексного и системного подхода на всех уровнях власти к организации устойчивого социо-эколого-экономического развития без экономической доминанты. В этой связи весьма актуально утверждение коллектива авторов [1], что необходима регионализация ЦУР в РФ. Систему показателей достижения ЦУР по конкретным территориям целесообразно увязать с системой показателей эффективности высших должностных лиц. Однако в настоящее время, как показывает исследование И. В. Коршунова [6], в стратегиях социально-экономического развития российских регионов Северо-Западного федерального округа имплементация целей устойчивого развития ООН крайне неоднородна – от полного абстрагирования до признания в качестве ключевых ориентиров развития. При этом даже регионы-сторонники движения к ЦУР не дают формулировки четких планов реализации, сами планы ориентированы на сохранение текущей стагнационной ситуации с приоритетом экономической компоненты и недоучетом социальной и экологической составляющих устойчивого развития. В целом по проблеме измерения устойчивого развития какого-либо региона И. В. Коршунов заключает, что она до настоящего времени не решена.

С. М. Грудинин считает, что переход России к новому циклу национальных проектов на период 2025–2030 годов создает уникальное окно возможностей для системной интеграции принципов и целей устойчивого

развития в архитектуру стратегического планирования, когда можно создать эффективные инструменты межведомственной координации и повысить качество статистического мониторинга процесса [7].

Обзор ситуации с содержанием оценок и действий в достигнутом прогрессе приверженности России глобальным целям развития позволяет обозначить актуальную дискуссионность вопроса и сделать вывод о необходимости дальнейших исследований по улучшению качества, полноты, открытости и аналитичности по регионам официальных статистических данных по ЦУР.

Устойчивое лесопользование является ключевым элементом ЦУР 15 «Защита и восстановление экосистем суши и содействие их рациональному использованию». Воздействие на леса определяется при мониторинге индикатора «Площадь лесов в процентах от общей площади суши» и индикатора «Прогресс в направлении устойчивого лесопользования».

Необходимость достижения социо-эколого-экономической сбалансированности в управлении лесопользованием каждого региона для внесения индивидуального полноценного вклада в выполнение общероссийских целевых установок актуализирует проверку обеспечения системности, полноты и сопоставимости статистического мониторинга состояния и использования лесных ресурсов для оценки результатов в деле рационального управления лесами.

Цель исследования – оценка надежности статистического представления такого объекта мониторинга, как устойчивое региональное лесопользование. При этом оценка производилась в рамках двух взаимосвязанных тематических контент-контуров: ЦУР 15 и национальные проекты. Региональный аспект учтен с помощью представления данных по РК, хотя территориальная фокусировка может быть произведена на примерах любых других регионов, что несет в себе апробационный потенциал для продолжения подобных исследований.

Для достижения цели решались следующие задачи:

- выявлялись научные и практические подходы к организации учета и управления устойчивым лесопользованием в контексте достижения ЦУР 15;
- оценивалась российская информационная база по представлению устойчивого регионального лесопользования;
- раскрывались в контексте практического достижения ЦУР 15 в РК индикаторы устойчивого лесопользования в федеральном проекте «Сохранение лесов»;

⁵ Перечень поручений по итогам совещания о мерах социально-экономической поддержки регионов № Пр-622, утв. Президентом РФ 10.04.2022. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/68175?ysclid=mpuxmqldw862139946>

- определялся и характеризовался перспективный инструмент повышения качества и доступности официальной статистики устойчивого лесопользования в виде государственной информационной системы «Цифровая аналитическая платформа предоставления статистических данных» (ГИС ЦАП).

Объектом исследования выступило устойчивое региональное лесопользование. Предмет исследования сосредоточился на статистическом представлении устойчивости лесопользования в РК как инструменте фиксации достижений в выполнении ЦУР 15 и российских национальных проектов.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Рамки исследования предопределили проведение аналитического обзора нормативно-правовой документации, стратегических документов, научных публикаций, статистических данных и кейсов конкретных регионов, соответствующих заданной тематике. Нормативно-правовая база была сформирована на основе данных справочно-правовых систем. Мнения и рекомендации исследователей, концепции, подходы и методики устанавливались и прорабатывались по научным публикациям, представленным в электронных библиотеках и на онлайн-ресурсах.

Для проведения оценки российской информационной базы по представлению устойчивого регионального лесопользования потребовалось осуществление мониторинга и систематизации собранной информации для применения методов сравнительного анализа, критического анализа данных, что позволило сделать выводы о региональных особенностях, показать вклад региона в достижение общероссийских показателей, выявить ограничения и расхождения по региональным сведениям. Материалами и источниками информации выступили официальные документы, статистические данные, региональные источники и научные разработки.

Для раскрытия индикаторов устойчивого лесопользования, представленных в мониторинге федерального проекта «Сохранение лесов» в контексте практической реализации достижения ЦУР 15 в РК также использовался комплекс аналитических подходов. С помощью сравнительного анализа были исследованы плановые показатели проектов и выявлены различия в целевых значениях для РК и РФ. Проведенный контент-анализ паспорта федерального проекта «Сохранение лесов» позволил выявить логику документа и связать его с целями ЦУР 15, а системный подход стал основой оценки

совместной работы всей совокупности элементов данного управленческого руководства. Результатом критического анализа выступили суждения о проблемах, указание на имеющийся дисбаланс в акцентах и формулировка выводов о перспективах. Данный комплекс методов, задействованный для выявления сильных и слабых сторон реализации исследуемого проекта, оценки вклада региона и обозначения проблемных зон, был применен не только к первичным проектным документам и их табличным данным, но и к показателям из Единой межведомственной информационно-статистической системы (ЕМИСС), данным сайтов и публикаций в СМИ.

Помещение исследуемых вопросов в контекст национального проекта «Экономика данных и цифровая трансформация государства», поскольку именно в его рамках предусмотрены работы по федеральному проекту «Государственная статистика», способствовало обозначению перспективного вектора решения выявленных проблем. Он заключается в разработке подходов к формированию релевантного перечня статистических данных об устойчивом региональном лесопользовании в «Цифровой аналитической платформе предоставления статистических данных» (ГИС ЦАП).

Структурирование всех полученных результатов содействовало формированию заключительных общих выводов.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

Научные и практические подходы к организации учета и управления устойчивым лесопользованием в контексте достижения ЦУР 15

В РФ устойчивыми, экологически и социально ответственными признаются лесоводство и лесопользование, основанные на следующих принципах ⁶:

1. Результатом устойчивого лесопользования является лес как совокупность природных экосистем, обеспечивающая набор средообразующих, природоохранных и социальных функций. Заготовка любых лесных ресурсов должна вестись с минимально возможным ущербом.
2. Лес – общенациональное достояние. Любое использование лесных ресурсов должно быть открытым для независимого контроля.

⁶ Принципы и критерии устойчивого, экологически и социально ответственного лесоводства и лесопользования в России. URL: http://old.forest.ru/rus/sustainable_forestry/what_is/gp.html

3. Природа леса, развивающаяся без воздействия человека, должна сохраняться.

Логично предположить, что указанные принципы устойчивого лесопользования должны обязательно найти отражение в выбранных для мониторинга показателях с соблюдением соответствия основным критериям.

Исследованию организации и анализу достижения устойчивого развития, в том числе в сфере лесопользования (и в частности, регионального), посвящены работы многих авторов, но они касаются общих основ и подходов с обозначением, тем не менее, важных для нашей работы моментов:

1. Рекомендация на создание системы взаимодействия между федеральным центром и регионами (с акцентом на повышение роли региональных стратегий устойчивого развития). Показатели устойчивого развития должны состоять из трех составных частей (экономической, социальной и экологической). Обосновано внедрение системы экологического менеджмента с разработкой нормативов ресурсосбережения [8].
2. Рекомендация моделирования эколого-экономического баланса региона на основе сбалансированности между экономическим и экологическим «производством» леса: стоимостным выражением произведенной лесопромышленной продукции и углеродных запасов лесных экосистем [9].
3. Рекомендация поиска приоритетных направлений развития территории в рамках национальных проектов и оценки устойчивого управления лесами по специфическим критериям с применением конкретных индикаторов [10].
4. Рекомендация включения Кабардино-Балкарской Республики в ЦУР-мониторинг с акцентом на важности регионального уровня реализации ЦУР для достижения национальных ориентиров, необходимости мониторинга показателей и проблемах оценки устойчивого регионального развития [11].
5. Рекомендация из зарубежного опыта [12] по региональному сотрудничеству, в том числе укреплению национальной статистической системы и показателей ЦУР, а также обеспечению платформы взаимодействия.
6. Рекомендация применения интегрального индекса для оценки достижения ЦУР, позволяющего сравнивать уровень регионов между собой [18]. Интересны результаты по РК – она оказалась с Индексом ЦУР 61,1 на 73-м месте из 85 регионов, при этом значение данного показателя по ЦУР 15 составляет 53,2. Однако для обеспечения сопоставимости в расчет принимались только 2 индикатора, и такая региональная особенность РК, как многолесность и лесопромышленная направленность развития, которую логично предлагает учитывать С. В. Макара [9], вообще не повлияла на оценку.
7. Рекомендация развития методологии стратегического планирования в регионах. Республика Коми

отнесена в группу регионов, которыми разработка стратегии устойчивого социально-экономического развития в явной форме не декларировалась, но обсуждение этого вопроса в контексте достижения устойчивости в развитии базовых секторов экономики осуществлялось [6].

8. Рекомендация применения систематизации регионов страны по степени достижения ЦУР на основе агрегированной оценки в достижении устойчивости. Самобытно разработанная автором [13] система показателей позволяет создать информационную базу для проведения и корректировки региональной социально-экономической политики в зависимости от степени достижения отдельных ЦУР.

После выявления предлагаемых на сегодняшний день общих основ и подходов в достижении устойчивого развития, в том числе в сфере лесопользования, важно указать, что эффективным методом управления устойчивым развитием на международном уровне общепризнано считается Система эколого-экономического учета (СЭЭУ). Зарубежные исследователи едины во мнении по поводу необходимости использования данных СЭЭУ для повышения эффективности принимаемых управленческих решений, связанных с устойчивым развитием территорий [14–16].

Разработка счетов природно-экономического учета лесных ресурсов осуществляется белорусскими исследователями и представляется как наиболее эффективный инструмент комплексного анализа лесопользования [17]. С. С. Прокопович предлагает к использованию эколого-экономическую методику, которая позволит получать стоимостную оценку лесов [18].

Российскими специалистами также ведется работа по осмыслению и разработке рекомендаций наилучшего применения СЭЭУ:

- обозначаются основные проблемы отражения лесных ресурсов [19], [20];
- высказывается посыл преодоления фрагментарности охвата счетоводством и организации более полного учета всех возможных лесных ресурсов [21];
- оцениваются ресурсы древесины [22–24] и составляются для их учета региональные природно-экономические счета [23–25].

По федеральному плану статистических работ региональные показатели к 2030 г. должны составить 83 % национального перечня ЦУР [26]. Статистикой ЦУР занимался коллектив авторов под руководством А. Д. Думнова [27], но исследование касалось только сферы агроэкологии.

По нашему мнению, исследование вопросов полноценно-прозрачного и компактно-наглядного представления статистической информации по успешности осуществле-

ния регионального устойчивого лесопользования в курсе действия национальных проектов с позиций достижения ЦУР, а также оценки достаточности и адекватной наполненности действующего перечня индикаторов реальному положению дел в действительности не нашло своего должного отражения в публикациях. Имеется достаточно интересное описание регионального опыта информационно-статистического обеспечения показателей ЦУР на примере Ростовской области [28], но оно касается создания общей картины по региону. Тем не менее в данном исследовании справедливо отмечается, что существует практическая потребность в представлении показателей ЦУР на уровне каждого субъекта РФ. В исследовании И. В. Гришиной с соавторами указывается, что опыт оценки достижения ЦУР накоплен еще в 4 субъектах Федерации: Республика Татарстан, Самарская область, г. Москва и Свердловская область, однако отмечается, что использованная методология недостаточно перспективна с точки зрения сопоставимости.

Комплексное исследование научных и практических подходов к организации учета и управления устойчивым лесопользованием, в том числе региональным, в контексте достижения ЦУР 15 позволило выявить следующие проблемные моменты и тенденции в их преодолении:

- необходимость повышения системности и комплексности;
- налаживание взаимодействия государственных органов;
- устранение преобладания экономического аспекта;
- необходимость объединения и полного использования предложений исследователей для формирования надежной картины по устойчивости лесопользования.

В связи с этим в имеющихся результатах проделанной на сегодняшний день работы необходимо определить степень достигнутой некоторых важных моментов:

- встроенность принципов устойчивого лесопользования в выбранные показатели для представления ЦУР 15 и выполнения национальных проектов;
- равноценность учета экологической, социальной и экономической составляющих в показателях по достижению устойчивого лесопользования;
- компактность и транспарентность представления показателей для пользователей;
- согласованность и сопоставимость федеральных и региональных позиций в прогнозных и отчетных ориентирах;
- полнота (соответствие) и достаточность охвата используемыми показателями явления под названием «устойчивость лесопользования»;

- доказательность достижения прогресса в рамках задач ЦУР 15.

Оценка российской информационной базы по представлению устойчивого регионального лесопользования

В ДНО России указано, что основными вызовами в лесной сфере являются изменение климата, усложнение лесопожарной и лесопатологической обстановки, изменение породного состава лесов, снижение популярности лесных профессий, рост антропогенного воздействия на леса. Меры по преодолению этих проблем предусмотрены в федеральном проекте «Сохранение лесов» национального проекта «Экологическое благополучие». В качестве доказательства прогресса отмечается, что результатом реализации мероприятий, направленных на достижение ЦУР 15 по сохранению лесов, за период 2015–2019 годов стало увеличение на 20 % площади лесов, где осуществляются мероприятия по их воспроизводству. Кроме того, отношение площади лесовосстановления и лесоразведения к площади утраченных лесных насаждений в 2019 году составило 80,6 % (рост на 30 % с 2015 года).

Е. В. Сибирская, и др. [29] указывают, что для организации внутри страны согласованной политики выполнения ЦУР важным механизмом являются процессы мониторинга и оценки. По мнению указанных авторов, в рамках мониторинга существуют огромные возможности для локализации «Повестки 2030» путем интеграции систем индикаторов локального, регионального, национального уровня. Так, например, в РЭУ им. Г. В. Плеханова создана информационно-аналитическая платформа⁷, компактно и интегрированно представляющая данные официальной российской статистики (в том числе по регионам), касающиеся мониторинга движения к достижению ЦУР в разрезе национальных проектов, но только до 2024 года. Ее данные, собранные по показателю «Лесовосстановление» (тыс. га), показывают на 2023 год увеличение, на 10 % по сравнению с 2019 годом площади лесовосстановления (1170/1067,5*100). Однако такой показатель, как «Площадь лесовосстановления» на веб-портале Росстата в подразделе «Цели устойчивого развития» не отслеживается. Показатель «Воспроизводство лесов в РФ» можно увидеть на сайте Росстата в подразделе «Лесоводство и предоставление услуг в области лесоводства» раздела «Окружающая среда» официальной статистики. Данные по лесовосстановлению за период 2017–2025 гг. представлены в таблице 1.

⁷ Аналитическая платформа Ситуационного центра социально-экономического развития регионов Российской Федерации. URL: <https://regstat2.rea.ru/>

Таблица 1
Воспроизводство лесов в РФ, тыс. га

Table 1
Forest regeneration in the Russian Federation, thousand hectares

Период лесовосстановления	Показатели лесовосстановления		
	Всего	Искусственное лесовосстановление	
		Площадь создания лесных культур	В процентах к общей площади лесовосстановления
2017	961,8	176,6	18,4
2018	940,4	171,8	18,3
2019	1067,5	176,8	16,6
2020	1133,7	201,5	17,8
2021	1059,0	208,2	19,7
2022	1165,0	209,4	18,0
2023	1170,0	208,1	17,8
2024	1069,6	206,2	19,3
2025	971,5	202,1	20,8

Примечание: Составлено по данным Росстата. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11194>
Note: Compiled based on data from Rosstat. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11194>

Значения показателя по восстановлению лесов в РФ, приведенные в таблице 1, демонстрируют следующую динамику за 2017–2025 гг:

- нестабильность ежегодной величины общей площади лесовосстановления с возвратом значения выполненного объема работ в 2025 году (971,5 тыс. га) практически к уровню 2017 года (961,8 тыс. га);
- рост площади искусственного лесовосстановления за исследуемый период – со 176,6 тыс. га за 2017 год до 202,1 тыс. га за 2025 год;
- увеличение доли искусственного лесовосстановления в общей площади воспроизводства лесов на 2,4 п (20,8–18,4).

Сайт территориального органа Федеральной службы государственной статистики по РК не располагает подобными данными. Ситуацию с лесовосстановлением по РК в аналогичном формате можно сформировать лишь по информации в Государственных докладах о состоянии окружающей среды РК, имеющихся на сайте Министерства природных ресурсов и экологии Республики Коми. Результаты обработки данных приведены в таблице 2.

Значения показателя по восстановлению лесов в РК, приведенные в таблице 2, демонстрируют следующую динамику за 2017–2024 гг:

- начало исследуемого периода характеризуется недовыполнением плана по лесовосстановлению (фактически восстановлено 50,88 тыс. га леса против плановых 50,96 тыс. га) в отличие от его завершающих данных (фактически 66,81 тыс. га при плановых 66,81 тыс. га);

- значение показателя лесовосстановления в 2024 году (66,81 тыс. га) значительно выросло по сравнению с уровнем 2017 года (50,88 тыс. га);
- рост площади искусственного лесовосстановления за исследуемый период – с 2,40 тыс. га за 2017 год до 4,47 тыс. га за 2024 год;
- нестабильность ежегодной величины (от 4,72 до 7,47) при общем за исследуемый период увеличении на 1,97 п (6,69–4,72) доли искусственного лесовосстановления в общей площади воспроизводства лесов.

Приведение данных, характеризующих площадь лесовосстановления по РК, к сопоставимому с российскими данными виду позволяет сделать следующие выводы:

- темпы роста восстановления лесных площадей в РК значительно выше ($66,81/50,88 = 1,31$) темпов роста лесовосстановления в целом по РФ ($971,5/961,8 = 1,01$);
- доля искусственного лесовосстановления на российском уровне значительно превышает долю искусственного лесовосстановления на региональном уровне, что позволяет сделать вывод о преобладании работ по содействию естественному лесовосстановлению;
- темп роста доли искусственного лесовосстановления на региональном уровне за период 2017–2024 гг. ($6,69/4,72 = 1,41$) гораздо выше темпа роста доли искусственного лесовосстановления на российском уровне ($20,8/18,4 = 1,13$).

Таблица 2
Воспроизводство лесов в РК, тыс. га

Table 2
Forest regeneration in the Komi Republic, thousand hectares

Период лесовосстановления	Показатели лесовосстановления		
	Всего (факт/план)	Искусственное лесовосстановление	
		Площадь создания лесных культур	В процентах к общей площади лесовосстановления
2017	50,88/50,96	2,40	4,72
2018	44,20/42,50	2,50	5,66
2019	55,10/43,70	2,90	5,26
2020	56,02/52,00	3,10	5,53
2021	59,08/55,62	4,30	7,28
2022	57,59/55,32	4,30	7,47
2023	62,95/62,87	3,72	5,91
2024	66,81/66,81	4,47	6,69

Примечание: Составлено по данным сайта Министерства природных ресурсов и экологии РК. URL: <https://oldmpr.rkomi.ru/dokumenty/gosudarstvennyy-doklad-o-sostoyanii-okrujayushchey-sredy-respubliki-komi>

Note: Compiled based on data from the website of the Ministry of Natural Resources and Ecology of the Komi Republic. URL: <https://oldmpr.rkomi.ru/dokumenty/gosudarstvennyy-doklad-o-sostoyanii-okrujayushchey-sredy-respubliki-komi>

Несмотря на информативность рассмотренного показателя в формировании картины по осуществляемому лесовосстановлению и его присутствию в ДНО по достижению ЦУР в 2020 году, он не входит напрямую в национальный перечень показателей ЦУР в РФ ⁸.

Имеется лишь косвенное его участие в расчете показателя достижения ЦУР в РФ – «Отношение площади лесовосстановления и лесоразведения к площади вырубленных и погибших лесных насаждений, %».

По данным Росстата, в показатели достижения ЦУР 15 по рациональному лесопользованию входит отслеживание следующих соотношений:

1. Площадь лесов в процентном соотношении к общей площади суши, значения которых приведены в таблице 3.

Данные таблицы 3 показывают, что доля площади лесов занимает больше половины общей площади суши РФ, но с 2023 года наметилась тенденция к снижению данного показателя. По РК в базе ЕМИСС данный показатель представлен начиная только с 2024 года. Он демонстрирует, что в настоящее время чуть более ¾ суши РК занято лесным покровом. Это обстоятельство указывает на то, что леса РК, представляя собой уникальную природную экосистему, являются общенациональным достоянием и должны эксплуатироваться

с минимально возможным ущербом, ясно демонстрируемым специальным набором показателей, а данные по показателям с результатами их использования должны быть в обязательном порядке открыты для независимого контроля.

2. Доля площади особо охраняемых природных территорий (ООТП) федерального, регионального и местного значения в общей площади территории страны. Собранные данные по РФ и РК представлены в таблице 4, по которой видно, что процентное соотношение площади ООТП и общей площади территории на национальном и республиканском уровне примерно одинаково. При этом доля ООТП на протяжении всего рассматриваемого периода как по РФ, так и по РК неуклонно возрастала, что положительно характеризует выполнение принципа устойчивого лесопользования по сохранению лесной природы, развивающейся без воздействия человека.

Работа по заполнению таблицы 4 показала ограниченность сведений, представленных в базе ЕМИСС, по формированию картины положения дел в регионах. Чтобы увидеть вклад и оценить роль какой-либо территории в общем уровне показателя по РФ, необходимо дополнительно изыскивать соответствующие сведения.

⁸ Национальный набор показателей ЦУР. URL: <https://www.rosstat.gov.ru/sdg/national>

Таблица 3
Площадь лесов в процентном соотношении к общей площади суши, %

Table 3
The area of forests in a percentage of the total land area, %

Территория	Год							
	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
РФ	53,08	53,09	53,09	53,09	53,09	53,09	52,79	52,7862
РК	Н/д	Н/д	Н/д	Н/д	Н/д	Н/д	Н/д	75,7691

Примечание: Составлено по данным ЕМИСС. URL: <https://fedstat.ru/indicator/58362>
Note: Compiled based on data from the Unified Interdepartmental Information and Statistical System. URL: <https://fedstat.ru/indicator/58362>

Таблица 4
Доля площади особо охраняемых природных территорий федерального, регионального и местного значения в общей площади территории страны, %

Table 4
The share of the area of specially protected natural territories of federal, regional, and local significance in the total area of the country's territory, %

Территория	Год							
	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
РФ	12.4	13.9	13.9	14.0	14.1	14.3	14.3	14.3
РК	Н/д	Н/д	Н/д	Н/д	13,2	13,8	13,8	13,9

Примечание: Составлено по данным ЕМИСС. URL: <https://fedstat.ru/indicator/58484> и данным Статистических ежегодников «ЦУР в РФ». URL: <https://rosstat.gov.ru/sdg/report/document/69771>
Note: Compiled based on data from the Unified Interdepartmental Information and Statistical System. URL: <https://fedstat.ru/indicator/58484> and the Statistical Yearbooks "Sustainable Development Goals in the Russian Federation". URL: <https://rosstat.gov.ru/sdg/report/document/69771>

3. Доля лесных площадей в пределах установленных законом охраняемых территорий. Значения по данному показателю, имеющиеся в ЕМИСС по РФ, представлены в таблице 5. Регионального деления база не содержит, однако в «Лесном плане Республики Коми на 2020–2029 годы» есть показатель «Лесные земли в общей площади особо охраняемых природных территорий». Его значение на 01.01.2024 составляет 62 %, что, по нашему мнению, указывает на необходимость не только страновой индивидуализации глобальных ЦУР, но и обязательного регионального преломления в организации учета лесов.

Данные таблицы 5 показывают, что по РФ на охраняемых территориях доля лесных площадей с 2017 по 2024 г. возросла с 2,0202 до 2,2998.

4. Отношение площади лесовосстановления и лесоразведения к площади вырубленных и погибших лесных насаждений в базе ЕМИСС, куда
- напрямую можно попасть по ссылке с подраздела «Цели устойчивого развития» на веб-портале Росстата, представлено ежемесячно по РФ в целом и по каждому региону отдельно (только за 2024–2025 гг). Так, по РФ за 2025 год данный показатель составил 149,64, по РК – 100,64. Нужные сведения за остальной исследуемый промежуток времени собраны из источников, указанных под таблицей 6. Анализ цифр в таблице 6 показывает, что приращение темпов роста российских значений отношения площади лесовосстановления и лесоразведения к площади вырубленных и погибших лесных насаждений происходило более ровно и целенаправленно на увеличение. В РК наряду с общим приростом периодически наблюдались спады показателя. Сравнение цифр за 2024–2025 гг. указывает на общий спад в деле превышения площади восстановления над площадью выбытия.

Таблица 5
Доля лесных площадей в пределах, установленных законом охраняемых территорий, %

Table 5
The share of forested areas within the protected territories established by law, %

Территория	Год							
	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
РФ	2.0202	2.1429	2.139	2.134	2.2006	2.2075	2.2088	2.2998
РК	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д

Примечание: Составлено по данным ЕМИСС. URL: <https://fedstat.ru/indicator/59428>
Note: Compiled based on data from the Unified Interdepartmental Information and Statistical System. URL: <https://fedstat.ru/indicator/59428>

Таблица 6
Отношение площади лесовосстановления и лесоразведения к площади вырубленных и погибших лесных насаждений, %

Table 6
The ratio of the area of reforestation and afforestation to the area of deforested and damaged forest stands, %

Территория	Год							
	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
РФ	68.90	73.00	80.70	94.30	110.73	119.24	135.16	157.91
РК	н/д	83,90	90,00	88,10	103,20	100,20	110,30	126,30

Примечание: Составлено (русские значения показателя) по данным статистических ежегодников «ЦУР в РФ» и приложений к нему. URL: https://docs.yandex.ru/docs/view?url=ya-browser%3A%2F%2F4DT1uXEPRrJRJIUFoewruPR1hF4op36aeowrh1nsPCnsf3AcKSJuWpT66cj57MAsmXfyo3HP7YUo1_Hr3sb53zMH22cWxQhDjIPi8JSVHyUuutEWt0xdIMW_3CEG0t-03QG0tIBhzSRTFIWjSGij5A%3D%3D%3Fsign%3DuVi4Wp7nZdTIzr5Vbyrhcl-yyKvZ4B-i1EB80GulpJU%3D&name=RUS_SDG_in_Russia_2025.xlsx&nosw=1

Note: Compiled (Russian values of the indicator) based on data from the Statistical Yearbooks “SDGs in the Russian Federation” and its appendices. URL: https://docs.yandex.ru/docs/view?url=ya-browser%3A%2F%2F4DT1uXEPRrJRJIUFoewruPR1hF4op36aeowrh1nsPCnsf3AcKSJuWpT66cj57MAsmXfyo3HP7YUo1_Hr3sb53zMH22cWxQhDjIPi8JSVHyUuutEWt0xdIMW_3CEG0t-03QG0tIBhzSRTFIWjSGij5A%3D%3D%3Fsign%3DuVi4Wp7nZdTIzr5Vbyrhcl-yyKvZ4B-i1EB80GulpJU%3D&name=RUS_SDG_in_Russia_2025.xlsx&nosw=1

Составлено (региональные значения показателя) по данным Аналитической платформы Ситуационного центра социально-экономического развития регионов РФ. URL: <https://regstat2.rea.ru/np/2525/data>

Compiled (regional values of the indicator) based on data from the Analytical Platform of the Situational Center for the Socio-Economic Development of the Regions of the Russian Federation. URL: <https://regstat2.rea.ru/np/2525/data>

Необходимо отметить, что данный показатель является ключевым при выполнении федерального проекта «Сохранение лесов». Он отмечен также в «Лесном плане Республики Коми на 2020–2029 годы» с обозначением планируемого результата – достижение к 2024 году 100 %-ного соотношения площади лесовосстановления и лесоразведения к площади вырубленных и погибших лесных насаждений. Как видно по данным таблицы, выполнение плана достигнуто уже в 2021 году с сохранением тенденции в последующий период.

Проведенный анализ российской информационной базы по представлению устойчивого регионального лесопользования показывает, что адаптация в РФ позиций ЦУР 15 происходит в фокусе учета изменений климата. Индикатор «Площадь лесов в процентах к общей площади суши» дублирует глобальный посыл и со-

ответствует минимизации ущерба лесам. Индикаторы «Доля площади ООТП федерального, регионального и местного значения в общей площади территории страны» и «Доля лесных площадей в пределах установленных законом охраняемых территорий» можно признать соответствующими всем трём позициям устойчивости лесопользования. Индикатор «Отношение площади лесовосстановления и лесоразведения к площади вырубленных и погибших лесных насаждений» отвечает решению глобальной задачи прогресса в направлении устойчивого развития в рамках обозначенного вызова по сокращению обезлесения и восстановлению деградировавшего леса. Однако связать напрямую официально отслеживаемые на уровне РФ показатели ЦУР 15 по лесной сфере с обозначенными в ДНО вызовами достаточно сложно. Непонятно, на-

пример, как решается проблема с изменением породного состава лесов, если даже показатель «Площадь лесовосстановления», к которому можно привязать данную характеристику, не включен в национальный перечень показателей ЦУР 15. Логично было бы увидеть показатели выполнения программ восстановления породного состава с приведением таких качественных метрик как состав пород и их приживаемость в восстановленных лесах.

Положительно можно оценить само наличие в открытом доступе данных, характеризующих устойчивость лесопользования, но недостаточная компактность их представления и фрагментарность региональных сведений препятствуют прозрачности, искажают сопоставимость и затрудняют контроль, что в целом усложняет процесс мониторинга, понимания ситуации и принятия решений.

Таким образом, если в целом по выбранным показателям устойчивого лесопользования при достижении ЦУР 15 в РФ можно констатировать некоторый прогресс, то оценка полноты самой системы применяемых показателей в части учета качества лесовосстановления и рисков, связанных с изменением климата, демонстрирует существенные пробелы в охвате и соответствии характеристикам устойчивости лесопользования. Отсутствие региональной сопоставимости представляемых данных и необходимость постоянного поиска дополнительных источников для оценки развития региона или его вклада в общероссийские достижения значительно снижает качество создаваемого информационного поля. Для полного соответствия принципам устойчивого лесопользования и повышения качества мониторинга необходимо расширять набор рассчитываемых, отслеживаемых, компактно и открыто представляемых индикаторов при обязательной интеграции всех возможных источников информации в публичном пространстве. При этом необходим баланс трех составляющих устойчивого лесопользования, который, как видно при действующем учете, недостаточно уравновешен. Если экологическую составляющую по имеющимся показателям можно в какой-то мере представить и на протяжении достаточно длительного времени отслеживать динамику устойчивости экологических процессов, то экономическая часть учтена лишь опосредованно через лесовосстановление как вид деятельности и не представлена больше ни одним показателем. Социальный аспект в показателях фактически полностью отсутствует, хотя в ДНО есть,

например, обозначение проблемы снижения популярности лесных профессий, но нет показателей для отслеживания прогресса в ее решении. Выявленная ситуация создает риск дисбаланса: можно вести работу по восстановлению лесов, но не получать древесину нужных параметров для ведения эффективной экономической деятельности, не обеспечивать занятость и доходы населения.

Индикаторы устойчивого лесопользования в мониторинге федерального проекта «Сохранение лесов»: практическая реализация достижения ЦУР 15 в регионе (на примере Республики Коми)

В паспорте федерального проекта «Сохранение лесов»⁹ общественно значимый результат (ОЗР) обозначен как сохранение лесов страны для жителей РФ путем обеспечения превышения площади воспроизводства лесов над площадью их выбытия. Для достижения данного общего результата предусмотрена работа над продвижением по следующим частным показателям:

- отношение площади лесовосстановления и лесоразведения к площади вырубленных и погибших лесных насаждений – один из показателей российской вариации ЦУР 15;
- сокращение площади лесных пожаров на землях лесного фонда по отношению к 2021 году – способен непосредственно воздействовать на сокращение площади выбытия лесов;
- отнесение площадей лесовосстановления к землям, на которых расположены леса (федеральный уровень показателя), – способен непосредственно воздействовать на увеличение площади лесов;
- доля лесов, по которым сформированы актуальные информационные материалы (в зоне с интенсивным лесопользованием) – федеральный уровень показателя, реализации в субъектах РФ не предусмотрено.

Для фактического достижения заложенных в федеральный проект конкретных планов по каждому показателю предусмотрены мероприятия (12 позиций). По РК при выполнении обозначенных действий предполагаются следующие значения (таблица 7), как приведенные в федеральном проекте, так и включенные одновременно в региональный проект «Сохранение лесов Республики Коми». Для оценки вклада РК приведены плановые цифры по РФ.

⁹ Паспорт федерального проекта «Сохранение лесов». URL: <https://prirodnadzor.admhmao.ru/upload/iblock/642/z8xauk33np4sad2is3ud-11mz800un8qq/Federalnyy-proekt-Sokhranenie-lesov.pdf>

По данным таблицы 7 можно судить о предполагаемом прогрессе до 2030 года вследствие выполнения мероприятий по всем результативным показателям:

- площадь вырубленных в РК лесов ежегодно должна восстанавливаться не менее чем на 100 %;
- площадь лесных пожаров в РК постепенно должна сократиться более чем на ¼ по отношению к 2021 году при достижении в целом по России значения данного показателя в размере чуть более половины;
- отнесение площадей лесовосстановления к землям, на которых расположены леса, планируется увеличить более чем в 5 раз.

Из 12 предусмотренных федеральным проектом мероприятий только 5 позиций предназначены для выполнения в Республике Коми. Значения по данным федерального и регионального проектов представлены в таблице 8.

Собранные проектные данные, структурированные в таблице 8, наглядно демонстрируют различие региональных значений в федеральном и региональном проектах по трем направлениям работы. Ежегодные плановые цифры в региональном проекте гораздо меньше по сравнению с федеральными планами отно-

сительно РК при приобретении специализированной пожарной техники, при выращивании и использовании дополнительного посадочного материала и при создании новых (развитии существующих) объектов лесного семеноводства. Совпадения значений федеральных и региональных предписаний наблюдаются по выполнению мероприятий, связанных с увеличением площади лесовосстановления на лесных участках, не переданных в аренду, и мероприятий по уходу за лесными культурами. Мероприятия по выращиванию и использованию дополнительного посадочного материала в созданных и модернизированных питомнических хозяйствах в республиканском проекте не предусмотрены совсем. Для решения задачи по сохранению лесов страны, обозначенной в республиканском проекте, дополнительно к перечню результатов, заложенных федеральным проектом для достижения ОЗР по РК, выделено одно мероприятие, которого нет в региональной раскладке по федеральному проекту. Только в 2025 году без какого-либо продолжения и выведения нарастающего итога к 2030 году планировалось увеличение площади лесовосстановления на лесных участках республики, переданных в аренду, на 40 тыс. га.

Таблица 7
Плановые значения показателей федерального и регионального проекта «Сохранение лесов» по Российской Федерации и Республике Коми

Table 7
Planned values of indicators for the federal and regional project “Forest Conservation” for the Russian Federation and Komi Republic

Сегментация по периодам (годы) и территориям		Показатель		
		Отношение площади лесовосстановления и лесоразведения к площади вырубленных и погибших лесных насаждений, %	Сокращение площади лесных пожаров на землях лесного фонда по отношению к 2021 году, %	Отнесение площадей лесовосстановления к землям, на которых расположены леса, тыс. га
2025	РФ	100	51,1	1078,2
	РК	100	63,6	48,1
2026	РФ	103	51,2	2078,2
	РК	100	66,0	93,1
2027	РФ	106	51,4	3078,2
	РК	100	68,5	138,1
2028	РФ	109	51,5	4078,2
	РК	100	70,9	183,1
2029	РФ	110	51,6	5078,2
	РК	100	73,3	228,1
2030	РФ	112	51,7	6078,2
	РК	100	75,7	273,1

Примечание: Составлено по Паспорту федерального проекта «Сохранение лесов» и Паспорту регионального проекта «Сохранение лесов» (РК) ¹⁰.
Note: Compiled based on the Passport of the Federal Project “Forest Conservation” and the Passport of the Regional Project “Forest Conservation” (Komi Republic).

¹⁰ Паспорт регионального проекта «Сохранение лесов» (Республика Коми). URL: https://project.rkomi.ru/uploads/documents/rp_soxrane-nie_lesov_respublika_komi_2025-09-08_14-43-35.pdf

Таблица 8
Результаты федерального и регионального проекта «Сохранение лесов» для Республики Коми

Table 8
The results of the federal and regional project “Forest Conservation” for the Komi Republic

Значения в документах	Результаты мероприятий по годам					
	2025	2026	2027	2028	2029	2030
1. Приобретена специализированная пожарная техника в целях оснащения учреждений органов государственной власти субъектов Российской Федерации для проведения комплекса мероприятий по охране лесов от пожаров (нарастающим итогом), единицы						
РФ	288	639	982	1322	1673	1792
Коми (федеральный проект)	1	8	12	15	16	17
Коми (региональный проект)	—	2	3	7	11	15
2. Проведены мероприятия по увеличению площади лесовосстановления на лесных участках, не переданных в аренду, в том числе вокруг городов и промышленных центров (нарастающим итогом), тыс. га						
РФ	108,3	216,6	324,9	433,2	541,5	649,8
Коми (федеральный проект)	7,5	15	22,5	30	37,5	45
Коми (региональный проект)	7,5	15	22,5	30	37,5	45
3. Выращен и использован дополнительный посадочный материал в созданных и модернизированных питомнических хозяйствах (нарастающим итогом), млн. шт						
РФ	—	2	6	12	22,4	32,8
Коми (федеральный проект)	—	—	—	—	0,4	0,8
4. Выполнены мероприятия по уходу за лесными культурами, тыс. га						
РФ	65	65	65	65	50	36
Коми (федеральный проект)	0,56	1,25	1,441	0,578	0,375	0,6
Коми (региональный проект)	—	1,25	1,441	0,578	0,375	0,6
5. Созданы новые и осуществлено развитие существующих объектов лесного семеноводства (нарастающим итогом), га						
РФ	9026,9	18053,8	27080,7	36107,6	45134,5	54161,4
Коми (федеральный проект)	236,90	473,80	710,70	947,60	1184,50	1 421,40
Коми (региональный проект)	—	211,50	423,00	634,50	846,00	1 057,50

Примечание: Составлено по Паспорту федерального проекта «Сохранение лесов» и Паспорту регионального проекта «Сохранение лесов» (РК).

Note: Compiled based on the Passport of the Federal Project “Forest Conservation” and the Passport of the Regional Project “Forest Conservation” (Komi Republic).

О ходе выполнения проекта «Сохранение лесов» в РК можно судить по отдельным публикациям в СМИ:

1. В июле 2025 года отмечалось ¹¹, что в РК набран высокий темп работ по воспроизводству лесов, проводимых в целях реализации федерального проекта «Сохранение лесов». По итогам весеннего лесокультурного сезона план по искусственному лесовосстановлению выполнен на 111 %, работы выполнены на площади 2 418,9 га. Департамент лесного хозяйства по СЗФО указывает, что необходимо сохранить набранные темпы и обеспечить контроль за качеством выполнения арендаторами всего комплекса работ по воспроизводству лесов. Данное указание позволяет заключить, что именно

эти работы (искусственное лесовосстановление через лесной питомник АО «СЛПК», где выращивается районированный посадочный материал), по которым в федеральном проекте нет контрольных цифр, относятся к дополнительному мероприятию в региональной раскладке – увеличение площади лесовосстановления на лесных участках республики, переданных в аренду, на 40 тыс. га.

2. В 2025 году в рамках федерального проекта «Сохранение лесов» выявлены территории, требующие лесовосстановления. Работами охвачено девять лесничеств региона. По результатам обследований подготовлены рекомендации по лесовосстановлению ¹².

¹¹ О ходе реализации федерального проекта «Сохранение лесов» в Республике Коми. URL: <https://rosleshoz.gov.ru/news/szfo/o-khode-realizatsii-federalnogo-proekta-sokhranenie-lesov-v-respublike-komi/?ysclid=mp444mgr52604598225>

¹² В Коми завершили масштабный мониторинг земель для восстановления лесов. URL: <https://komiinform.ru/news/289595>

Действуют разработанные Методические указания по мониторингу национальных и федеральных проектов¹³, касающиеся составления отчетности о ходе их реализации. Введена система мониторинга процессов исполнения проектов в виде специальной подсистемы управления национальными проектами единой государственной интегрированной информационной системы управления общественными финансами РФ «Электронный бюджет» (ГИИС ЭБ), но она доступна через авторизацию с использованием персональных логина и пароля.

Как отмечалось выше, в разрезе национальных проектов, действовавших до 2024 года, фактический материал имеется на созданной в РЭУ им. Г. В. Плеханова информационно-аналитической платформе.

По региональным проектам отчетные показатели можно найти на сайте Проектного управления в Республике Коми в разделе «Отчеты»¹⁴.

По обновленному национальному проекту на сайте Росстата в открытом доступе представлен ссылкой на ЕМИСС, как и все остальные показатели достижения ЦУР 15 по рациональному лесопользованию, только показатель «Отношение площади лесовосстановления и лесоразведения к площади вырубленных и погибших лесных насаждений». Он является одновременно индикатором успеха по ЦУР 15 в части устойчивого лесовосстановления. Однако остальные данные хода достижения плановых значений показателей проекта по сохранению лесов также присутствуют в базе ЕМИСС.

Некоторые достигнутые фактические результаты в сравнении с плановыми значениями при выполнении проекта «Сохранение лесов» можно увидеть на сайте Министерства природных ресурсов и экологии РФ в подразделе «Национальный проект «Экологическое благополучие» раздела «Деятельность»¹⁵. Представленная на сайте информация демонстрирует перечень предпринимаемых усилий и их результаты. Однако в наглядном открытом доступе имеются значения только по двум из четырех ключевых показателей проекта. Таким образом, со стороны профильного министерства заинтересованные пользователи лишь частично проинформированы о ходе реализации работ по сохранению лесов.

В. В. Строев, и др. [30], анализируя систему мониторинга национальных проектов, отмечают перспективные направления работы:

- повышение оперативности мониторинга целевых показателей;
- налаживание информирования граждан о ходе реализации национальных проектов;
- организация усиления контроля для минимизации коррупционных рисков.

Выполненная оценка практической реализации достижения устойчивости лесопользования в РК при помощи мониторинга показателей федерального и регионального проектов «Сохранение лесов» и фиксации их ответственности ЦУР 15 позволяет констатировать, что цель федерального проекта в целом коррелирует с обозначенной целью ЦУР 15. Взаимосвязь ОЗР с российскими индикаторами ЦУР 15 не напрямую, но тоже прослеживается. Анализ частных показателей проекта «Сохранение лесов» для достижения ОЗР показал, что только 1 из 4 является точной копией показателя ЦУР 15 из российского перечня. Остальные 3 показателя лишь способны воздействовать на него. Однако важным является повторяющийся акцент исключительно на количественной характеристике в ущерб качественной.

Оценка региональной адаптации проекта показывает как проблемные моменты в виде неполной открытости данных, некоторого несоответствия федеральных и региональных значений и ограниченного участия РК в достижении общероссийских результатов, так и положительные стороны, связанные с инициативными мероприятиями индивидуального порядка.

В целом, наличие регионального проекта, принципиально согласованного с федеральным паспортом и выполняемыми в его рамках мероприятиями, позволяет расценивать практическую реализацию проекта «Сохранение лесов» в РК в положительном ключе. Свой вклад в достижение национальных целей регион вносит, хотя по некоторым позициям этот вклад весьма незначителен, что в перспективе может негативно сказаться на устойчивости результатов. Кроме того, отрицательное влияние на прозрачность результатов управления лесами имеет факт отсутствия некоторых региональных данных в открытом доступе. Указанная ситуация нарушает принцип открытости данных в устойчивом лесопользовании.

¹³ Методические указания по мониторингу и внесению изменений в национальные проекты (программы) и федеральные проекты. URL: <https://khogov.ru/wp-content/uploads/2025/08/4.-metodicheskie-ukazaniya-po-monitoringu-i-vneseniyu-izmenenij-v-naczionalnye-i-federalnye-proekty-.pdf?ysclid=mpcdryyb3916967274>

¹⁴ Сводные отчеты о ходе реализации региональных проектов. URL: https://project.rkomi.ru/otchety/svodnye_otchety

¹⁵ Федеральный проект «Сохранение лесов». URL: https://mn.gov.ru/activity/environmental_well-being/federalnyy-proekt-sokhranenie-lesov/

ГИС ЦАП как перспективный инструмент повышения качества и доступности официальной статистики устойчивого лесопользования

В рамках реализации национального проекта «Экономика данных и цифровая трансформация государства» предусмотрены работы по федеральному проекту «Государственная статистика». Результатами, обозначенными к достижению, являются переход к новой технологической основе для производства официальной статистической информации и обеспечение ее бесперебойной работы, а также повышение удовлетворенности респондентов и пользователей официальной статистической информации. Для достижения первой поставленной задачи необходимо к 2030 году достичь 100 %-ного предоставления официальных данных посредством ГИС ЦАП в автоматизированном режиме в машиночитаемом формате. Для выполнения второй задачи необходимо 100 %-ное соответствие показателей стандарту качества и 50 %-ного снижения доли отчетной нагрузки по предоставлению статистической отчетности. При этом ненулевые значения выполнения плана в федеральном проекте проставлены только с 2026 года при осуществлении множества мероприятий с 2025 года.

Указанная информационная система реализуется на единой цифровой платформе Российской Федерации «ГосТех» для обеспечения цифрового взаимодействия участников системы (оператор, субъекты, пользователи) на основе единой методологии и информационно-технологической инфраструктуры.

ГИС ЦАП направлена на технологическое обновление и ускорение системы государственной статистики и призвана в будущем заменить действующую в настоящее время ЕМИСС, страдающую от разноречия ведомственных данных. С созданием ГИС ЦАП предполагается переход всех субъектов официального статистического учета и органов власти на единую технологию приема отчетности в электронной форме ¹⁶.

Механизм работы ГИС ЦАП указан в Постановлении Правительства РФ от 22 июня 2021 г. № 956 «О государственной информационной системе «Цифровая аналитическая платформа предоставления статистических данных» (с изменениями и дополнениями) ¹⁷.

Росстат, наделенный полномочиями оператора и государственного заказчика информационной статистической системы, указывает, что до 2030 года ГИС ЦАП должна стать единой точкой сбора и распространения статистической информации, интегрированной с ведомственными информационными системами.

Реализация данного федерального проекта в субъектах РФ не предусмотрена, но указано, что данная платформа централизованного сбора, хранения, обработки и предоставления информации предназначена для органов государственной власти федерального и регионального уровней. Это дает основания полагать, что все заинтересованные пользователи (как авторизованные, так и неавторизованные) будут обеспечены данными в любом интересующем аналитическом разрезе в части официальной статистической информации. Данный подход будет соответствовать выполнению обозначенной в Постановлении Правительства РФ от 22 июня 2021 г. № 956 задачи «повышения уровня детализации и увеличения объема предоставляемой пользователям системы официальной статистической информации». На уровне РК реализация национального проекта «Экономика данных и цифровая трансформация государства» находит воплощение только в мероприятиях по следующим региональным проектам: «Цифровые платформы в отраслях социальной сферы», «Цифровое государственное управление» и «Отечественные решения». Незапланированность федерального проекта «Государственная статистика» для выполнения непосредственно в субъектах РФ делает критически важным обеспечение оперативности и качества исходных региональных данных, загружаемых в единую статистическую платформу.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование по оценке статистического представления устойчивого регионального лесопользования выявило комбинированное пересечение проблемных областей, не позволяющих достаточно просто и надежно, полно и наглядно оценить данное явление ни как объект мониторинга показателей достижения ЦУР 15 и ни как объект воздействия федерального проекта «Сохранение лесов» для достижения целей национального развития.

Национальный перечень показателей, демонстрирующий прогресс в достижении ЦУР 15 в части лесопользования, в целом выстроен в соответствии с соблюдением требуемых принципов устойчивости, но при этом

¹⁶ Статистически значимые полномочия. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7941315?ysclid=mmlok4iftx128113503>

¹⁷ Постановление Правительства РФ от 22 июня 2021 г. № 956 «О государственной информационной системе «Цифровая аналитическая платформа предоставления статистических данных» (с изменениями и дополнениями). URL: <https://base.garant.ru/401391213/>

имеются нестыковки и недостатки, придающие некоторую неясность и запутанность представляемой системе. Выбранные показатели отвечают глобальным вызовам, связанным с сохранением лесных площадей, но не находятся в состоянии достаточно полного ответа на проблемы в лесной сфере хозяйствования, обозначенные в российском Добровольном национальном обзоре по достижению ЦУР. Соответственно, они могут быть признаны мало пригодными для глубокого управленческого воздействия, тем более на региональном уровне. Кроме того, недостаточно проработана качественная сторона осуществляемых работ, не наблюдается сбалансированности в социо-эколого-экономической триаде, что особенно актуально для Республики Коми, где в стратегии устойчивого развития превалирует экономическая составляющая, а в расчетах устойчивости исследователей не учтена специфика региона.

Интеграция ЦУР 15 в федеральный и региональный проекты по сохранению лесов прослеживается только по одному показателю – «Отношение площади лесовосстановления и лесоразведения к площади вырубленных и погибших лесных насаждений». Остальные показатели способны только косвенно воздействовать на его улучшение, но они как раз могут рассматриваться как меры воздействия на проблемы, обозначенные в российском ДНО по достижению ЦУР. В проектах также

больше представлена количественная сторона исследуемого вопроса.

Ущербность представления в открытых данных качества и результативности процесса ведения устойчивого лесопользования снижает его управляемость на всех уровнях, что создает риски невыполнения планов в перспективе и обедняет информационное поле для всех пользователей.

К сожалению, никак не увязано в показателях ЦУР 15 и национальных проектов с управлением устойчивым лесопользованием и, соответственно, достижением стратегических целей глобального и национального развития применение счетов СЭЭУ по учету запасов ресурсов древесины. При этом опять нужно отметить, что данные в ЕМИСС присутствуют и являются достаточно наглядной картиной состояния дел, но региональный уровень в них не представлен.

Решение выявленных проблем возможно при помощи цифрового инструмента в виде ГИС ЦАП, которая способна повысить аналитичность, полноту и расширение перечня показателей с учетом особенностей регионов. Такой подход будет также оправдан и для необходимости проведения сравнительного анализа устойчивого лесопользования в региональном развитии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Пучков Е.В. Развитие – устойчивое, отчеты – уклончивые. Анализ содержания Добровольного национального обзора Российской Федерации. *Образовательная политика*. 2022;90(2):28-34. <https://doi.org/10.22394/2078-838X-2022-2-28-34>
Puchkov E.V. Development is steady, reports are evasive. Analysis of the content of the Voluntary National Review of the Russian Federation. *Educational Policy*. 2022;90(2):28-34. (In Russ.) <https://doi.org/10.22394/2078-838X-2022-2-28-34>
2. Rana, D., Rana, S., Choudhary, S. Sustainable Development Goals and the Indian Himalayan Region. *Big Data, Artificial Intelligence, and Data Analytics in Climate Change Research*. Advances in Geographical and Environmental Sciences. Springer, Singapore. 2024.173-194. https://doi.org/10.1007/978-981-97-1685-2_10
3. Ozkan U.R., Schott S. Sustainable Development and Capabilities for the Polar Region. *Social Indicators Research*. 2012;114(3):1259-1283. <https://doi.org/10.1007/s11205-012-0201-y>
4. Сахаров А.Г., Колмар О.И. Перспективы реализации Целей устойчивого развития ООН в России. *Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика*. 2019;14(1):189-206. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2019-01-11>
Sakharov A.G., Kolmar O.I. Prospects of implementation of the UN SDG in Russia. *International Organisations Research Journal*. 2019;14(1):189-206. (In Russ.) <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2019-01-11>
5. Бобылев С.Н., Барабошкина А.В., Курдин А.А., и др. Национальные цели развития России и ключевые индикаторы устойчивости. *Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика*. 2025;60(1):40-59. <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-60-1-3>
Bobylev S.N., Baraboshkina A.V., Kurdin A.A., et al. The National Development Goals of Russia and key sustainability indicators. *Lomonosov Economics Journal*. 2025;60(1):40-59. (In Russ.) <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-60-1-3>
6. Коршунов И.В. Устойчивое развитие в стратегиях регионов: выбираемые подходы и решения. *Региональная экономика*. 2023;19(1):15-28. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2023-1-2>
Korshunov I.V. Sustainable development in regional strategies: approaches and solutions. *Economics of Regions*. 2023;19(1):15-28. (In Russ.) <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2023-1-2>

7. Грудинин С. М. Эволюция подходов к интеграции целей устойчивого развития в национальные стратегии экономического развития России и стран-партнеров. *Вестник Евразийской науки*. 2025;17:s5.
Grudin S. M. Evolution of approaches to the integration of sustainable development goals into national economic development strategies of Russia and partner countries. *The Eurasian Scientific Journal*. 2025;17:s5. (In Russ.)
8. Бутко Г.П., Запруднов В.И., Гречиц А.А., и др. Эколого-экономическая система в контексте устойчивого развития сегментов лесного сектора региона. *Вестник Московского государственного университета леса – Лесной вестник*. 2016;20(2):98-105.
Butko G.P., Zaprudnov V.I., Grechits A.A., et al. Eco-economic system in the context of sustainable development of segments of the forest sector of the region. *Bulletin of the Moscow State University of Forests – Lesnoy Vestnik*. 2016;20(2):98-105. (In Russ.)
9. Макарь С.В. Концептуальная модель регионального эколого-экономического баланса на основе лесного потенциала. *Региональная экономика: теория и практика*. 2012;7:25-36.
Makar S.V. Conceptual model of regional ecological and economic balance based on forest potential. *Regional Economics: Theory and Practice*. 2012;7:25-36. (In Russ.)
10. Бутко Г.П. Приоритеты устойчивого лесопользования. *Леса России и хозяйство в них*. 2020;75(4):28-33. <https://doi.org/10.51318/FRET.2020.83.76.004>
Butko G.P. Priorities for sustainable forest management. *Forests of Russia and economy in them*. 2020;75 (4):28-33. (In Russ.) <https://doi.org/10.51318/FRET.2020.83.76.004>
11. Губачиков И.А., Жангоразова Ж.С. Анализ достижения целей устойчивого развития в регионе. *Прикладные экономические исследования*. 2026;3:18-25. <https://doi.org/10.47576/2949-1908.2026.3.3.002>
Gubachikov I. A., Zhangorazova Zh.S. Analysis of sustainable development goals achievement in the region. *Applied Economic Research*. 2026;3:18-25. (In Russ.) <https://doi.org/10.47576/2949-1908.2026.3.3.002>
12. Никулин М.А., Дядькова В.С., Ефременкова А.Е., и др. Подходы Бразилии по достижению устойчивого развития на региональном уровне. *Вопросы национальных и федеративных отношений*. 2023;13(104(11)):4723-4734.
Nikulin M.A., Dyadkova V.S., Efremenkova A.E., et al. Brazil's approaches to achieving sustainable development at the regional level. *Issues of National and Federal Relations*. 2023;13(104(11)):4723-4734. (In Russ.)
13. Агабекова Н.В. Обобщающая оценка достижения целей устойчивого развития регионами Республики Беларусь. *Бухгалтерский учет и анализ*. 2021;294 (6):24-33.
Agabekova N.V. General assessment of sustainable development goals by the Regions of Belarus. *Accounting and analysis*. 2021;294 (6):24-33. (In Russ.)
14. Rose D.C., Nibedita M., Benno I.S., et al. Policy windows for the environment: Tips for improving the uptake of scientific knowledge. *Environmental Science and Policy*. 2020;113:47-54. <https://doi.org/10.1016/j.envsci.2017.07.013>
15. King S., Agra R., Zolyomi A., et al. Using the system of environmental-economic accounting ecosystem accounting for policy: A case study on forest ecosystems. *Environmental Science and Policy*. 2024;152:47-54. <https://doi.org/10.1016/j.envsci.2023.103653>
16. Gibbons A., Martini F., White C., et al. ExActR: A Shiny app for creating ecosystem extent accounts. *Ecological Informatics*. 2025;87:103072. <https://doi.org/10.1016/j.ecoinf.2025.103072>
17. Полещук Е.А. Система природно-экономического учета ресурсов леса: международные стандарты и проблемы их адаптации. *Вопросы статистики*. 2020;27(1):97-105. <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2020-27-1-97-105>
Poleshchuk E.A. The System of Natural and Economic Accounting of Forest Resources: International Standards and Adaptation Challenges. *Voprosy Statistiki*. 2020;27(1):97-105. (In Russ.) <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2020-27-1-97-105>
18. Прокопович С.С. Система учета лесных ресурсов в составе национального богатства страны: оценка состояния и перспективы развития. *Труды БГТУ. № 7 Экономика и управление*. 2011;7:102-105.
Prokopovich S.S. The system of accounting for forest resources as part of the national wealth of the country: assessment of the state and prospects of development. *Proceedings of BSTU. №7 Economics and Management*. 2011;7:102-105. (In Russ.)
19. Думнов А.Д., Фоменко Г.А., Фоменко М.А. Основные проблемы отражения лесных ресурсов в системе комплексного природно-ресурсного и экономического учета. *Вопросы статистики*. 2014;11:3-23. <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2014-0-11-3-23>
Dumnov A.D., Fomenko G.A., Fomenko M.A. Key issues of reflection of forest resources in the system of complex natural-resource and economic accounting. *Voprosy Statistiki*. 2014;11:3-23. (In Russ.) <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2014-0-11-3-23>
20. Думнов А.Д., Фоменко Г.А., Фоменко М.А. Основные проблемы отражения лесных ресурсов в системе комплексного природно-ресурсного и экономического учета. *Вопросы статистики*. 2014;12:3-18. <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2014-0-12-3-18>

- Dumnov A.D., Fomenko G.A., Fomenko M.A. The main problems of reflecting forest resources in the system of integrated natural resource and economic accounting. *Voprosy Statistiki*. 2014;12:3-18. (In Russ.) <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2014-0-12-3-18>
21. Русова И.Г., Корякин В.А., Дегтев В.В., и др. Внедрение системы природно-экономического учета в Российской Федерации: счета активов для лесных ресурсов. *Вопросы статистики*. 2025;32(6):19-32. <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2025-32-6-19-32>
- Rusova I.G., Koryakin V.A., Degtev V.V., et al. Introducing the system of environmental-economic accounting (SEEA) in Russia: asset accounts for forest resources. *Voprosy Statistiki*. 2025;32(6):19-32. (In Russ.) <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2025-32-6-19-32>
22. Носков В.А., Харионовская И.В. Древесные ресурсы региона в системе учета природного капитала. *Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «Экономические науки»*. 2022;55 (3):47-55. <https://doi.org/10.19110/1994-5655-2022-3-47-55>
- Noskov V.A., Kharionovskaya I.V. Wood resources of the region in the natural capital accounting system. *Proceedings of the Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. The series «Economic Sciences»*. 2022;55 (3):47-55. (In Russ.) <https://doi.org/10.19110/1994-5655-2022-3-47-55>
23. Харионовская И.В. Комплексная оценка лесных ресурсов в системе эколого-экономического учета природного капитала (на примере Республики Коми). *Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета*. 2023;2:289-304. <https://doi.org/10.15593/2224-9354/2023.2.20>
- Kharionovskaya I.V. Comprehensive assessment of forest resources in the system of environmental and economic accounting for natural capital (the case of the Republic of Komi). *Bulletin of the Perm National Research Polytechnic University*. 2023;2:289-304. (In Russ.) <https://doi.org/10.15593/2224-9354/2023.2.20>
24. Большаков Н.М., Жиделева В.В., Сластикина Л.В., и др. Учет и измерение лесных ресурсов как элемента национального богатства (на примере Республики Коми). *Аудит и финансовый анализ*. 2010;5:78-87.
- Bolshakov N.M., Zhideleva V.V., Slastikhina L.V., et al. Accounting and measurement of forest resources as an element of national wealth (on the example of the Komi Republic). *Audit and financial analysis*. 2010;5:78-87. (In Russ.)
25. Уляшева Л.Г. Региональный природно-экономический учет древесных лесных ресурсов (на примере Республики Коми). *Исследование проблем экономики и финансов*. 2026;1:6. <https://doi.org/10.31279/2782-6414-2026-1-6> EDN DXPPDP
- Ulyasheva L.G. Regional natural and economic accounting of woody forest resources (on the example of the Komi Republic). *Research in Economic and Financial Problems*. 2026;1:6. (In Russ.) <https://doi.org/10.31279/2782-6414-2026-1-6> EDN DXPPDP
26. Елисеева И.И. Совершенствование применения показателей ЦУР в российской статистике. *Вопросы статистики*. 2024;31(6):82-86.
- Eliseeva I.I. Information and statistical support of SDGS indicators at the regional level. *Voprosy Statistiki*. 2024;31(6):82-86. (In Russ.)
27. Думнов А.Д., Васильева В.Н., Харитонов А.Е., и др. Агроэкологическая статистика: проблемы становления и развития. *Вопросы статистики*. 2020;27(3):5-25. <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2020-27-3-5-25>
- Dumnov A.D., Vasilyeva V.N., Kharitonova A.E., et al. Agroecological statistics: problems of formation and development. *Voprosy Statistiki*. 2020;27(3):5-25. (In Russ.) <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2020-27-3-5-25>
28. Самойлова М.А. Информационно-статистическое обеспечение показателей ЦУР на региональном уровне. *Экспертные институты в XXI веке: цивилизационные и цифровые концепции меняющегося мира : материалы Второй Международной научно-практической конференции*. Иркутск, 2023;297-301.
- Samoilova M.A. Information and statistical support of SDG indicators at the regional level. *In the collection: Expert institutions in the 21st century: civilizational and digital concepts of a changing world: proceedings of the Second International Scientific and Practical Conference*. Irkutsk, 2023. 297-301. (In Russ.)
29. Сибирская Е.В., Овешникова Л.В. Информационно-аналитическая система мониторинга показателей по направлениям национальной технологической инициативы. *Россия: тенденции и перспективы развития*. 2018;13(1):578-582.
- Sibirskaya E.V., Oveshnikova L.V. Information and analytical system for monitoring indicators in the areas of the national technological initiative. *Russia: Trends and Development Prospects*. 2018;13(1):578-582. (In Russ.)
30. Строев В.В., Кузнецов Н.В. Мониторинг национальных проектов в Российской Федерации и риски, связанные с их реализацией. *Вестник университета*. 2023;11:14-20. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2023-11-14-20>
- Stroev V.V., Kuznetsov N.V. Monitoring of national projects in Russia and risks associated with their implementation. *Vestnik Universiteta*. 2023;11:14-20. (In Russ.) <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2023-11-14-20>

Полиструктурный динамический подход к исследованию диверсификации экономики северных регионов Российской Федерации

Сибряева Анна Александровна

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

SPIN-код: 2283-4848

anyas1998@yandex.ru

Тургель Ирина Дмитриевна

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

SPIN-код: 6429-9218

i.d.turgel@urfu.ru

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Сибряева А.А., Тургель И.Д. Полиструктурный динамический подход к исследованию диверсификации экономики северных регионов Российской Федерации. *Исследование проблем экономики и финансов*. 2026;3:327. <https://doi.org/10.31279/REFP-2026-3-327> EDN ZPARHV

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ:

авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

ПОСТУПИЛА: 12.07.2026

ДОРАБОТАНА: 07.09.2026

ПРИНЯТА: 08.09.2026

ОПУБЛИКОВАНА ОНЛАЙН: 30.09.2026

COPYRIGHT: © 2026 Сибряева А.А.,
Тургель И.Д.

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается диверсификация экономики как один из инструментов экономического развития северных регионов – регионов, территории которых относятся или приравнены к районам Крайнего Севера. Цель статьи – разработать и обосновать полиструктурный динамический подход к исследованию диверсификации экономики северных регионов России в контексте современных социально-экономических, природно-географических и управленческих реалий. Исследование построено на комплексном применении общенаучных и специальных методов, направленных на всесторонний анализ процесса диверсификации экономики северных регионов. Актуальность исследования обусловлена отсутствием единого подхода к изучению процесса диверсификации экономики региона, в частности северных регионов. В ходе исследования выявлены и систематизированы характерные особенности северных регионов, определяющие специфику процессов диверсификации экономики, проанализирована роль государственной власти в реализации политики диверсификации экономики северных регионов, определены и охарактеризованы ключевые этапы эволюции форм диверсификации экономики северных регионов. Авторами сформирован и предложен к апробации авторский полиструктурный динамический подход к исследованию диверсификации экономики северных регионов, рассматривающий ее в трех аспектах: как специфическую сферу проявления, инструмент управления и динамический процесс. Предложенный подход может стать методической основой для стратегического планирования, выбора подходящих мер государственной политики социально-экономического развития территории. Представленный подход к изучению диверсификации экономики служит преодолению фрагментарности знаний в отношении процесса диверсификации, объединению знаний в единую систему, что позволяет увидеть, как макроэкономические процессы связаны с управленческими решениями и историческим контекстом.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: диверсификация, северные регионы, экономика северных регионов, экономическое развитие, региональная экономика

A polystructural dynamic approach to the study of economic diversification in the northern regions of the Russian Federation

Anna A. Sibryaeva

Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia

anyas1998@yandex.ru

Irina D. Turgel

Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia

i.d.turgel@urfu.ru

TO CITE:

Sibryaeva A.A., Turgel I.D. A polystructural dynamic approach to the study of economic diversification in the northern regions of the Russian Federation. *Research in Economic and Financial Problems*. 2026;3:327. (In Russ.) <https://doi.org/10.31279/REFP-2026-3-327>

DECLARATION OF COMPETING

INTEREST: none declared.

RECEIVED: 12.07.2026

REVISED: 07.09.2026

ACCEPTED: 08.09.2026

PUBLISHED ONLINE: 30.09.2026

COPYRIGHT: © 2026 Sibryaeva A.A.,
Turgel I.D.

ABSTRACT

The article examines economic diversification as one of the tools for economic development in the northern regions, which are regions whose territories are classified as or equivalent to the Far North. The purpose of the article is to develop and justify a poly-structural dynamic approach to studying the economic diversification of the northern regions of Russia in the context of current socio-economic, natural-geographical, and managerial realities. The study is based on a comprehensive application of general scientific and special methods aimed at a comprehensive analysis of the process of economic diversification in the northern regions. The relevance of the study is due to the lack of a unified approach to studying the process of economic diversification in the territory, particularly in the northern regions. The study identified and systematized the characteristic features of the northern regions that determine the specifics of economic diversification processes, analyzed the role of the government in implementing economic diversification policies in the northern regions, and identified and characterized the key stages of the evolution of economic diversification in the northern regions. The authors developed and proposed an author's poly-structural dynamic approach to studying economic diversification in the northern regions, which considers it from three perspectives: as a specific area of manifestation, a management tool, and a dynamic process. The proposed approach can serve as a methodological basis for strategic planning and the selection of appropriate public policy measures for the socioeconomic development of a territory. The presented approach to studying economic diversification helps to overcome the fragmentation of knowledge about the diversification process and to integrate this knowledge into a unified system, allowing us to see how macroeconomic processes are linked to management decisions and historical context.

KEYWORDS: diversification, northern regions, economic development

ВВЕДЕНИЕ

Сегодня Россия – одна из самых «северных» стран мира (более 60 % территории страны относится к районам Крайнего Севера и местностям¹, приравненным к ним), а Российская Арктика – самая большая свободная экономическая зона в мире, площадь которой составляет около 5 млн км². Один из вызовов, стоящих перед экономикой Российской Федерации, – повышение уровня социально-экономического развития регионов Севера для привлечения и закрепления на них постоянного населения.

Различие географических и природно-климатических условий регионов Российской Федерации не позволяет обеспечить равные социально-экономические условия. Для разрешения системных проблем северных регионов применяются различные стратегии стимулирования социально-экономического развития, одной из таких выступает стратегия диверсификации экономики, механизмы которой позволяют расширить спектр экономической деятельности субъекта путем перераспределения ресурсов в пользу приоритетных направлений социально-экономического развития.

Авторами настоящего исследования в работе «К вопросу об определении термина «диверсификация» [1] подробно рассмотрены различные подходы к определению данного термина. В представленной статье диверсификация понимается как процесс экономического развития северных регионов, который происходит одновременно на различных уровнях (организация, отрасль, регион, страна, мир), характеризуется непрерывностью и целевым ориентиром на улучшение экономического состояния объекта диверсификации и минимизации рисков, характерных для каждого уровня.

Классические работы И. Ансоффа [2; 3] по праву считаются отправной точкой для понимания диверсификации как корпоративной стратегии. Однако их концептуальная ценность для настоящего исследования ограничена: матрица Ансоффа «продукт – рынок» рассматривает диверсификацию как статичный выбор на уровне фирмы, тогда как авторов интересует динамический процесс на уровне макрорегиона. Р. Пьют и соавторы [4] актуализируют наследие И. Ансоффа, подчеркивая необходимость целостного подхода к стратегическому управлению в современных условиях, но их ревизия остается в рамках корпоративного управления и не учитывает территориальную специфику, что не позволяет экстраполировать их выводы на северные регионы. И. В. Денисова [5], И. С. Юдина и А. П. Антонов [6] уточняют содержание понятия «диверсификация», анали-

зируя его многозначность и эволюцию. Ограничиваясь дефиниционным анализом, они не выходят на уровень операционализации понятия для целей регионального управления. Гораздо более содержательной нам представляется работа З. С. Агаларова [7], который проводит детальный анализ теорий диверсификации производства и концептуальных подходов к ее исследованию, что позволяет систематизировать накопленные знания. Однако его концептуальный обзор почти полностью игнорирует отраслевую и пространственную специфику, рассматривая диверсификацию вне связи с географическими и институциональными условиями. М. Ю. Афанасьев и Н. И. Ильин [8] предлагают инновационный подход к выбору приоритетных направлений диверсификации, основанный на использовании системы ситуационных центров, что говорит о цифровизации методов управления этим процессом. Предложенный ими подход ориентирован преимущественно на текущую ситуацию и не содержит механизмов учета долгосрочных исторических и природно-климатических ограничений, что крайне актуально для северных территорий.

Фундаментальное исследование Ж. Имбса и Р. Вациарга [9] о «стадиях диверсификации» на национальном уровне показывает, что по мере роста доходов экономика сначала диверсифицируется, а затем вновь специализируется. Выявленная ими макроэкономическая закономерность не учитывает институциональные ловушки ресурсной экономики и пространственные разрывы, свойственные нашей стране. Применительно к региональному уровню наиболее близкой к научной позиции авторов является работа Р. Е. Юсуповой [10], где она обобщает различные подходы к сущности и содержанию именно региональной диверсификации. Работы И. В. Беспечальных и Ю. С. Жуковой [11], А. Д. Бикмаевой [12] напрямую исследуют диверсификацию на региональном уровне, связывая ее с устойчивым развитием субъектов Российской Федерации. Они подтверждают тезис авторов о том, что диверсификация экономики региона – актуальное и развивающееся направление. При этом А. Д. Бикмаева [12] предпринимает попытку проанализировать динамику показателей диверсификации, что является важным шагом вперед. Однако работы перечисленных авторов рассматривают «регион» как универсальную категорию, игнорируя глубинную специфику северных территорий. Т. С. Федорова и Л. В. Афанасьева [13] подчеркивают стратегическую роль диверсификации в обеспечении экономической безопасности в условиях нестабильной внешней среды. Это перекликается с идеей авторов о диверсификации как инструменте минимизации рисков и «стратегии выживания».

¹ Официальный сайт научного издательства «Большая российская энциклопедия» [Электронный ресурс]. URL: <https://old.bigenc.ru/geography/text/3543266> (дата обращения: 10.01.2026).

А. К. Караев [14] исследует проблему выбора направлений диверсификации, связывая ее с концепцией «экономической сложности» региона. Необходимо согласиться с тезисом автора о том, что выбор направлений диверсификации должен опираться на существующие компетенции. Более того, этот тезис лежит в основе авторского предложения об «умной специализации» для ХМАО. Однако в работе А. К. Караева отсутствует привязка к проблеме моногородов и изолированности экономики северных регионов. И. Н. Швецова [15], рассматривая финансовый механизм диверсификации экономики региона, по мнению авторов, переоценивает возможности сугубо бюджетных рычагов в ущерб институциональным и социальным факторам, которые авторы считают доминирующими на современном постиндустриальном этапе. Современная работа И. Мзира [16] обобщает преимущества, вызовы и конкретные стратегии экономической диверсификации, что позволяет вписать российскую практику в мировой контекст. Работа Х. Аббаса [17] об экономической диверсификации через наукоемкие отрасли указывает на современный вектор развития, связанный с постиндустриальным переходом и повышением роли человеческого капитала, что авторы статьи определяют как ключевую черту современного этапа диверсификации. Вместе с тем авторы полагают, что для северных регионов прямой перенос зарубежных моделей без учета пространственных и экономических ограничений был бы ошибочным: здесь нужен гибридный подход, сочетающий модернизацию базовых отраслей с развитием социальной сферы и креативных индустрий.

Важным блоком для контекста научной работы выступает литература, раскрывающая уникальные условия, в которых протекает процесс диверсификации на северных территориях. Работы В. Н. Лаженцева [18; 19] служат базисом для понимания экономико-географических аспектов развития Севера и Арктики России, их роли в пространственном развитии страны, в частности особенности ресурсной монопрофильности. Работа авторов Т. Е. Алиевой, С. В. Баранова, А. А. Биева [20] посвящена региональной экономике и вопросам североведения, аккумулируя знания о специфике этих территорий, однако практически не затрагивает вопросов диверсификации. Е. А. Корчак [21] фокусируется на проблемах и возможностях развития моногородов российской Арктики. Это связано с проблемой монопрофильности, которую авторы статьи называют одной из ключевых причин и вызовов для диверсификации. Авторы настоящей статьи предлагают рассматривать этот вызов не как статичную проблему, а как движущую силу эволюции форм диверсификации на разных исторических этапах. Статья Н. Е. Моревой и Л. В. Задвернюк [22] посвящена этапам промышленного освоения север-

ных регионов России с XIII по XXI век. Этот исторический анализ коррелирует с выделенными авторами формами эволюции диверсификации. С. А. Пилецкая [23] рассматривает современные концептуальные подходы к развитию северных регионов России, что позволяет оценить, какое место в этих подходах занимает диверсификация. Один из авторов настоящей статьи, И. Д. Тургель [24], в своей работе создает базу для понимания роли муниципальных образований (включая располагающиеся в северных регионах) в экономическом развитии. Существующие исследования развиваются в трех параллельных направлениях (корпоративная стратегия, региональная экономика без учета специфики Севера, североведение без инструментов диверсификации), которые практически не пересекаются.

Стоит отметить, что некоторыми учеными, к примеру Р. Е. Юсуповой, предприняты действия по обобщению массива подходов к изучению диверсификации региональной экономики, однако в большинстве своем они ограничиваются исследованием понятийного аппарата и сущности процесса, не учитывая сферы проявления, инструментарий и динамический фактор, присущие процессу диверсификации.

Несмотря на значительный объем накопленного знания о диверсификации экономики на различных уровнях, в существующей литературе сохраняется ряд принципиальных пробелов, критически значимых для понимания и управления процессами диверсификации экономики в северных регионах России. Во-первых, преобладающее большинство работ (как зарубежных, так и отечественных) рассматривает диверсификацию статично — как некий целевой ориентир или результат, упуская из виду ее сущностную характеристику как процесса, развернутого во времени. Тем не менее есть работы, изучающие показатели диверсификации в динамике [12]. Во-вторых, имеющиеся подходы к изучению диверсификации сосредоточены на уточнении понятийного аппарата и констатации необходимости диверсификации, но не предлагают инструментария, учитывающего динамический фактор, разнообразие сфер проявления диверсификации и их взаимовлияние. В-третьих, специфика северных регионов — их ресурсная монопрофильность, высокая чувствительность к внешним шокам, низкая плотность и очаговый характер расселения, особая роль государства и социальной сферы — практически не интегрирована в общие теории диверсификации. Исследования, посвященные североведению, и работы по диверсификации развиваются параллельно, без пересечения, что не позволяет ответить на ключевой вопрос: как именно проходит процесс диверсификации экономики в уникальных условиях Севера, какие формы он принимает на разных исторических этапах и ка-

ковы современные механизмы, способные обеспечить не просто выживание, но и устойчивое постиндустриальное развитие этих территорий? Необходимость восполнения указанных пробелов и определила постановку цели данного исследования.

Настоящее исследование построено на комплексном применении общенаучных и специальных методов, направленных на всесторонний анализ процесса диверсификации экономики северных регионов. Актуальность исследования обусловлена отсутствием единого подхода к изучению процесса экономики диверсификации региона, в частности северных регионов, что наглядно демонстрирует литературный обзор.

Цель исследования — предложить и апробировать полиструктурный динамический подход к исследованию диверсификации экономики северных регионов России.

Авторами предполагается, что диверсификация экономики северных регионов представляет собой не просто адаптационную стратегию выживания в экстремальных природно-климатических условиях, а закономерный, эволюционирующий многоэтапный процесс, формы которого последовательно сменяют друг друга под влиянием смены технологических укладов, государственной политики и роли человеческого капитала. При этом современный этап диверсификации характеризуется переходом от отраслевого и инфраструктурного подходов к постиндустриальной модели, где ключевым ресурсом выступает человеческий капитал, а успешность диверсификации напрямую зависит от учета «экономической сложности» региона и преодоления монопрофильности через механизмы ситуационного управления и повышения качества жизни населения.

Подходы к исследованию диверсификации зависят от уровня, на котором рассматривается процесс диверсификации, и целей исследования. На уровне предприятия, как правило, применяются методы SWOT-анализа и оценки финансовых мультипликаторов. При переходе на уровень региона или страны диверсификация может быть исследована с помощью подходов статистического, сравнительного анализа и предиктивной аналитики. Базовыми показателями для анализа могут выступать валовый региональный продукт (ВРП), коэффициент Хэчмана, индекс Херфиндаля-Хиршмана и др.

Исследователями [5–8; 10–17] через другие теоретические призмы рассматриваются различные концептуальные подходы к диверсификации экономики. Однако никто из них не выделяет полиструктурный подход как отдельный, тем не менее объектом их изучения являются именно полиструктурные системы.

Полиструктурный подход рассматривает изучаемый процесс как сложную систему, состоящую из нескольких взаимосвязанных структур или компонентов, что позволяет учесть различные уровни и типы диверсификации, что, в свою очередь, дает возможность более глубоко понять механизмы диверсификации и разработать эффективные стратегии управления этим процессом. Анализ при использовании данного подхода проводится на разных масштабных уровнях: от макрорегиона до фирм, что позволяет увидеть, как процессы на одном уровне влияют на другой.

Динамический аспект, отраженный в гипотезе настоящего исследования, дополняет полиструктурный подход контекстом эволюции ключевых процессов экономической деятельности общества. Динамический аспект в контексте структурного анализа региональной экономики также разрабатывался другими авторами, исследовавшими макроэкономические эффекты структурных сдвигов с использованием структурно-динамических моделей [25].

Концепция полиструктурности социально-экономических систем разработана В. И. Перовым в 2000-х годах [26]. В дальнейшем полиструктурный подход применялся по отношению к анализу территорий несколькими исследователями разной направленности: в стратегическом менеджменте и региональной политике, геоэкологическом районировании и ландшафтном планировании [27].

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Исследование построено на комплексном применении общенаучных и специальных методов, направленных на анализ процесса диверсификации экономики северных регионов. Абстрактно-логический анализ использован для формулировки авторского полиструктурного динамического подхода. Сравнительный анализ применялся для сопоставления диверсификации на уровне бизнеса и уровне государства, структуры валового регионального продукта северных регионов со структурой валового регионального продукта Российской Федерации в целом, а также исторических этапов освоения Севера и соответствующих им форм диверсификации. Системный подход позволил рассмотреть диверсификацию не как изолированный процесс, а как сложную систему, на которую влияет множество факторов и которая является частью системы регионального управления. Метод классификации и типологизации применен для группировки особенностей северных регионов и выявления исторических форм диверсификации.

Эмпирическая проверка теоретических положений осуществлена с помощью статистического анализа данных и изучения динамики социально-экономических показателей совокупности рассматриваемых регионов. Период исследования охватывает 2020–2024 годы. Полигон исследования представлен 24 субъектами Российской Федерации, территории которых полностью или частично отнесены к районам Крайнего Севера и приравненным к ним местностям; в рамках данной работы они обозначены как «северные регионы»: Республика Карелия, Республика Коми, Архангельская область, Ненецкий автономный округ, Мурманская область, Пермский край, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, Ямало-Ненецкий автономный округ, Тюменская область (без автономных округов), Республика Алтай, Республика Тыва, Красноярский край, Иркутская область, Томская область, Республика Бурятия, Республика Саха (Якутия), Камчатский край, Забайкальский край, Приморский край, Хабаровский край, Амурская область, Магаданская область, Сахалинская область, Чукотский автономный округ.

Информационная база исследования включает несколько ключевых блоков: научные публикации отечественных и зарубежных авторов, посвященные проблемам региональной экономики, диверсификации и развития северных территорий; нормативная правовая база, представленная документами стратегического планирования Российской Федерации, аналогичными

региональными стратегиями и программами; эмпирические данные, полученные из официальных источников ², и данные Корпорации развития Дальнего Востока и Арктики ³. Для определения тенденций в социально-экономическом положении северных регионов проведен анализ динамики ключевых показателей, проанализирована отраслевая структура экономики исследуемых территорий.

Важно отметить, что большинство источников датированы последними 3–5 годами, что говорит о высокой актуальности проблематики. Несмотря на обилие работ по смежным темам, комплексное исследование диверсификации северных регионов России с позиций предложенного полиструктурного динамического подхода является своевременным и обладает научной новизной.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

В агрегированном виде авторская трактовка полиструктурного динамического подхода к исследованию диверсификации экономики северных территорий представлена в таблице 1. Новизна авторского подхода определяется совмещением полиструктурного подхода к анализу территорий и динамического аспекта, что можно в дальнейшем применить для интеграции существующих наработок в научном поле исследования диверсификации экономики территорий.

Таблица 1
Полиструктурный динамический подход к исследованию диверсификации экономики северных регионов

Table 1
A polystructural dynamic approach to studying the diversification of the economy in northern regions

Диверсификация		
Сфера проявления	Управление	Динамический процесс
Отдельный бизнес-процесс, организация, отрасль, регион, страна	Контролируемое перераспределение ресурсов	Сферы проявления и инструменты управления претерпевают изменения с течением времени
Специфика диверсификации северных территорий		
Основная цель – достижение полипрофильности экономики территории, развитие новых видов экономической деятельности в условиях ориентации на добывающие производства	Содействие экономическому развитию территорий, в частности путем целенаправленных действий органов государственной власти – высокая доля государственного вмешательства в процессы диверсификации	Социально-экономический характер диверсификации в условиях высокого риска возникновения кризисных явлений в экономике

² Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 14.01.2026).

³ Официальный сайт АО «Корпорация развития Дальнего Востока и Арктики» [Электронный ресурс]. URL: <https://erdc.ru/?/> (дата обращения: 14.01.2026).

Продолжение

Диверсификация		
Сфера проявления	Управление	Динамический процесс
Цель/ожидаемый результат		
Повышение конкурентоспособности сферы проявления	Минимизация рисков, связанных с управленческой деятельностью	Адаптация к изменяющимся условиям, переход к полипрофильности и многозадачности
Ограничения / факторы риска		
Монопрофильность в различных сферах проявления, дефицит ресурсов, в том числе кадровых, санкционное давление, территориальная удаленность от центров экономического развития	Ограниченность или недостоверность информации при принятии управленческого решения, конфликт интересов, преимущество социального эффекта над экономическим эффектом	Догоняющий характер развития
Инструменты управления		
Стратегии развития, экономическое сотрудничество, внедрение инновационных технологий	Налоговые стимулы, специальные экономические зоны, меры государственной поддержки	Эволюция управленческой и экономической деятельности, совершенствование теоретической и нормативной правовой базы

Источник: составлено авторами.
Source: created by the authors.

Авторами статьи предлагается полиструктурный динамический подход к исследованию диверсификации, в том числе диверсификации северных территорий, в рамках которого этот процесс рассматривается в следующих аспектах:

1. Диверсификация с точки зрения сферы проявления может протекать в различных сферах, начиная с конкретных организационных функций, заканчивая экономикой регионов и стран. В зависимости от сферы проявления диверсификации меняются способы управления, механизмы и технологии этого процесса, само определение понятия. Тогда как в рамках отдельно взятой функции предприятия диверсификация может заключаться в добавлении альтернативной опции в числе прочих или расширении зоны охвата, на которую распространяется действие функции. В отношении региона или целой страны диверсификация экономики требует намного более комплексного подхода к организации этого процесса.

Большинство исследований концентрируются на уровне диверсификации экономической деятельности фирм. Диверсификация экономики на уровне регионов или стран – относительно новое направление исследования в отечественной и зарубежной науке. При рассмотрении северных регионов диверсификация региональной экономики служит естественному переходу экономики территории к полипрофильности. Специфика регионов Севера выступает отличным примером развития экономики в условиях, усложненных природными, климатическими и демографическими факторами. Сдерживающими факторами выступает, в первую очередь, территориальное расположение на периферии от Центральной России,

суровый климат, низкая плотность населения и его рас-средоточенность на большой территории. Несмотря на это, экономика регионов Севера продолжает играть значительную роль в национальной экономике в условиях постиндустриального общества при переходе от материальной природы ресурсов к нематериальной.

2. Диверсификация как инструмент регионального управления, в ходе которого субъект управления, реализующий политику диверсификации, оказывает влияние на объект управления, осуществляющий экономическую деятельность. Задача механизма диверсификации в управлении состоит в перераспределении ресурсов в целях минимизации рисков, связанных с дефицитом ресурсов в той или иной отрасли экономики, что может привести к экономическому кризису.

Важным отличием между диверсификацией на уровне бизнеса и государства выступает подход к формированию приоритетных направлений. Для бизнеса в приоритете всегда будет получение лучшего возможного коммерческого результата, для государства же приоритетом выступают социальные направления. Как и для бизнеса, перед государством стоит задача наиболее эффективного распределения имеющегося ограниченного объема ресурсов в течение ограниченного времени.

Однако не всегда процесс диверсификации выступает в качестве целенаправленного управленческого воздействия на экономическую деятельность.

3. Диверсификация как динамический процесс, в рамках которого сферы проявления и инструменты управления претерпевают изменения с течением времени.

В период активного освоения Севера во второй половине XX века упор в развитии, в том числе с использованием диверсификации, приходился на промышленность и пространственное устройство, сегодня на первый план вышли инвестиции и экспортная деятельность. Наблюдается точечное использование диверсификации в экономических процессах, подверженных кризисным явлениям или требующих минимизации рисков.

В постсоветский период с замедлением освоения Севера и оттоком населения вектор процесса диверсификации сменился. Сегодня он носит социально-экономический характер – результаты этого процесса призваны улучшить не только показатели производительности и эффективности, но и качество жизни населения. Изменения сущности процесса диверсификации вторят переходу к постиндустриальной ступени развития общества.

Каждый аспект диверсификации рассматривается через призму специфики северных территорий, целей

и ожидаемого результата диверсификации, существующих ограничений и факторов риска, применяемых инструментов управления и составляющих теоретико-методологическую базу основ.

Так, процесс диверсификации может быть исследован не только в статике, но и в динамике, в контексте эволюции ключевых процессов экономической деятельности общества, исторического прогресса. Сегодня, несмотря на отсутствие единого подхода к определению термина «диверсификация» в научном сообществе, мы наблюдаем устоявшуюся практику применения этого процесса в управленческой деятельности в целях повышения конкурентоспособности и снижения рисков в сферах проявления.

Рассмотрим диверсификацию экономики Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, региона, чья местность приравнена к районам Крайнего Севера, с точки зрения полиструктурного динамического подхода в таблице 2.

Таблица 2

Полиструктурный динамический подход к диверсификации экономики Ханты-Мансийского автономного округа – Югры

Table 2

A polystructural dynamic approach to diversifying the economy of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Yugra

Диверсификация экономики ХМАО – Югры		
Сфера проявления	Управление	Динамический процесс
Регион	Перераспределение ресурсов, получаемых за счет развитой отрасли добычи полезных ископаемых в пользу социально значимых направлений и развивающихся отраслей Индустрии 4.0	Социально-экономическая диверсификация
Специфика диверсификации ХМАО – Югры		
Основная цель – достижение полипрофильности экономики региона, снижение риска волатильности рынка мирового рынка нефти и газа	Значительная доля государственного вмешательства в процессы диверсификации	Социально-экономический характер процесса диверсификации
Цель/ожидаемый результат		
Повышение конкурентоспособности секторов экономики, не связанных с добычей углеводородов	Минимизация рисков консервации экспортно-сырьевой модели экономического развития региона в условиях новых рисков снижения добычи углеводородов	Комплексная трансформация общества и хозяйства, направленная на преодоление узкой специализации ради создания многоукладной, устойчивой и социально сбалансированной системы
Ограничения / факторы риска		
Монопрофильность (добыча полезных ископаемых), низкая плотность населения, территориальная удаленность от других центров экономического развития	Закрытость крупных нефтегазодобывающих компаний, конфликт интересов добычи и защиты окружающей среды	Форсированный характер развития диверсификации
Инструменты управления		
Воздействие на движение капитала, инвестиционную привлекательность территории, привлечение и удержание человеческого капитала, воздействие на качество человеческого капитала	Воздействие на правила игры и экономическую активность территорий, на региональное развитие, доступность территорий и качество жизни населения, на технологический базис экономики	Умная специализация – процесс диверсификации происходит в родственных отраслях, позволяя усилить их за счет технологий, навыков и компетенций, имеющихся в регионе

Источник: составлено авторами.
Source: created by the authors.

Основной целевой ориентир диверсификации экономики Югры – не только создать новые производства, но и изменить качество жизни, институциональную среду и территориальное развитие. Ожидаемый результат – повышение конкурентоспособности несырьевых секторов, что должно сделать региональную экономику более устойчивой и менее уязвимой к внешним шокам.

В отличие от рыночных моделей диверсификации, в Югре наблюдается высокая доля государственного вмешательства. Это проявляется в перераспределении ресурсов от добывающего сектора в пользу развития новых отраслей на стыке традиционных и инновационных отраслей, воздействии на инвестиционную привлекательность, человеческий капитал и правила ведения бизнеса. Именно государство в Югре выступает ключевым драйвером и координатором изменений.

Особого внимания заслуживает подход «умной специализации», когда диверсификация стимулируется не за счет развития кардинально новых направлений экономической деятельности, а в родственных отраслях, где уже есть накопленные компетенции, технологии и навыки. Это снижает транзакционные издержки и повышает шансы на успех, поскольку опирается на существующий потенциал региона.

Так, согласно полиструктурному динамическому подходу, диверсификация экономики ХМАО представляет собой сложный, многомерный и управляемо-рыночный гибридный процесс, где государство играет ведущую роль, но при этом используется потенциал существующих. Главный вызов процесса диверсификации – преодолеть жесткие структурные и географические ограничения, не разрушая при этом сложившийся нефтегазовый каркас, а постепенно надстраивая над ним новые устойчивые секторы. Успех будет зависеть не только от объема инвестиций, но и от качества институтов, человеческого капитала и способности региональной власти к долгосрочному стратегическому управлению.

Социально-демографические, экономические, природно-географические особенности, влияющие на диверсификацию северных регионов

1. Социально-демографические особенности развития северных регионов ложатся в основу формирования характерных черт диверсификации экономики регионов Севера, которые можно укрупненно представить в виде следующих характеристик:

- ускоренный темп диверсификации в связи с историческими предпосылками экономического развития северных регионов, их поздним по сравнению с центральной частью современной России освоением, необходимостью поддержания конкурентоспособности на уровне развитых регионов;
- ограниченный характер диверсификации – северные регионы ограничены в человеческих ресурсах, что создает сложности при необходимости перераспределения человеческого капитала в ходе освоения и развития новых отраслей. Поэтому одна из критически важных задач развития экономики северных регионов – накопление человеческого капитала путем создания конкурентных преимуществ. В рассматриваемом периоде наблюдается снижение численности населения северных регионов более чем на 1 500 тыс. человек в 18 северных регионах (доля в общем объеме – 16,3 % в 2022 году) ⁴. Положительной динамикой численности населения отличаются ХМАО – Югра, Тюменская и Томская области, Алтайский край, Республики Тыва, Бурятия, Саха (Якутия). С 2020 года динамика естественного прироста населения отрицательна в регионах, характеризующихся положительной динамикой роста численности населения, что свидетельствует об увеличении общей численности населения за счет миграционного прироста;
- высокий уровень разреженности населения и урбанизации сказывается на процессе диверсификации экономики следующим образом: он достигает большей интенсивности в городах и городских агломерациях, чем в сельской местности. Стоит отметить очаговый характер освоения регионов Севера, сосредоточенного в крупных городских образованиях, зонах промышленного производства и добычи полезных ископаемых;
- конкуренция в социальной сфере: конкурентные преимущества должны выгодно отличать регионы Севера как место для жизни, способствовать привлечению и закреплению человеческого капитала несмотря на суровые климатические условия. Постоянная необходимость в создании новых и усилении существующих конкурентных преимуществ стимулирует скорость процессов диверсификации. Менталитет работы «вахтовым методом», в регионах Севера сохраняется по сей день. Так, одной из главных целей многих региональных органов власти выступает создание комфортных для жизни условий с целью привлечения для постоянного проживания на территории региона. Тяжелые климатические условия выступили стимулом для предоставления

⁴ Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 14.01.2026).

ряда государственных гарантий и компенсаций жителям и работникам северных регионов. Районные коэффициенты, дополнительные дни отпуска и надбавки за стаж к заработной плате сотрудников, осуществляющих свою профессиональную деятельность в северных регионах, постепенно теряют влияние, но все еще выступают стимулом миграционного прироста. Преследуя цели повышения качества и привлекательности жизни в северных регионах, процессы диверсификации могут принимать весьма неожиданный поворот. К примеру, одним из феноменов последних лет стало развитие кинематографа в Республике Саха (Якутия).

2. Экономические особенности развития северных регионов:

- ориентированность северных регионов на добычу полезных ископаемых ограничивает развитие экспорта не связанной с добычей полезных ископаемых продукции, так как затраты на развитие видов деятельности, продукция которых была бы востребована как на межрегиональном, так и на международном уровне, в разы превышают затраты на разработку новых и освоение действующих месторождений полезных ископаемых. Монопрофильность – одна из характерных черт экономики северных регионов, ориентированной на добычу природных ресурсов и их последующий вывоз в промышленно развитые субъекты Российской Федерации для переработки или на продажу за рубеж. Этот аспект затрудняет антикризисное управление и служит одной из причин диверсификации экономики. Высокая доля добывающих и связанных с добычей отраслей повышает зависимость от внешней ценовой конъюнктуры, макроэкономической волатильности. Ориентация на «ресурсную» экономику может стать для северных регионов при-

чиной стагнации экономического развития в долгосрочной перспективе.

Авторами исследования рассмотрена структура валового регионального продукта северных регионов в сравнении со структурой валового регионального продукта Российской Федерации на 2024 год (Приложение 1).

Отмечается высокая доля добычи полезных ископаемых в ВРП северных регионов (у 15 из 24 северных территорий доля добычи полезных ископаемых в валовом региональном продукте превышает значение данного показателя по Российской Федерации), что обуславливает монопрофильность экономики северных территорий. В числе отраслей, преобладающих в валовом региональном продукте большинства северных регионов, можно выделить строительство, государственное управление и обеспечение военной безопасности, социальное обеспечение, образование и деятельность в области здравоохранения и социальных услуг – отрасли, служащие повышению качества жизни на рассматриваемых территориях. Минимальную долю в валовом региональном продукте регионов Севера занимают отрасли: финансовая и страховая, в области информации и связи, административная и сопутствующие дополнительные отрасли, развитие которых, в свою очередь, может стать одним из перспективных направлений диверсификации экономики северных регионов. Наблюдается значительное отличие между долей в валовом региональном продукте северных регионов и Российской Федерации по следующим отраслям: обрабатывающие производства, торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов, деятельность по операциям с недвижимым имуществом.

Динамика социально-экономических показателей регионов, чьи территории относятся к районам Крайнего Севера и местностям, приравненным к районам Крайнего Севера, приведена в таблице 3.

Таблица 3
Динамика социально-экономических показателей регионов, чьи территории относятся к районам Крайнего Севера и местностям, приравненным к районам Крайнего Севера

Table 3
The dynamics of socio-economic indicators in regions whose territories are located in the Far North and in areas equated to the Far North

Год	2020	2021	2022	2023	2024
ВРП в текущих ценах, млн рублей	22 425 010,8	30 613 242,8	35 332 142,8	39 675 793,9	45 678 492,3
Доля в масштабе РФ, %	22,72	24,10	24,56	24,34	24,49
Инвестиции в основной капитал, млн рублей	5 835 312,9	6 650 020,6	8 488 902,0	10 061 805,0	11 702 112,0
Доля в масштабе РФ, %	28,61	28,62	29,88	29,56	29,31
Основные фонды в экономике (полная учетная стоимость на конец года), млрд рублей	87 224,3	100 150,0	104 610,0	112 836,0	122 844,0

Продолжение

Год	2020	2021	2022	2023	2024
Доля в масштабе РФ, %	24,08	25,02	24,48	24,51	24,7
Численность населения, тыс. человек ⁵	24 460,1	23 305,1	23 825,0	23 773,9	–
Доля в масштабе РФ, %	16,73	16,01	16,27	16,27	–
Среднегодовая численность занятых в экономике, человек	11 576 873,0	11 781 189,0	11 689 887,0	11 843 678,0	11 958 759,0
Доля в масштабе РФ, %	16,51	16,49	16,26	16,24	16,32

Источник: данные Федеральной службы государственной статистики ⁶, расчеты авторов.
Source: The official website of the Federal State Statistics Service, calculations by the authors.

Анализ динамики ключевых показателей регионов, относящихся к районам Крайнего Севера и приравненным к ним местностям, позволяет выявить ряд разнонаправленных тенденций, характеризующих современное состояние и роль северных территорий в экономике России. Рассматриваемый отрезок времени характеризуется не только абсолютным ростом, но и усилением структурных диспропорций, а также появлением новых вызовов, связанных с внешнеэкономической конъюнктурой и кадровым потенциалом.

ВРП в текущих ценах за пять лет вырос в 2,04 раза (с 22,4 трлн до 45,7 трлн рублей): высокие темпы роста инвестиций и основных фондов подтверждают тезис авторов о том, что экономика Севера остается фундаментом для добывающих отраслей страны. Однако доля в общероссийском ВРП изменилась незначительно, с 22,72 % в 2020 году до 24,49 % в 2024 году, что говорит о соответствии темпов роста экономики Севера среднероссийским. В последние годы наблюдается стабилизация доли ВРП северных регионов в масштабе страны на уровне 24–24,5%, что говорит об адаптации северной экономики к новым условиям, сопровождающимся санкционным давлением, за счет благоприятной конъюнктуры на сырьевых рынках.

Инвестиции в основной капитал северных регионов за 2020–2024 гг. выросли ровно в 2 раза. Это подчеркивает приоритетность северных проектов для инвесторов и наращивание капиталовложений, несмотря на общие экономические сложности. Необходимо отметить слегка снижающуюся инвестиционную привлекательность в последние два года. Вероятно, сказались исчерпание эффекта от запущенных мегапроектов и рост альтернативных направлений вложений в других макрорегионах. Основные фонды регионов Севера увеличились в 1,41 раза, а их доля в масштабе РФ колебалась в узком коридоре, 24,1–25,0 %, что свидетельствует о замедлении обновления фондов по сравнению с ростом инвестиций – в том числе из-за удорожания строительства и логистики в северных условиях, высокой

степени износа инфраструктуры на Севере, требующей колоссальных вложений.

Наиболее тревожная тенденция наблюдается в социальной сфере. Численность населения регионов Севера неуклонно сокращается. Это подтверждает вывод авторов об оттоке населения и является критическим ограничителем для диверсификации, требующей квалифицированных кадров. Отсутствие данных за 2024 год не позволяет увидеть возможное улучшение, но тренд остается негативным. Напротив, среднегодовая численность занятых за период с 2020 по 2024 год характеризуется положительной динамикой, незначительно снизилась лишь доля занятых в масштабе РФ. В совокупности со снижением общей численности населения это может указывать на изменение возрастной структуры или на некоторое оживление экономической активности, требующей привлечения дополнительных работников.

Приведенный анализ демонстрирует парадокс северных регионов: они показывают экономический рост, основанный на эксплуатации природных ресурсов, привлекают инвестиции и сохраняют ключевую роль в национальной экономике, однако этот рост не конвертируется в улучшение социальной ситуации – население продолжает сокращаться, что свидетельствует о низкой привлекательности региона для постоянного проживания. Это противоречие является сильнейшим аргументом в пользу необходимости диверсификации. Переход к полипрофильной экономике становится критически необходимым для выживания и устойчивого развития северных регионов в долгосрочной перспективе. Данные 2024 года (рост инвестиций и небольшой рост занятости) дают осторожный повод для оптимизма, однако общий тренд на депопуляцию пока не преодолен;

- экспортная ориентация процессов диверсификации – ввиду собственной ресурсной обеспеченности регионы Севера нередко участвуют в междуна-

⁵ За 2024 г. информация временно не публикуется в соответствии с частью 10 статьи 5 Федерального закона от 29 ноября 2007 г. № 282-ФЗ «Об официальном статистическом учете и системе государственной статистики в Российской Федерации»

⁶ Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: <https://www.rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 03.09.2026)

родной торговле, что открывает возможности для диверсификации ассортимента экспортной продукции, в частности в сфере промышленности. Ориентация экономики северных регионов на экспорт делает их уязвимыми для рыночных и политических рисков. Промышленный продукт, производимый в северных регионах, одинаково ценен как за рубежом, так и внутри страны, что несколько снижает влияние указанных рисков. Е. Н.Тимушев [28] отмечает, что «экономика северных регионов находится в тесной зависимости от внешней конъюнктуры на рынке сырьевых товаров, прежде всего рынка сырой нефти», и делает вывод об усугублении степени данной зависимости с кризиса 2014–2015 гг.;

- высокий уровень конкуренции – северные регионы конкурируют в отношении темпов экономического развития не только с центральными территориями, но и друг с другом за рынки сбыта полезных ископаемых и промышленной продукции, человеческого капитал и федеральное финансирование стратегических проектов, что стимулирует диверсификацию экономики в нестандартных, инновационных направлениях. К примеру, ЯНАО развивает сферу науки в области мерзлотоведения, на месторождениях в ХМАО – Югре на месторождениях используются технологии БПЛА, Томская область разрабатывает технологию по определению масштаба разлива нефти под слоем снега и льда;
 - одним из главных акторов экономики северных регионов выступают крупные добывающие и промышленные компании. Их интересы и бизнес-стратегии несомненно оказывают влияние на процесс диверсификации экономики всего субъекта. Нефтегазодобывающие компании в силу специфики своей деятельности заинтересованы в развитии инноваций и построении экономики знаний, формировании производственных цепочек, в том числе путем диверсификации.
3. Природно-географические особенности развития северных регионов: низкая транспортная доступность, экстремальные температуры и климатические условия затрудняют развитие видов деятельности, связанных с производством и транспортировкой материальной продукции, что накладывает дополнительные ограничения на процесс диверсификации экономики. Северные регионы чувствительны к климатическим измене-

ниям, служащим возникновению как экономических возможностей, так и рисков для окружающей среды, хозяйственной деятельности. Природные и географические условия выступают одним из критических факторов в неравномерности процесса промышленно-хозяйственного освоения отдельных регионов Севера, оказывают влияние на здоровье жителей и ресурсозатратность предприятий на данных территориях.

Роль государства в реализации политики диверсификации экономики северных регионов

Документы стратегического управления федерального уровня содержат лишь основные направления региональной политики в отношении северных регионов. Меры реализации политических векторов подробно изложены в региональных стратегиях социально-экономического развития, концепциях и планах, государственных программах субъектов Российской Федерации. Устоявшаяся практика государственного стратегического планирования позволяет регионам самостоятельно определять методы достижения целей развития территории, устанавливать приоритетные направления развития с учетом особенностей и ресурсной обеспеченности региона.

На федеральном уровне действуют два документа стратегического развития, относящиеся непосредственно к развитию северных регионов России: Основы государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года ⁷ и Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года ⁸. Данные документы ставят перед регионами задачу повышения конкурентоспособности экономики, не уточняя, с помощью каких управленческих действий этого следует достичь. Каждый регион самостоятельно принимает управленческое решение относительно диверсификации экономики и отражает его в стратегических документах регионального уровня.

Государственное вмешательство в процесс диверсификации экономики северных территорий обусловлено их стратегической значимостью в масштабах страны и мира. Размещение на северных территориях стратегических промышленных производств и залежей ценных природных ископаемых влечет за собой повышенный

⁷ Указ Президента РФ от 16 января 2017 г. № 13 «Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года» (ред. от 16.01.2017) // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/420389221?marker=65A0IQ> (дата обращения: 23.01.2026).

⁸ Указ Президента РФ от 26.10.2020 № 645 «О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года» (ред. от 27.02.2023) // КонсультантПлюс URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_366065/ (дата обращения: 23.01.2026).

контроль за безопасностью и законностью процессов диверсификации экономики. При этом цели диверсификации экономики некоторых северных регионов должны соответствовать как стратегическим целям национальной безопасности и регионального развития РФ, так и целям социально-экономического развития Арктики.

Необходимо отметить высокий уровень государственного вмешательства в процесс регулирования экономической деятельности, в том числе диверсификации экономики, конфликт задач хозяйственного освоения регионов и сохранения традиционного уклада жизни коренных народов, ресурсную ограниченность развития экономической деятельности в связи с географическими и природно-климатическими условиями.

Эволюция форм диверсификации экономики северных регионов

Исторические предпосылки развития во многом объясняют характерные отличия экономического развития северных регионов. К примеру, из 16 городов на территории ХМАО – Югры, основного нефтегазоносного региона Российской Федерации, 14 городов основаны в XX веке – буме нефтегазовой разведки и открытия новых месторождений полезных ископаемых. Однако с распадом СССР население северных регионов резко сократилось. В XXI веке начался новый виток развития и освоения Севера и Арктики, на первый план вышли социально-экономические инструменты привлечения населения.

Процесс диверсификации с течением времени меняет не только предметные области применения, но и саму сущность процесса. Можно выделить несколько форм диверсификации экономики северных регионов в контексте эволюции развития:

1. Промышленная диверсификация (XVIII–XX вв.) – в период промышленного освоения территории Севера экономика подчинена нуждам и результатам развития промышленности. Данному периоду свойственен плановый характер экономики, высокая степень участия государства в управлении экономическими процессами. Процесс диверсификации, находящийся под контролем государственной политики,

ориентирован на повышение производительности труда, эффективности, расширение производства.

2. Экономическая диверсификация (1990-е – 2014 г.) – с развитием рыночной экономики на первый план выходят задачи повышения конкурентоспособности предприятий, роста прибыли и снижения издержек. В этот период растет популярность исследования процессов диверсификации в различных видах экономической деятельности фирм в целях повышения показателей их хозяйственной деятельности.
3. Социально-экономическая диверсификация (2014 г. – н. в.) – современная форма диверсификации, в которой цель диверсификации переходит от повышения экономических показателей к комплексному воздействию на показатели развития объекта управления. Диверсификация становится одним из направлений комплексной государственной политики. В рамках постиндустриального развития именно человеческий капитал, накопленные им знания, развитые компетенции и присущее ему креативное мышление выступают движущей силой «новой экономики» и современной диверсификации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ходе исследования сформирован и предложен к апробации авторский полиструктурный динамический подход к исследованию диверсификации северных регионов, включающий рассмотрение процесса диверсификации в трех аспектах: сферы проявления, управленческой деятельности, динамического развития; дано авторское понятие диверсификации экономики северных территорий. На основании анализа социально-экономических показателей выявлены и систематизированы характерные социально-экономические, природно-географические и пространственные особенности северных регионов, определяющие специфику процессов их диверсификации. Проанализирована роль государства в реализации политики диверсификации экономики северных регионов и эволюция нормативно-правового регулирования в реализации политики диверсификации экономики северных регионов. Определены и охарактеризованы ключевые этапы эволюции форм диверсификации экономики северных регионов.

Вклад авторов

А. А. Сибряева: проведение исследования, визуализация, написание рукописи – написание черновика рукописи.

И. Д. Тургель: разработка концепции, научное руководство, написание рукописи – рецензирование и редактирование рукописи.

Contributions

A. A. Sibryaeva: researching, visualization, writing – original draft.

I. D. Turgel: conceptualization, supervision, writing – review & editing.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Сибряева А.А., Тургель И.Д. К вопросу об определении термина «диверсификация». *Весенние дни науки ИнЭУ: сборник докладов международной конференции студентов и молодых ученых. Екатеринбург, 24–26 апреля 2025 года.* Екатеринбург : ООО Издательский Дом «Ажур»; 2025.808-813. EDN ONPQEJ
Sibryaeva A.A., Turgel I.D. On the definition of the term «Economic diversification». *Spring Days of Science at InEU : Collection of Reports of the International Conference for Students and Young Scientists. Yekaterinburg, April 24–26, 2025.* Yekaterinburg : LLC Publishing House «Azhur»; 2025.808-813. (In Russ.) EDN ONPQEJ
2. Ansoff H.I. Strategies for diversification. *Harvard Business Review.* 1957;35(5):113-124.
3. Ansoff H.I. *Strategic Management.* 1st ed. Macmillan; 1979.236.
4. Puyt R., Antoniou P., Caputo A. The Ansoff archive: Revisiting Ansoff's legacy and the holistic approach to strategic management. *Strategic Change.* 2024;33(6):513-518. <https://doi.org/10.1002/jsc.2600>
5. Денисова И.В. Уточнение понятия «диверсификация». *Вестник евразийской науки.* 2022;14(6).
Denisova I.V. Clarification of the concept of «diversification». *The Eurasian Scientific Journal.* 2022;14(6). (In Russ.)
6. Юдина И.С., Антонов А.П. К вопросу об определении термина «Диверсификация». *Инновационная наука.* 2016;6(1):303-308. EDN WCGCIT
Yudina I.S., Antonov A.P. On the definition of the term «Diversification». *Innovative Science.* 2016;6(1):303-308. (In Russ.) EDN WCGCIT
7. Агаларов З.С. Анализ теорий диверсификации производства и концептуальные подходы к ее исследованию. *Контроллинг.* 2021;1:8-17. EDN QTKQTS
Agalarov Z.S. Analysis of the theories of production diversification and conceptual approaches to its study. *Controlling.* 2021;1:8-17. (In Russ.) EDN QTKQTS
8. Афанасьев М.Ю., Ильин Н.И. Новые ориентиры для выбора приоритетных направлений диверсификации экономики на базе системы ситуационных центров. *Экономика и математические методы.* 2022;58(4):29-44. <https://doi.org/10.31857/S042473880023017-7>
Afanasyev M.Yu., Ilyin N.I. New guidelines for selecting priority areas of economic diversification based on a system of situation centers. *Economics and Mathematical Methods.* 2022;58(4):29-44. (In Russ.) <https://doi.org/10.31857/S042473880023017-7>
9. Imbs J., Wacziarg R. Stages of diversification. *American Economic Review.* 2003;93(1):63-86. EDN DTSCIH
10. Юсупова Р.Е. Различные подходы к сущности и содержанию региональной диверсификации. *Экономика и финансы (Узбекистан).* 2022;(12):37-42. https://doi.org/10.34920/EIF/VOL_2022_ISSUE_12_5
Yusupova R.E. Different approaches to the essence and content of regional diversification. *Economics and Finance (Uzbekistan).* 2022;(12):37-42. (In Russ.) https://doi.org/10.34920/EIF/VOL_2022_ISSUE_12_5
11. Беспечальных И.В., Жукова Ю.С. Актуальные проблемы диверсификации экономики на региональном уровне. *Вестник Вятского ГАТУ.* 2023;(2):12. EDN YOHNBAB
Bespechalnykh I.V., Zhukova Yu.S. Actual problems of economic diversification at the regional level. *Vestnik Vyatskogo GATU.* 2023;(2):12. (In Russ.) EDN YOHNBAB
12. Бикмаева А.Д. Диверсификация экономики как фактор устойчивого развития региона в современных условиях. *Цифровая экономика и инновации.* 2024;(2):5-14. <https://doi.org/10.18323/3034-2074-2024-2-5-14>
Bikmaeva A.D. Economy diversification as a factor of sustainable development of the region under modern conditions. *Digital Economy and Innovations.* 2024;(2):5-14. (In Russ.) <https://doi.org/10.18323/3034-2074-2024-2-5-14>
13. Федорова Т.С., Афанасьева Л.В. Стратегическая роль диверсификации экономики в обеспечении экономической безопасности в условиях нестабильной внешней среды. *Цифровая экономика: проблемы и перспективы развития: сборник научных статей 5-й Всероссийской научно-практической конференции. Курск, 15 декабря 2023 года.* Курск : ЗАО «Университетская книга»; 2023. С. 448-452. EDN SFWJZK
Fedorova T.S., Afanasyeva L.V. The strategic role of economic diversification in ensuring economic security in an unstable external environment. *Digital Economy: Problems and Development Prospects : Collection of Scientific Articles of the 5th All-Russian Scientific and Practical Conference. Kursk, December 15, 2023.* Kursk : ZAO Universitetskaya Kniga; 2023. P. 448-452. (In Russ.) EDN SFWJZK
14. Караев А.К. Экономическая сложность и выбор направления диверсификации региональной экономики России. *Финансовая жизнь.* 2022;(3):69-71. EDN EESKVN
Karaev A.K. Economic complexity and the choice of the direction of diversification of the regional economy of Russia. *Financial Life.* 2022;(3):69-71. (In Russ.) EDN EESKVN
15. Швецова И.Н. Финансовый механизм диверсификации экономики региона. *Экономика: вчера, сегодня, завтра.* 2025;15(5A):317-325. <https://doi.org/10.34670/AR.2025.29.30.029> EDN XWUUE

- Shvetsova I.N. Financial mechanism of the region's economy diversification. *Economy: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2025;15(5A):317-325. (In Russ.) <https://doi.org/10.34670/AR.2025.29.30.029> EDN XWIUVE
16. Mseer I., Almubaydeen T. Economic diversification strategies. *The Paradigm Shift from a Linear Economy to a Smart Circular Economy*. 2025.1399-1046. https://doi.org/10.1007/978-3-031-87550-2_94
17. Abbas H. Economic diversification through knowledge-based industries. *Journal of Ecohumanism*. 2024. <https://doi.org/10.62754/joe.v3i8.4714>
18. Lazhentsev V.N. The Russian North: economic and geographic aspects of development. *Studies on Russian Economic Development*. 2018;29(5):481-489. <https://doi.org/10.1134/S107570071805009X>
19. Лажентцев В.Н. Арктика и Север в контексте пространственного развития России. *Экономика региона*. 2021;17(3):737-754. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2021-3-2>
Lazhentsev V.N. The Arctic and the North: A Russian spatial development context. *Economy of Region*. 2021;17(3):737-754. (In Russ.) <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2021-3-2>
20. Алиева Т.Е., Баранов С.В., Биев А.А., и др. *Региональная экономика и вопросы североведения*. Апатиты : Институт экономических проблем им. Г. П. Лузина Кольского научного центра РАН; 2013.200. EDN RDWNNV
Alieva T.E., Baranov S.V., Biev A.A., et al. *Regional Economy and Issues of Northern Studies*. Apatity: Institute of Economic Problems named after G. P. Luzin of the Kola Scientific Center of the Russian Academy of Sciences; 2013.200. (In Russ.) EDN RDWNNV
21. Корчак Е.А. Проблемы и возможности развития моногородов российской Арктики. *Арктика и Север*. 2023;(50):23-46. <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2023.50.23>
Korchak E.A. Challenges and opportunities for the development of single-industry towns in the Russian Arctic. *Arctic and North*. 2023;(50):23-46. (In Russ.) <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2023.50.23>
22. Морева Н.Е., Задвернюк Л.В. Особенности промышленного освоения и развитие систем расселения в северных и арктических регионах. *Дальний Восток: проблемы развития архитектурно-строительного комплекса*. 2016;(1):491-494. EDN XRUEEZ
Moreva N.E., Zadvernyuk L.V. Features of industrial development and development of settling in northern and arctic regions. *Far East: Problems of the Architectural and Construction Complex Development*. 2016;(1):491-494. (In Russ.) EDN XRUEEZ
23. Пилецкая С.А. Концептуальные подходы к развитию северных регионов России. *Современные исследования: актуальные вопросы теории и практики : сборник статей III Международной научно-практической конференции. Пенза, 27 мая 2024 года*. Пенза : Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г. Ю.); 2024.9-62. EDN QLYXB
Piletskaya S.A. Conceptual approaches to the development of the northern regions of Russia. *Modern Research: Current Issues of Theory and Practice : Collection of Articles of the III International Scientific and Practical Conference. Penza, May 27, 2024*. Penza : Science and Education (IP Gulyaev G. Yu.); 2024.59-62. (In Russ.) EDN QLYXB
24. Тургель И.Д. Нормативно-правовые и финансово-экономические основы развития современного города как элемента системы местного самоуправления. *Муниципалитет: экономика и управление*. 2011;(1):005-017. EDN PYONIP
Turgel I.D. Legal and regulatory, financial and economic framework for modern city development as an element of local government system. *Municipality: Economics and Management*. 2011;(1):005-017. (In Russ.) EDN PYONIP
25. Доценко Д.А. Анализ конкурентоспособности и структурных сдвигов в экономике регионов Сибирского федерального округа. *Экономика Профессия Бизнес*. 2025;(3):70-78. <https://doi.org/10.14258/epb202540>
Dotsenko D.A. Analysis of competitiveness and structural shifts in the economy of the regions of the Siberian Federal District. *Economics Profession Business*. 2025;(3):70-78. (In Russ.) <https://doi.org/10.14258/epb202540>
26. Перов В.И. Методы формирования полиструктурных социально-экономических систем. *Экономический вестник Ростовского государственного университета*. 2007;5(1-2):246-248.
Perov V.I. Methods of formation of polystructural socio-economic systems. *Vestnik of Rostov State University of Economics*. 2007;5(1-2):246-248. (In Russ.)
27. Мельникова А.А., Обутов К.А., Дегтева Ж.Ф. Полиструктурный подход в ландшафтном планировании на территориях традиционного природопользования. *Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. Серия «Науки о Земле»*. 2025;(1):75-84. <https://doi.org/10.25587/2587-8751-2025-1-75-84>
Melnikova A.A., Obutov K.A., Degteva Z.F. The polystructural approach in landscape planning in the territories of traditional nature management. *Vestnik of North-Eastern Federal University. Series "Earth Sciences"*. 2025;(1):75-84. (In Russ.) <https://doi.org/10.25587/2587-8751-2025-1-75-84>
28. Тимушев Е.Н. Реальный сектор северной экономики: отказ от диверсификации? *Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки*. 2022;(4):249-264. <https://doi.org/10.15593/2224-9354/2022.4.18>
Timushev E.N. Real sector of the northern economy: farewell to diversification? *Bulletin of the Perm National Research Polytechnic University. Social and Economic Sciences*. 2022;(4):249-264. (In Russ.) <https://doi.org/10.15593/2224-9354/2022.4.18>

Приложение 1

Appendix 1

Структура валового регионального продукта северных регионов, 2024 год

The structure of the gross regional product of the northern regions, 2024

Регион/отрасль	Сельское хозяйство	Добыча полезных иско- паемых	Обрабатывающие про- изводства	Обеспечение электроз- нергией	Водоснабжение	Строительство	Торговля опт и розница	Транспортировка и хранение	Гостиницы и общепит	Информация и связь	Финансы и страховая	Операции с недвижи- мым имуществом	Профессиональная, научная и техническая	Административная	Госуправление и обе- спечение безопасности	Образование	Здравоохранение и соцуслуги	Культура, спорт, досуг и развлечения	Прочие виды услуг	Деятельность домашних хозяйств
Республика Карелия	6,6	16,4	13,3	2	0,6	5,1	6,9	9,7	1,3	1,9	0,3	10,7	2,1	1,6	10,1	4,7	5	1,2	0,5	0
Республика Коми	1,7	47,7	9,5	1,9	0,5	3,7	3,8	5,8	0,7	0,9	0,1	5,4	1,4	3,1	6,3	3,3	3,3	0,6	0,3	0
Архангельская область	5,8	4,1	23,3	3,2	0,8	3,4	8,6	11,1	1,2	1,7	0,3	9,9	2	1,4	11	5,1	5,3	1,2	0,6	0
Ненецкий автономный округ	0,3	84,7	0,1	0,8	0,1	4,4	0,4	2,3	0,1	0,2	0	0,8	0,6	0,7	3	0,7	0,6	0,2	0	0
Мурманская область	7,1	9,4	33,1	2,1	0,5	6,9	5	6,9	1,5	0,8	0,1	6,8	2,2	1,2	9,6	2,9	3	0,6	0,3	0
Пермский край	2,1	25,4	27,2	1,8	0,6	4,1	8,2	4,6	0,7	2,7	0,2	7,3	2,8	1,2	4,4	2,9	2,9	0,6	0,3	0
Ханты-Мансийский автономный округ – Югра	0,2	76,8	1,4	1,6	0,2	4,7	1,9	3,8	0,3	0,4	0	2,7	0,7	1,1	1,4	1,2	1,2	0,3	0,1	0
Ямало-Ненецкий автономный округ	0,1	71,9	8,2	0,8	0,1	8	1	3,1	0,3	0,3	0,1	0,8	0,8	1,6	1,2	0,8	0,7	0,2	0	0
Тюменская область (без автономных округов)	4	13,9	24,1	2,5	0,7	5,7	8,6	9,3	1	1,5	0,2	9,2	6,7	1,5	4,2	2,8	2,8	0,9	0,4	0
Республика Алтай	7,2	1,1	4,5	4	0,6	10,6	13,2	4	4,5	2,5	0,2	11,1	2	3,4	15,1	7,9	5,7	2,2	0,2	0
Республика Тыва	5,1	17,8	0,7	1,8	0,2	5,7	5,8	1,9	0,7	2	0,2	10,9	1,2	1	19,4	14,6	8,3	2,2	0,5	0
Красноярский край	3	22,9	26,9	3,2	0,4	6,2	6,4	6,6	0,7	1,1	0,1	6,2	3	1,6	4,5	3,2	2,9	0,7	0,4	0
Иркутская область	3,7	30,6	9,8	3,5	0,4	10,1	7,1	9,1	0,7	1,3	0,1	6,6	2	1,5	5,8	3,7	3,1	0,6	0,3	0
Томская область	3,8	24,9	10	2	0,6	4,2	10,3	6,9	0,7	2,5	0,3	10,9	4,5	1,8	6,8	5,1	3,7	0,7	0,3	0
Республика Бурятия	3,3	9,9	12,2	3	0,5	8,2	9,5	9,4	1,5	1,6	0,2	8,9	1,9	5,7	10,9	5,9	5,5	1,3	0,6	0

Продолжение приложения 1

Регион/отрасль	Сельское хозяйство	Добыча полезных ископаемых	Обрабатывающие производства	Обеспечение электроэнергией	Водоснабжение	Строительство	Торговля опт и розница	Транспортировка и хранение	Гостиницы и общепит	Информация и связь	Финансы и страховая	Операции с недвижимым имуществом	Профессиональная, научная и техническая	Административная	Госуправление и обеспечение безопасности	Образование	Здравоохранение и социальны	Культура, спорт, досуг и развлечения	Прочие виды услуг	Деятельность домашних хозяйств
Республика Саха (Якутия)	1	59,7	0,7	2,8	0,2	8,9	4,3	5,2	0,7	0,9	0,1	3	1,4	0,6	3,6	3,6	2,4	0,7	0,2	0
Камчатский край	25,8	4,3	4,2	2,2	0,7	6,1	6,1	5,4	1,2	1,3	0,1	5,4	2,7	3,9	18,3	5,7	5,1	1,2	0,3	0
Забайкальский край	3,6	24,3	2,4	2,5	0,3	7,3	8,1	15,7	1	1,4	0,2	7,3	2	1,3	10,7	5,5	5,2	0,8	0,4	0
Приморский край	8	0,9	6,2	2,1	0,4	5,2	15,4	20,6	1,1	1,7	0,2	11,3	2,7	2,4	12,8	3,7	3,7	1,2	0,4	0
Хабаровский край	6,3	8,1	8,9	2,6	0,5	5,9	13,3	17,1	1,3	1,8	0,3	8,9	2,9	2,2	10	4,2	4,3	0,8	0,6	0
Амурская область	6,7	11,1	3,2	4,3	0,3	20,6	10,3	11,4	1	1,2	0,2	8,8	2,4	1,9	7,7	3,9	3,9	0,7	0,4	0
Магаданская область	3,2	49,5	1,5	3,6	0,3	3,5	7,8	5,5	0,8	0,9	0,1	3,4	2	1,3	8,6	3,1	3,7	1	0,2	0
Сахалинская область	2,4	64,5	3,2	1,1	0,3	6,3	3,5	3,6	0,4	0,4	0,1	2,6	1,2	1,7	3,9	2	2,2	0,5	0,1	0
Чукотский автономный округ	2,1	29,7	0,3	13,5	0,5	18,9	5,9	3,7	0,8	0,5	0	1,4	1	0,4	12,1	4,2	3,3	1,1	0,6	0
Среднее значение по северным регионам	4,71	29,56	9,78	2,87	0,42	7,23	7,14	7,61	1,01	1,31	0,15	6,68	2,17	1,83	8,39	4,19	3,65	0,89	0,33	
Российская Федерация	4,2	14,5	16,3	2,3	0,5	5,5	15	6,9	0,9	3,2	0,5	11	4,5	2,3	4,9	3,1	2,9	1	0,5	0

Источник: составлено авторами.
Source: created by the authors.

ESG-трансформация бизнес-моделей деятельности нефтегазовых компаний в условиях энергоперехода на основе стратегий адаптаций

Оборин Матвей Сергеевич

Пермский институт (филиал) Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова, Пермь, Россия

Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия

Пермский государственный аграрно-технологический университет имени академика Д. Н. Прянишникова, Пермь, Россия
recreachin@rambler.ru

Кучин Сергей Дмитриевич

Пермский государственный аграрно-технологический университет имени академика Д. Н. Прянишникова, Пермь, Россия
kuchin.sd@inbox.ru

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Оборин М.С., Кучин С.Д. ESG-трансформация бизнес-моделей деятельности нефтегазовых компаний в условиях энергоперехода на основе стратегий адаптаций. *Исследование проблем экономики и финансов*. 2026;3:332. <https://doi.org/10.31279/REFP-2026-3-332> EDN YXTHPL

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ:

авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

ПОСТУПИЛА: 27.06.2026

ДОРАБОТАНА: 26.08.2026

ПРИНЯТА: 31.08.2026

ОПУБЛИКОВАНА ОНЛАЙН: 30.09.2026

COPYRIGHT: © 2026 Оборин М.С.,
Кучин С.Д.

АННОТАЦИЯ

В статье проведено исследование ESG-трансформации бизнес-моделей нефтегазовых компаний и стратегий их адаптации в условиях глобального энергоперехода. Актуальность исследования обусловлена тем, что в нефтегазовой отрасли создание стоимости определяется не только эффективностью производственных процессов, но и управлением природным капиталом, экологическими рисками, инвестиционными циклами и взаимодействием с государством. В статье применён двухуровневый подход, объединяющий сопоставление показателей устойчивого развития нефтегазодобывающих регионов с анализом экологической, социальной и управленческой результативности нефтегазовых компаний. Сопоставление региональных и корпоративных показателей выявило различия между условиями ESG-адаптации нефтегазодобывающих территорий и дисбалансы между экологической, социальной и управленческой составляющими деятельности компаний. Определены четыре сочетания региональных условий, различающихся приоритетами технологической модернизации, экономической диверсификации, климатической адаптации и социальных инвестиций. Аргументирована позиция, согласно которой требуется отказ от унифицированных ESG-стратегий нефтегазовых компаний в пользу их построения с опорой на специфику региона: климатические и природные условия, состояние социально-экономической сферы, а также сложившиеся институциональные практики. Выдвинуто предположение, что каскадирование корпоративных ESG-целей на уровень региональных подразделений позволит достичь большей сбалансированности экологического, социального и управленческого направлений их деятельности. Это, в свою очередь, создаст предпосылки как для укрепления позиций компаний в международных ESG-рейтингах, так и для повышения устойчивости нефтегазодобывающих регионов в условиях происходящего энергетического перехода. Результаты проведённого исследования могут быть использованы нефтегазовыми компаниями при совершенствовании корпоративных ESG-стратегий в условиях энергоперехода, а также органами государственной власти при разработке механизмов устойчивого развития ресурсозависимых территорий.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: ESG-трансформация, бизнес-модель, нефтегазовые компании, энергопереход, устойчивое развитие, нефтегазодобывающие регионы, региональная дифференциация, ESG-стратегия

ESG transformation of business models of oil and gas companies in the context of energy transition based on adaptation strategies

Matvey S. Oborin

Perm Institute (branch) of the Plekhanov Russian University of Economics, Perm, Russia

Perm State National Research University, Perm, Russia

Perm State Agrarian and Technological University named after D.N. Pryanishnikov, Perm, Russia

recreachin@rambler.ru

Sergei D. Kuchin

Perm State Agrarian and Technological University named after D.N. Pryanishnikov, Perm, Russia

kuchin.sd@inbox.ru

TO CITE:

Oborin M.S., Kuchin S.D. ESG transformation of business models of oil and gas companies in the context of energy transition based on adaptation strategies.

Research in Economic and Financial Problems. 2026;3:332. (In Russ.) <https://doi.org/10.31279/REFP-2026-3-332>

DECLARATION OF COMPETING

INTEREST: none declared.

RECEIVED: 27.06.2026

REVISED: 26.08.2026

ACCEPTED: 31.08.2026

PUBLISHED ONLINE: 30.09.2026

COPYRIGHT: © 2026 Oborin M.S.,
Kuchin S.D.

ABSTRACT

The article examines the ESG transformation of business models of oil and gas companies and their adaptation strategies in the context of the global energy transition. The relevance of the research is due to the fact that in the oil and gas industry, value creation is determined not only by the efficiency of production processes, but also by the management of natural capital, environmental risks, investment cycles and interaction with the state. The article uses a two-level approach combining a comparison of indicators of sustainable development of oil and gas producing regions with an analysis of the environmental, social and managerial performance of oil and gas companies. A comparison of regional and corporate indicators revealed differences between the conditions of ESG adaptation of oil and gas producing territories and imbalances between the environmental, social and managerial components of the companies' activities. Four combinations of regional conditions have been identified, differing in the priorities of technological modernization, economic diversification, climate adaptation, and social investment. The position is argued that it is necessary to abandon the unified ESG strategies of oil and gas companies in favor of building them based on the specifics of the region: climatic and natural conditions, the state of the socio-economic sphere, as well as established institutional practices. It is suggested that cascading corporate ESG goals to the level of regional divisions will achieve a greater balance between the environmental, social and managerial areas of their activities. This, in turn, will create prerequisites both for strengthening the companies' positions in international ESG ratings and for increasing the sustainability of oil and gas producing regions in the context of the ongoing energy transition. The results of the study can be used by oil and gas companies in improving corporate ESG strategies in the context of energy transition, as well as by government authorities in developing mechanisms for the sustainable development of resource-dependent territories.

KEYWORDS: ESG transformation, business model, oil and gas companies, energy transition, sustainable development, oil and gas producing regions, regional differentiation, ESG strategy

ВВЕДЕНИЕ

Изменения в мировой энергетике оказывают непосредственное влияние на деятельность нефтегазовых компаний. Согласно прогнозу Международного энергетического агентства (IEA), при сохранении действующих мер государственной энергетической политики мировой спрос на нефть и природный газ достигнет максимальных значений до конца текущего десятилетия. В сценарии достижения углеродной нейтральности к 2050 году потребление нефти может сократиться примерно на 75 %, а природного газа – более чем на 50 % по сравнению с современным уровнем ¹.

Для нефтегазовых компаний потенциальные изменения глобального спроса на углеводороды означают необходимость пересмотра традиционных бизнес-моделей. Традиционно нефтегазовые компании создавали стоимость путем наращивания добычи и реализации углеводородов. В настоящее время состав источников стоимости постепенно меняется, нефтегазовые компании начали учитывать при формировании инвестиционных программ климатические риски и ожидаемые изменения спроса на энергоресурсы. На действующих объектах внедряются технологии улавливания и хранения углерода (CCUS), также нефтегазовые компании активно инвестируют в низкоуглеродную энергетику и производство водорода. По данным IEA, нефтегазовые компании участвуют примерно в 90 % действующих в мире проектов CCUS, а накопленные инженерные компетенции и имеющаяся инфраструктура позволяют им также расширять инвестиции в водородные и другие низкоуглеродные технологии.

Для Российской Федерации проблема ESG-трансформации имеет существенно более сложный характер. С одной стороны, нефтегазовый комплекс остается одним из системообразующих секторов экономики, обеспечивая значительную часть экспортной выручки, бюджетных доходов и инвестиционных ресурсов страны. С другой стороны, изменение глобальной структуры спроса на углеводороды, развитие трансграничного углеродного регулирования, технологическая перестройка мировой энергетике и усиление экологических требований постепенно увеличивают долгосрочные риски для устойчивости российского нефтегазового сектора. Именно поэтому утвержденная Энергетическая стратегия Российской Федерации до 2050 ² года ориентирована не только на сохранение энергетической безопасности страны, но и на повышение технологического

уровня отрасли, снижение экологического воздействия, развитие новых энергетических направлений и повышение конкурентоспособности российского топливно-энергетического комплекса в условиях структурной трансформации мировых энергетических рынков.

Региональный аспект ESG-трансформации бизнес-моделей требует более детального изучения, поскольку социально-экономическое положение многих нефтегазодобывающих субъектов Российской Федерации во многом зависит от результатов деятельности крупнейших отраслевых компаний [1]. Нефтегазовый комплекс обеспечивает значительную часть налоговых поступлений, занятости и инвестиций в инфраструктуру, а компании финансируют социальные и экологические проекты на территориях присутствия. Ускорение мирового энергоперевода может изменить сложившуюся модель взаимодействия бизнеса и регионов. Сокращение спроса на традиционные углеводороды способно снизить доходы нефтегазовых компаний и ограничить объем средств, направляемых на региональные проекты. Поэтому декарбонизация экономики должна учитывать зависимость ресурсных территорий от производства углеводородов и финансового участия нефтегазовых компаний в их развитии.

Таким образом, следует рассматривать ESG-трансформацию не только как элемент соответствия международным требованиям устойчивого развития, но и как важнейший механизм долгосрочной адаптации добывающих регионов к изменениям мировой энергетической системы. Эффективность данной адаптации определяется способностью компаний одновременно обеспечивать снижение экологических рисков, поддерживать инвестиционную активность, сохранять налоговую базу регионов, диверсифицировать направления бизнеса и формировать новые источники экономического роста.

Целью настоящей статьи является выявление регионально обусловленных стратегий адаптации бизнес-моделей нефтегазовых компаний к ESG-требованиям в условиях энергоперевода, а также оценка влияния реализуемых стратегий на обеспечение устойчивого социально-экономического развития нефтегазодобывающих регионов. В рамках исследования предполагается определить основные направления трансформации корпоративных бизнес-моделей, выявить факторы региональной дифференциации ESG-стратегий и оценить их значение для сохранения долгосрочной устойчивости территорий, экономика которых во многом определяет

¹ The Oil and Gas Industry in Net Zero Transitions. World Energy Outlook Special Report // IEA. URL: <https://www.iea.org/reports/the-oil-and-gas-industry-in-net-zero-transitions>

² Энергетическая стратегия Российской Федерации на период до 2050 года // Министерство энергетики РФ. URL: <https://minenergo.gov.ru/ministry/energy-strategy>

ся состоянием и развитием нефтегазового комплекса. Научная новизна исследования состоит в применении двухуровневого подхода к анализу ESG-трансформации российского нефтегазового сектора, объединяющего сопоставление показателей устойчивого развития нефтегазодобывающих регионов с анализом экологической, социальной и управленческой результативности нефтегазовых компаний.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

В научной литературе бизнес-модель рассматривается как система взаимосвязанных элементов, определяющих механизм создания, доставки и получения ценности организацией. Наиболее распространенной является концепция А. Остервальдера и И. Пинье, согласно которой бизнес-модель представляет собой логическую архитектуру функционирования компании, включающую ценностное предложение, ключевые виды деятельности, ресурсы, партнерские связи, каналы взаимодействия с потребителями, клиентские сегменты, структуру издержек и источники формирования доходов [2]. В нефтегазовой отрасли бизнес-модели традиционно строились преимущественно вокруг экстенсивного роста добычи углеводородов и повышения эффективности эксплуатации месторождений. Ключевыми факторами конкурентоспособности выступали объем доказанных запасов, уровень добычи, производительность активов, доступ к транспортной инфраструктуре и минимизация себестоимости добычи. При этом экологические и социальные аспекты рассматривались преимущественно как внешние ограничения хозяйственной деятельности, выполнение которых обеспечивалось посредством соблюдения обязательных требований природоохранного законодательства [3]. Однако после принятия Парижского соглашения по климату ³ в 2015 г. и активного распространения принципов ответственного инвестирования ⁴ ESG-факторы стали рассматриваться как один из ключевых элементов долгосрочной конкурентоспособности нефтегазовых компаний, что обусловило постепенную трансформацию их бизнес-моделей.

В настоящее время ESG-факторы перестали рассматриваться исключительно как инструмент управления корпоративной репутацией. Экологические, социальные и управленческие характеристики все чаще интегрируются непосредственно в стратегию развития компаний,

оказывая влияние на инвестиционные решения, стоимость капитала, доступ к финансовым ресурсам и долгосрочную устойчивость бизнеса [4]. Применительно к нефтегазовой отрасли ESG-трансформация реализуется по трем взаимосвязанным направлениям: декарбонизации, перехода к принципам циркулярной экономики и усиления социальной ответственности бизнеса.

Авторы рассматривают энергетический переход как процесс, содержание которого определяется экономической специализацией территории, технологическими возможностями, состоянием инфраструктуры и качеством институтов. Д. Ф. Донго и др. [5] выделяют экономическое, социальное, экологическое, технологическое, политическое и институциональное измерения энергетического перехода в нефтедобывающих странах. Н. С. Чипангамате и др. [6] показывают, что результативность перехода в ресурсозависимых экономиках зависит от согласованности технологических преобразований с социально-экономическими условиями и институциональной средой.

Согласно оценкам Международного энергетического агентства, нефтегазовые компании обладают развитой технологической и инфраструктурной базой для сокращения выбросов парниковых газов на всех стадиях производственного цикла, повышения энергоэффективности добычи и переработки углеводородов, снижения объемов факельного сжигания попутного нефтяного газа, внедрения технологий улавливания, использования и хранения углерода ⁵, что делает декарбонизацию одним из ключевых направлений модернизации отрасли с целью управления углеродным следом.

Вторым направлением ESG-трансформации нефтегазовых компаний является внедрение принципов циркулярной экономики, включающее расширение практики повторного использования водных ресурсов, вовлечение переработанных буровых отходов в производственный оборот, использование вторичного сырья в технологических процессах, а также рост показателя утилизации попутного нефтяного газа, развитие технологий замкнутого водоснабжения и снижение образования отходов производства ⁶.

Поскольку нефтегазовые компании функционируют преимущественно в ресурсных регионах, где нередко являются крупнейшими работодателями, налогоплательщиками и инвесторами, социальная составляющая

³ The Paris Agreement // United Nations Climate Change. URL: <https://unfccc.int/process-and-meetings/the-paris-agreement>

⁴ Principles for Responsible Investment. URL: <https://www.unpri.org>

⁵ The Oil and Gas Industry in Net Zero Transitions. World Energy Outlook Special Report // IEA. URL: <https://www.iea.org/reports/the-oil-and-gas-industry-in-net-zero-transitions>

⁶ Completing the Picture: How the Circular Economy Tackles Climate Change // Ellen MacArthur Foundation. URL: <https://content.ellenmacarthurfoundation.org/m/3eac8667edd240cc/original/Completing-the-picture-How-the-circular-economy-tackles-climate-change.pdf>

ESG выходит далеко за рамки корпоративной благотворительности. Социальная ответственность нефтегазовых компаний включает развитие человеческого капитала, обеспечение безопасных условий труда, поддержку здравоохранения и образования, развитие транспортной и коммунальной инфраструктуры, взаимодействие с местными сообществами, реализацию программ поддержки коренных малочисленных народов Севера, а также участие в диверсификации региональной экономики [1]. Именно поэтому третьим направлением развития нефтегазовых компаний можно считать усиление социальной ответственности бизнеса.

Однако различия в структуре экономики, уровне диверсификации, природно-климатических условиях, состоянии инфраструктуры, бюджетной обеспеченности и зависимости регионов от нефтегазового комплекса формируют неодинаковые условия адаптации компаний к требованиям энергоперехода [7]. Исходя из этого целесообразно рассмотреть ESG-трансформацию нефтегазовых компаний через призму региональных социально-экономических систем, при которых эффективность ESG-трансформации оценивается не только по динамике корпоративных показателей выбросов и финансовых результатов, но и по способности бизнеса обеспечивать устойчивое развитие нефтегазодобывающих территорий в условиях долгосрочного энергетического перехода.

Роль региональной среды в деятельности добывающих компаний получила отражение в концепции Social License to Operate, согласно которой эффективность взаимодействия компаний с территорией присутствия определяется не только соблюдением нормативных требований, но и способностью учитывать социально-экономические особенности региона, обеспечивать конструктивный диалог с населением и формировать долгосрочные партнерские отношения с местными стейкхолдерами [8]. Социальная лицензия формируется в результате взаимодействия компаний, органов государственной власти, местных сообществ и институтов гражданского общества. Следовательно, регион выступает одновременно средой реализации корпоративной стратегии и самостоятельным стейкхолдером, определяющим уровень общественной легитимности хозяйственной деятельности, а эффективность ESG-стратегии зависит как от внутренних корпоративных решений, так и от качества регионального управления, уровня доверия заинтересованных сторон и способности компании учитывать специфику территории присутствия [9].

Проведённый обзор показал, что в исследованиях ESG-трансформации нефтегазового сектора преобладают два относительно самостоятельных направления. В рамках первого авторы рассматривают изменение корпоративных стратегий, технологий и бизнес-моделей

нефтегазовых компаний в условиях энергоперехода. Второе направление посвящено устойчивости ресурсозависимых регионов, влиянию добывающих отраслей на территориальное развитие и взаимодействию компаний с местными сообществами. При этом в научной литературе остаётся недостаточно исследованным вопрос о том, как экономическая специализация, природно-климатические условия, накопленная экологическая нагрузка и институциональные особенности субъектов Российской Федерации влияют на выбор приоритетов ESG-трансформации нефтегазовых компаний.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Исследование основано на сравнительном анализе показателей нефтегазодобывающих регионов и российских нефтегазовых компаний. Региональный уровень представлен 14 субъектами Российской Федерации, в экономике которых нефтегазодобывающая деятельность составляет самостоятельное направление специализации. Информационной базой послужили общий рейтинг субъектов Российской Федерации по достижению Целей устойчивого развития ООН и рейтинг экологического кластера за 2025 г. Корпоративный уровень исследован по данным ESG-рейтинга RAEX за 2025 г., из которого отобраны шесть крупнейших компаний нефтегазового сектора.

Региональная дифференциация стратегий ESG-трансформации нефтегазовых компаний

Для нефтегазовой отрасли значение социальной лицензии особенно велико. Освоение месторождений неизбежно сопровождается изменением природных экосистем, строительством транспортной и энергетической инфраструктуры, воздействием на традиционные виды хозяйственной деятельности населения и повышенными экологическими рисками. Следовательно, ESG-риски приобретают выраженную региональную специфику, а одинаковые корпоративные ESG-практики способны обеспечивать различную эффективность в зависимости от условий конкретного региона.

Для отражения особенностей региональных социально-экономических систем в исследовании использованы результаты Рэнкинга регионов Российской Федерации по достижению Целей устойчивого развития ООН. В качестве аналитической базы применены общий рейтинг субъектов Российской Федерации по достижению ЦУР ООН и рейтинг регионов в рамках Экологического кластера (таблица 1).

Таблица 1
Рэнкинг нефтегазодобывающих регионов по достижению Целей устойчивого развития ООН, 2025 г. ⁷

Table 1
Ranking of oil and gas producing regions for achieving the UN Sustainable Development Goals, 2025

Регион	Общий рейтинг ЦУР ООН	Балл	Экологический кластер	Балл
Республика Татарстан	1	53,56	5	53,40
Ямало-Ненецкий АО	21	46,40	8	53,00
Ханты-Мансийский АО – Югра	27	45,96	53	42,30
Сахалинская область	66–67	40,09	64	40,07
Красноярский край	80	36,24	73	38,70
Республика Коми	73	37,68	58	41,20
Республика Башкортостан	4	50,98	4	54,17
Тюменская область	11	48,15	9	51,87
Астраханская область	36	44,67	15	50,00
Томская область	58	41,70	82	33,63
Оренбургская область	61	41,07	67	39,73
Республика Саха (Якутия)	64	40,61	48–49	43,60
Ненецкий АО	47	43,36	42	45,20
Иркутская область	82	33,84	69	39,20

Анализ показал, что региональная специфика наиболее ярко проявляется в монопрофильных нефтегазодобывающих субъектах Российской Федерации, экономика которых в значительной степени зависит от добычи углеводородов. К таким регионам, где нефтегазовый сектор формирует значительную часть валового регионального продукта, налоговых поступлений, инвестиций и занятости населения, относятся прежде всего Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, Ямало-Ненецкий автономный округ, Ненецкий автономный округ и Сахалинская область.

Монопрофильность нефтегазодобывающих регионов влияет на возможности компаний проводить ESG-преобразования. Крупные нефтегазовые предприятия финансируют модернизацию производства, природоохранные мероприятия и социальную инфраструктуру на территориях присутствия. Масштаб таких вложений отражается на показателях устойчивого развития региона. Например, Ямало-Ненецкий автономный округ входит в число лидеров рэнкинга субъектов Российской Федерации по достижению Целей устойчивого развития ООН и показывает высокие результаты по экологическому кластеру. Высокие показатели были достигнуты при сохраняющейся зависимости экономики округа от добычи углеводородов, причем зависимость от нефтегазовых компаний делает региональные доходы и инвестиционные программы компаний чувстви-

тельными к возможному сокращению мирового спроса на нефть и газ в ходе энергетического перехода.

Снижение мирового спроса на ископаемое топливо, ужесточение углеродного регулирования, изменение инвестиционных предпочтений и развитие низкоуглеродных технологий способны одновременно воздействовать на ключевые элементы региональной экономики: объем добычи, налоговые поступления, уровень занятости, инвестиционную активность и финансирование социальной инфраструктуры [10]. Таким образом, ESG-трансформация нефтегазовых компаний выходит за рамки исключительно корпоративной повестки и приобретает региональное измерение, поскольку оказывает прямое воздействие на устойчивость социально-экономического развития соответствующих территорий.

Вместе с тем проведенный анализ свидетельствует о том, что высокий уровень зависимости региона от нефтегазового комплекса сам по себе не выступает определяющим фактором уровня устойчивого развития. Более существенное значение имеют качество регионального управления, способность органов власти и бизнеса направлять ресурсную ренту на развитие человеческого капитала, инфраструктуры и экологической модернизации, а также уровень диверсификации экономики. Так, Республика Татарстан, обладающая

⁷ Рэнкинг регионов РФ по показателям достижения ЦУР ООН // МГИМО. URL: <http://ranking.mgimo.ru/>

диверсифицированной промышленной структурой, занимает лидирующие позиции как в общем ранкин-ге достижения Целей устойчивого развития ООН, так и по экологическому кластеру. Вместе с тем Ямало-Ненецкий автономный округ, будучи одним из наиболее монопрофильных нефтегазодобывающих регионов страны, тем не менее демонстрирует высокие результаты в области устойчивого развития во многом за счёт рационального использования доходов от нефтегазовой отрасли и направления инвестиций на развитие территории. Напротив, регионы с комплексной сырьевой специализацией, где нефтегазовая отрасль сочетается с металлургией, угледобычей и другими экологически емкими производствами (например, Красноярский край и Республика Коми), характеризуются более низкими позициями в ранкингах устойчивого развития вследствие накопленного экологического воздействия и более сложной структуры региональных ESG-рисков.

Выявленная дифференциация нефтегазодобывающих регионов позволяет сделать вывод, что выбор стратегии ESG-трансформации определяется корпоративными целями компании в сочетании с особенностями региональной среды, в которой осуществляется хозяйственная деятельность. Одним из ключевых направлений адаптации выступает технологическая модернизация, ориентированная на снижение экологической нагрузки. По оценкам Международного энергетического агентства, приоритетными инструментами декарбонизации являются сокращение выбросов метана, технологии CCUS, цифровой экологический мониторинг и повышение уровня утилизации попутного нефтяного газа⁸. Вместе с тем состав применяемых технологий существенно различается в зависимости от особенностей ресурсной базы и условий эксплуатации месторождений. К примеру, для зрелых месторождений Западной Сибири актуальны технологии повышения нефтеотдачи и снижения выбросов [11; 12], тогда как для арктических регионов приоритет приобретают решения, обеспечивающие устойчивость инфраструктуры в условиях деградации вечной мерзлоты [13].

Вторым направлением является диверсификация бизнес-моделей в смежные низкоуглеродные секторы экономики. В исследованиях OECD⁹ и Международного агентства по возобновляемым источникам энергии (IRENA)¹⁰ содержатся выводы о том, что устойчивость ресурсозависимых территорий обеспечивается не только экологической модернизацией нефтегазового производства, но и развитием новых видов экономической деятельности, включая водо-

родную энергетику, возобновляемые источники энергии, нефтегазохимию и высокотехнологичные сервисы. При этом направления диверсификации определяются уровнем экономического развития региона: в диверсифицированных субъектах они интегрируются в существующие производственные цепочки, тогда как в монопрофильных нефтегазовых регионах ориентированы на снижение зависимости экономики от добычи углеводородов [14].

Еще одним направлением адаптации становится трансформация социальных инвестиций. В отличие от традиционной корпоративной социальной ответственности, основанной преимущественно на благотворительных проектах, современная ESG-повестка предполагает переход к долгосрочным соглашениям о социально-экономическом развитии территорий [15]. Концепция *Creating Shared Value*, представленная в научных трудах М. Э. Портер и др., рассматривает создание общественной ценности как элемент конкурентной стратегии компании [16]. Применительно к нефтегазовой отрасли создание общественной ценности находит отражение в реализации совместных с регионами программ развития инфраструктуры, образования, здравоохранения, подготовки кадров и экологической модернизации, учитывающих долгосрочные приоритеты территориального развития [7].

Особое значение региональная специфика приобретает при реализации ESG-стратегий в северных и арктических регионах, поскольку деградация многолетнемерзлых грунтов существенно увеличивает риски для нефтегазовой инфраструктуры и требует применения специализированных подходов к проектированию, эксплуатации объектов и экологическому мониторингу [13]. Таким образом, выбор стратегии ESG-трансформации бизнес-моделей нефтегазовых компаний определяется особенностями региональной среды. Для монопрофильных нефтегазодобывающих регионов, экономика которых существенным образом определяется добычей углеводородов (Ямало-Ненецкий автономный округ, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, Ненецкий автономный округ), приоритетными направлениями являются технологическая модернизация добычи, направленная на снижение углеродного следа и повышение экологической эффективности производства, а также диверсификация экономики посредством развития смежных низкоуглеродных отраслей, позволяющая снизить долгосрочную зависимость территорий от нефтегазовой ренты.

Для северных и арктических регионов ключевое значение приобретают стратегии адаптации инфраструктуры

⁸ The Oil and Gas Industry in Net Zero Transitions. World Energy Outlook Special Report // IEA. URL: <https://www.iea.org/reports/the-oil-and-gas-industry-in-net-zero-transitions>

⁹ Regions in Industrial Transition 2023 // OECD. URL: https://www.oecd.org/en/publications/regions-in-industrial-transition-2023_5604c2ab-en.html

¹⁰ World Energy Transitions Outlook // IRENA. URL: https://www.irena.org/-/media/Files/IRENA/Agency/Publication/2023/Jun/IRENA_World_energy_transitions_outlook_summary_2023.pdf

к изменению климатических условий, обеспечивающие устойчивость производственных объектов в условиях деградации многолетнемерзлых грунтов и сохранение уязвимых экосистем. В регионах с высоким уровнем социально-экономического развития и развитой институциональной средой, таких как Республика Татарстан, на первый план выходит трансформация социальных инвестиций в долгосрочные соглашения о социально-экономическом развитии территорий, интегрирующие цели бизнеса и регионального развития. В свою очередь, для регионов с комплексной сырьевой специализацией и накопленной экологической нагрузкой (Красноярский край, Республика Коми) приоритетное значение приобретает комплексная экологическая модернизация производства, направленная на снижение совокупного антропогенного воздействия и восстановление природных экосистем.

Выбор направлений ESG-трансформации определяется сочетанием корпоративных целей и характеристик территории присутствия (рисунок 1). Состав применяемых инструментов определяется сочетанием ресурсных,

климатических, экономических и институциональных факторов, поэтому одинаковые корпоративные цели могут реализовываться в регионах посредством различных наборов мероприятий.

С целью определения практических рекомендаций по дальнейшей трансформации бизнес-моделей нефтегазовых компаний обратимся к результатам ESG-рэнкинга RAEX (таблица 2). Представленные результаты показывают существенную неоднородность ESG-трансформации российских нефтегазовых компаний. Также, несмотря на сравнительно высокие позиции ряда компаний в общем рэнкинге RAEX, практически для всех участников характерны дисбалансы между экологической (E), социальной (S) и управленческой (G) составляющими. У одних компаний наиболее развиты экологические и социальные практики при сравнительно слабом корпоративном управлении (НОВАТЭК, Сахалинская Энергия), у других наблюдается обратная ситуация, когда высокий уровень корпоративного управления не сопровождается сопоставимыми результатами в экологической или социальной сфере (Группа «Татнефть»).

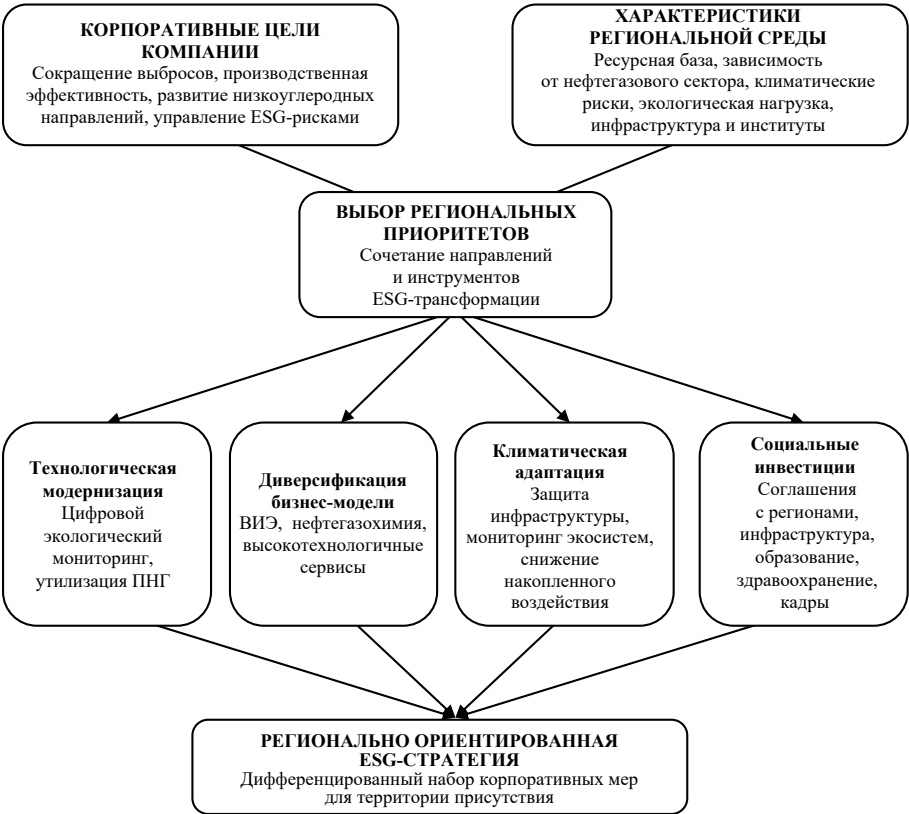

Рисунок 1
Модель выбора направлений ESG-трансформации нефтегазовой компании с учётом региональной среды
Источник: составлено авторами.

Figure 1
The model of choosing the directions of ESG transformation of an oil and gas company, taking into account the regional environment
Source: compiled by the authors.

Таблица 2
ESG-рэнкинг RAEX нефтегазовых компаний, 2025 г.

Table 2
ESG ranking of RAEX oil and gas companies, 2025

Компания	Место в общем рэнкинге	Е-рэнк	С-рэнк	Г-рэнк
Группа «Татнефть»	9	13	18	2
НОВАТЭК	16	9	9	45
ЛУКОЙЛ	27	29	20	27
Газпром	32	31	29	35
Сахалинская Энергия	34	30	15	53
Сургутнефтегаз	64	57	65	63

Поскольку включённые в рэнкинг вертикально интегрированные нефтегазовые компании работают в нескольких субъектах Российской Федерации, его данные не позволяют связать показатели конкретной компании с положением отдельного региона. Выявленные различия между экологическим, социальным и управленческим компонентами следует рассматривать как основание для дальнейшего изучения территориальной дифференциации ESG-результатов. Корпоративные цели устойчивого развития должны конкретизироваться с учетом особенностей территории: состояния природной среды, структуры региональной экономики, климатических рисков, потребностей населения и приоритетов социально-экономического развития. Следовательно, основной резерв повышения ESG-результативности нефтегазовых компаний связан не только с корректировкой общей корпоративной стратегии, но и с ее территориальной адаптацией. Учет региональной специфики позволит компаниям устранить выявленные экологические, социальные и управленческие дисбалансы, повысить качество консолидированных ESG-показателей и улучшить положение в рэнкинге. Реализация регионально ориентированных мероприятий будет способствовать снижению экологической нагрузки, развитию социальной инфраструктуры и повышению устойчивости экономики территорий присутствия, что создаст предпосылки для улучшения позиций соответствующих регионов в рэнкингах устойчивого развития.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведённое сопоставление показателей устойчивого развития нефтегазодобывающих регионов и компонентов ESG-рэнкинга компаний показало, что направления корпоративной адаптации необходимо соотносить с экономической специализацией, природно-климатическими условиями и накопленной экологической нагрузкой территорий присутствия.

Дифференциация регионов по критериям достижения целей устойчивого развития позволяет заключить, что эффективность ESG-трансформации нефтегазовых

компаний определяется внутренними ресурсами и стратегическими приоритетами компаний, а также характеристиками региональной среды. Сопоставление нефтегазодобывающих субъектов Российской Федерации показало, что высокий уровень зависимости от добычи углеводородов сам по себе не предопределяет низкую устойчивость региона. Различия между позициями ресурсозависимых субъектов связаны с уровнем диверсификации экономики, состоянием инфраструктуры, экологической нагрузкой и качеством взаимодействия органов власти и бизнеса. Выявленная региональная дифференциация обуславливает необходимость отказа от универсальной модели ESG-адаптации.

На основе полученных результатов выделены четыре типа региональных условий ESG-адаптации: монопрофильная нефтегазовая экономика, северные и арктические территории, диверсифицированные индустриальные регионы и территории с накопленной антропогенной нагрузкой. Региональные условия различаются сочетанием приоритетов технологической модернизации, экономической диверсификации, климатической адаптации и социальных инвестиций. Территориальная конкретизация корпоративной стратегии предполагает декомпозицию общих целей до уровня дочерних обществ и региональных подразделений с учётом природно-климатических рисков, накопленного экологического воздействия и приоритетов развития соответствующих территорий.

Поскольку крупнейшие нефтегазовые компании являются вертикально интегрированными структурами и ведут деятельность в различных субъектах Российской Федерации, данные рэнкинга не позволяют связать результат конкретной компании с положением отдельного региона. Полученные результаты ограничены составом и периодом используемых данных. Дальнейшие исследования авторов направлены на проверку связи между структурой экономики региона, объёмом корпоративных экологических и социальных инвестиций, а также изменением показателей устойчивого развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Мокрова Е.М. Нефтегазовая отрасль РФ – инвестиции и социальные аспекты в условиях санкций. *Социально-гуманитарные знания*. 2024;2:123-128.
Mokrova E.M. Russian oil industry: investment and social aspects under sanctions. *Social and Humanitarian Knowledge*. 2024;2:123-128. (In Russ.)
2. Osterwalder A., Pigneur Y. *Business Model Generation: A Handbook for Visionaries, Game Changers, and Challengers*. Hoboken, NJ: John Wiley & Sons, 2010.288.
3. Коронатов Н.Н., Калязина С.Е., Лёвина А.И. Бизнес-модель нефтеперерабатывающего предприятия в условиях цифровой трансформации. *Kant*. 2022;2(43):41-50.
Koronatov N.N., Kalyazina S.E., Levina A.I. Business model of an oil refinery in the context of digital transformation. *Kant*. 2022;2(43):41-50. (In Russ.)
4. Лопатников О.Ю. Современные тенденции корпоративного управления. *Менеджмент и бизнес-администрирование*. 2024;4:257-264. <https://doi.org/10.33983/2075-1826-2024-4-257-264>
Lopatnikov O.Yu. Modern trends in corporate management. *Management and Business Administration*. 2024;4:257-264. (In Russ.) <https://doi.org/10.33983/2075-1826-2024-4-257-264>
5. Dongo D.F., Relvas S. Evaluating the role of the oil and gas industry in energy transition in oil-producing countries: A systematic literature review. *Energy Research & Social Science*. 2025;120:103905. <https://doi.org/10.1016/j.erss.2024.103905>
6. Chipangamate N.S., Nwaila G.T. Assessment of challenges and strategies for driving energy transitions in emerging markets: A socio-technological systems perspective. *Energy Geoscience*. 2024;5(2):100257. <https://doi.org/10.1016/j.engeos.2023.100257>
7. Оборин М.С., Кучин С.Д. Сравнительный анализ уровня устойчивого развития предприятий нефтегазовой отрасли Приволжского федерального округа с учётом региональной специфики. *Тенденции развития мировой торговли в XXI веке : сборник статей XI Международной научно-практической конференции, Пермь, 20–31 октября 2025 года*. Пермь : Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова, 2025.289-295.
Oborin M.S., Kuchin S.D. (2025). Comparative analysis of the sustainable development level of oil and gas enterprises in the Volga Federal District considering regional specifics. *Trends in the Development of World Trade in the 21st Century: Proceedings of the XI International Scientific and Practical Conference*. Perm : Plekhanov Russian University of Economics, 2025.289-295. (In Russ.)
8. Wilson E. What is the social licence to operate? Local perceptions of oil and gas projects in Russia's Komi Republic and Sakhalin Island. *The Extractive Industries and Society*. 2016;3(1):73-81.
9. Smits C.C., Van Leeuwen J., Van Tatenhove J.P. Oil and gas development in Greenland: A social license to operate, trust and legitimacy in environmental governance. *Resources Policy*. 2017;53:109-116. <https://doi.org/10.1016/j.resourpol.2017.06.004>
10. Быстров А.В., Талатин Е.А. ESG-трансформация нефтегазового комплекса России: инструменты стратегического управления и реконфигурация энергопроизводственных циклов. *Экономика высокотехнологичных производств*. 2025;6(3):281-298. <https://doi.org/10.18334/evp.6.3.123858>
Bystrov A.V., Talatin E.A. ESG transformation of the Russian oil and gas complex: strategic management tools and reconfiguration of energy production cycles. *High-tech Enterprises Economy*. 2025;6(3):281-298. (In Russ.) <https://doi.org/10.18334/evp.6.3.123858>
11. Соловьев И.В. Развитие технологий подводной добычи и транспортировки нефтегазовых запасов. *Инженерные кадры – будущее инновационной экономики России*. 2023;1:129-131.
Solovev I.V. Development of technologies for subsea production and transportation of oil and gas reserves. *Engineering Personnel: The Future of Russia's Innovation Economy*. 2023;1:129-131. (In Russ.)
12. Чипизубова Т.К., Абрамова Е.К. Поиск альтернативного решения по использованию попутного нефтяного газа на месторождениях Западной Сибири. *Нефтяная столица : сборник материалов Седьмого Международного молодежного научно-практического форума*. Ханты-Мансийск : Автономная некоммерческая организация содействия развитию инновационной деятельности «Центр научно-технических решений», 2024.343-346.
Chipizubova T.K., Abramova E.K. Search for an alternative solution for the use of associated petroleum gas in the fields of western Siberia. *Oil Capital: Proceedings of the Seventh International Youth Scientific and Practical Forum*. Khanty-Mansiysk : Center for Scientific and Technical Solutions, 2024.343-346. (In Russ.)
13. Петенко А.В. Развитие нефтедобывающего сектора на территории Арктической зоны России: проблемы и перспективы. *Прогрессивная экономика*. 2023;2:70-84.
Petenko A.V. Development of the oil production sector in the Russian Arctic zone: problems and prospects. *Progressive Economy*. 2023;2:70-84. (In Russ.)

14. Петуныкин С.П., Никулина И.Е. Управление экологической устойчивостью организаций в условиях зеленой экономики. *Прогрессивная экономика*. 2024;11:116-128. https://doi.org/10.54861/27131211_2024_11_116
Petun'kin S.P., Nikulina I.E. Managing environmental sustainability of organizations in the context of a green economy. *Progressive Economy*. 2024;11:116-128. (In Russ.) https://doi.org/10.54861/27131211_2024_11_116
15. Нежникова Е.В. Влияние устойчивого развития на эффективность деятельности компаний нефтегазового комплекса России. *Экономика и предпринимательство*. 2023;10(159):169-174. <https://doi.org/10.34925/EIP.2023.159.10.029>
Nezhnikova E.V. The impact of sustainable development on the efficiency of Russian oil. *Journal of Economy and Entrepreneurship*. 2023;10(159):169-174. (In Russ.) <https://doi.org/10.34925/EIP.2023.159.10.029>
16. Porter M.E., Kramer M.R. Creating shared value. *Harvard Business Review*. 2011;89(1-2):62-77.

Импортозамещение в сфере услуг как фактор обеспечения экономической безопасности региона

Коломенская Юлия Валерьевна

Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия

SPIN-код: 8445-9160

kolomenskaya48@mail.ru

Бардаков Артем Анатольевич ✉

Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия

SPIN-код: 4815-4657

temati90@mail.ru

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Коломенская Ю.В., Бардаков А.А.
Импортозамещение в сфере услуг как фактор обеспечения экономической безопасности региона. *Исследование проблем экономики и финансов*. 2026;3:299. <https://doi.org/10.31279/REFP-2026-3-299> EDN WVQHLD

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ:

авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

ПОСТУПИЛА: 01.04.2026

ДОРАБОТАНА: 27.08.2026

ПРИНЯТА: 28.08.2026

ОПУБЛИКОВАНА ОНЛАЙН: 30.09.2026

COPYRIGHT: © 2026 Коломенская Ю.В.,
Бардаков А.А.

АННОТАЦИЯ

В современных условиях импортозамещение выступает ключевым фактором обеспечения экономической безопасности, оказывая влияние на все сферы регионального развития. Существующие методики мониторинга и оценки экономической безопасности преимущественно сфокусированы на сфере материального производства, в то время как сектор услуг, формирующий более половины валового внутреннего продукта, остается недостаточно изученным в контексте замещения импорта. В связи с этим необходима разработка инструментария для анализа зависимости от импорта в сфере услуг на уровне субъектов и федеральных округов России. Цель исследования – разработать и апробировать систему показателей для внедрения в региональную систему мониторинга экономической безопасности для оценки импортозависимости, динамики и структурных сдвигов в торговле услугами с зарубежными странами. Использованы положения Стратегии экономической безопасности Российской Федерации до 2030 года, проанализированы научные подходы к оценке экономической безопасности регионов. Эмпирическая база сформирована на основе официальных данных Банка России по внешней торговле услугами и данных Федеральной службы государственной статистики за период 2022–2024 гг. Использован метод сравнительного анализа статистических данных. В качестве примера приведены расчеты на основе статистических данных по Центральному федеральному округу. Предложена система показателей для оценки импортозависимости региона в сфере услуг, включающая долю импортных услуг в валовом региональном продукте, коэффициенты покрытия импорта услуг экспортом и сбалансированности торговли, а также показатели структуры по ключевым видам услуг. Импортозамещение в сфере услуг является самостоятельным направлением обеспечения экономической безопасности региона. Предложенный инструментарий необходим для оценки уязвимости региональной экономики в сфере услуг и эффективности мер импортозамещения. Поэтому данную систему показателей необходимо интегрировать в систему мониторинга экономической безопасности субъектов Российской Федерации.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: сфера услуг, внешняя торговля, региональная экономика, импортозамещение, импортозависимость, сервисная экономика

Import substitution in the service sector as a factor for ensuring regional economic security

Yulia V. Kolomenskaya

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russia

kolomenskaya48@mail.ru

Artem A. Bardakov ✉

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russia

temati90@mail.ru

TO CITE:

Kolomenskaya Yu.V., Bardakov A.A. Import substitution in the service sector as a factor for ensuring regional economic security. *Research in Economic and Financial Problems*. 2026;3:299. (In Russ.) <https://doi.org/10.31279/REFP-2026-3-299>

DECLARATION OF COMPETING

INTEREST: none declared.

RECEIVED: 01.04.2026

REVISED: 27.08.2026

ACCEPTED: 28.08.2026

PUBLISHED ONLINE: 30.09.2026

COPYRIGHT: © 2026 Kolomenskaya Yu.V.,
Bardakov A.A.

ABSTRACT

In the current context, import substitution acts as a key factor in ensuring economic security, influencing all areas of regional development. Existing monitoring and assessment methodologies for economic security are predominantly focused on the sphere of material production, while the services sector, which accounts for more than half of the gross domestic product, remains insufficiently examined with regard to import replacement. Hence, there is a need to develop analytical tools for assessing import dependence in the services sector at the level of the constituent entities and federal districts of Russia. The aim of this study is to develop and test a system of indicators that can be incorporated into the regional economic security monitoring framework to evaluate import dependence, dynamics, and structural changes in foreign trade in services. The research draws on the provisions of the Economic Security Strategy of the Russian Federation up to 2030 and reviews scholarly approaches to the assessment of regional economic security. The empirical basis comprises official data from the Bank of Russia on foreign trade in services and statistics from the Federal State Statistics Service for the period 2022–2024. The study employs a comparative analysis of statistical data, with calculations illustrated using the Central Federal District as a case example. We propose a system of indicators for assessing regional import dependence in the services sector, which includes the share of imported services in gross regional product, coefficients of import coverage by exports and trade balance, as well as structural indicators by key types of services. Import substitution in the services sector is identified as an independent direction for ensuring the economic security of a region. The proposed toolkit is essential for assessing the vulnerability of the regional economy in the services sector and the effectiveness of import substitution measures. Therefore, this system of indicators should be integrated into the monitoring framework for the economic security of the constituent entities of the Russian Federation.

KEYWORDS: services, foreign trade, regional economy, import substitution, import dependence, service economy

ВВЕДЕНИЕ

Современная экономико-политическая обстановка создает ряд вызовов и угроз, которые влияют или могут повлиять на экономическое развитие и безопасность. Вне всякого сомнения, необходимо рассматривать импортозамещение как фактор, оказывающий влияние на экономическую безопасность. Можно выделить следующие сферы экономической безопасности территории: технологическая, производственная, финансово-инвестиционная, социальная, продовольственная и т. д. Импортозамещение предстает сквозным фактором, влияющим на все указанные сферы. Данный фактор обуславливает действие определенных вызовов и угроз экономической безопасности, которым региону необходимо противостоять для формирования внутренней устойчивости. По своей природе импортозамещение является фактором, сочетающим в себе признаки эндогенного и экзогенного процесса. С одной стороны, государству необходимо прибегнуть к сокращению зависимости от других государств, что неразрывно связано с действием международных и глобальных вызовов и угроз. С другой стороны – импортозамещение является причиной изменений во всей экономической политике, затрагивая регионы и отрасли.

Важность и необходимость оценки состояния экономической безопасности государства в целом и выводов по ее результатам сложно переоценить – однако для такой большой страны обобщенная статистика не репрезентативна. Результаты по проведенным макроисследованиям в большей мере необходимы для изучения положения государства на мировой арене, то есть для сравнения с другими странами. Необходимо оценивать частные случаи, так как значения тех или иных показателей в разных уголках страны могут быть очень разрозненными, иметь существенные отличия. Для целей внутреннего управления необходимо изучать состояние территорий в составе государства – их специфика, заключающаяся в ресурсных возможностях, кадровой обеспеченности, объемах финансирования и финансовых ресурсов, климатических условиях и т. д., обуславливает естественную дифференциацию, в том числе по уровню экономической безопасности. Под регионом будут пониматься образования различных масштабов – это может быть как административный субъект Российской Федерации, так и группа субъектов – федеральный округ. Санкционные меры направлены на создание неблагоприятных условий для функционирования экономики в целом, и их действие распространяется в том числе на элементы государства, что можно обозначить как эффект нисходящего распространения. Современные исследователи прихо-

дят к выводу о том, что эффективная политика импортозамещения в субъектах значительно влияет на уровень валового регионального продукта на душу населения – данный показатель на 3–17 % выше в регионах, участвующих в реализации импортозамещающей политики [1].

Для иллюстрации изменения влияния импортозамещения на систему экономических отношений приведем условный пример: снижение зависимости от импортной продукции, что выражается в том числе и через снижение технологической зависимости от иностранных поставщиков, обуславливает поиск «импортоаналогичных товаров» [2], а также услуг. Данный поиск стимулирует ряд преобразований в экономической сфере. Во-первых, особо актуальной представляется необходимость создания и укрепления производственных цепочек, в которые вовлечены отечественные субъекты экономической деятельности. Во-вторых, важнейшей задачей является создание дополнительных рабочих мест на вновь открывшихся или расширяющих производство ввиду возросшего внутреннего спроса на отечественную продукцию и необходимости замещения импортных поставок предприятиях. В-третьих, приоритетное значение приобретают инвестиционная и инновационная деятельность, а также формирование новых межрегиональных и межотраслевых кооперационных связей. Кроме того, геополитические изменения оставляют неизгладимый след как на внешних экономических связях, так и внутренней политике государства.

Множество современных методик сконцентрировано на изучении внутренних факторов, влияющих на экономическую безопасность региона, а внешним факторам уделяется недостаточное внимание [3]. Поэтому нами будет предпринята попытка оценки взаимосвязи одного из таких факторов – потребления импорта, а также его замещения и экономической безопасности регионального образования. В качестве одной из наиболее существенных угроз национальной экономики считается зависимость российской экономики от импорта технологий, а высокая импортоспособность производства некоторых отраслей признается источником специфических рисков [4]. Признавая данный факт, необходимо указать на то, что в большинстве случаев фокус исследований по экономической безопасности сконцентрирован на материальной сфере, в то время как сфера услуг остается малоизученной, несмотря на то, что доля сектора услуг в ВВП ежегодно увеличивается и превышает половину всего объема ВВП. Так, в 2021 году данный показатель составил 54,21, в 2022 году – 55,13, в 2023 году – 56,74, в 2024 году – 57,53 %¹.

¹ Данные Всемирного банка «Добавленная стоимость сферы услуг в процентах от ВВП в России». URL: https://ru.theglobaleconomy.com/Russia/Share_of_services/

Таким образом, актуальность исследования обусловлена тем, что курс на импортозамещение в настоящее время определяет экономическую политику в России. Однако как явление оно изучено фрагментарно и требует углубленного анализа, в частности в секторе услуг в региональном измерении.

Оценка экономической безопасности региона долгое время является сферой научного интереса большого круга ученых и научных школ. Существующие методики направлены на определение устойчивости социально-экономического развития территории, степени его защищенности от внешних и внутренних угроз, а также формирование информационной базы для принятия управленческих решений. При этом существующие подходы значительно различаются по набору используемых показателей, глубине анализа, что обуславливает необходимость их осмысления в контексте настоящего исследования.

Для оценки импортозависимости региона в сфере услуг предложена система показателей, включающая долю импортных услуг в валовом региональном продукте, структурные характеристики импорта по наиболее существенным видам услуг, коэффициенты покрытия импорта экспортом услуг и сбалансированности внешней торговли услугами. Отдельное внимание уделено обоснованию необходимости оптимизации себестоимости продукции путем изменения структуры формирующих добавленную стоимость услуг. Для апробации предложенных показателей произведены расчеты для Центрального федерального округа и входящих в него субъектов.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

В качестве теоретической базы исследования использовались научные источники, посвященные подходам к формированию инструментария оценки экономической безопасности, основам обеспечения экономической безопасности в современных геополитических условиях.

Исследование проведено с учетом положений Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года, а также иных нормативно-правовых актов, регулирующих экономическую политику и направления социально-экономического развития.

В качестве примера апробации предложенной системы показателей представлены расчеты на основе данных по Центральному федеральному округу, а также входящих в него субъектов с использованием предложенной системы частных показателей, которые характеризуют импортозависимость в сфере услуг. К таковым показателям необходимо отнести следующие: удельный вес конкретного вида услуг в общем объеме импортных

услуг, коэффициент покрытия импортных услуг экспортными, коэффициент сбалансированности внешней торговли услугами, доля импортных услуг в ВРП, темпы роста, индекс Херфиндаля – Хиршмана. Данные показатели в дальнейшем будут использованы для модели мониторинга экономической безопасности региона в условиях импортозамещения.

Методология исследования базируется на комбинировании методов структурного, динамического, сравнительного анализа.

Центральный федеральный округ выбран для анализа исходя из того, что в ЦФО зафиксировано наиболее устойчивое превышение темпов роста импорта над экспортом, минимальные значения покрытия среди всех округов, а также максимальная концентрация финансовых потоков, что делает его критически важным для оценки экономической безопасности.

В качестве эмпирической базы были использованы данные Федеральной службы государственной статистики, Центрального банка, Минэкономразвития, Росстата за 2022–2024 годы. В рамках исследования использовались данные по внешней торговле услугами в разрезе федеральных округов и субъектов Российской Федерации, а также значения валового регионального продукта.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

Формирование методического инструментария оценки экономической безопасности в контексте замещения импорта требует предварительного изучения положений Стратегии экономической безопасности, особенно в части перечисленных в ней показателей состояния экономической безопасности. Примечательно, что Стратегией не предусмотрены показатели, характеризующие степень, эффективность и другие подобные параметры замещения иностранных продуктов. Тем не менее с помощью макроэкономических показателей представляется возможным разработка групп показателей, которые помогут актуализировать систему мониторинга экономической безопасности региона. Считаем целесообразным экстраполировать показатели, приведенные в Стратегии, на мезоуровень, дополнительно введя уточняющие показатели.

Неотъемлемыми сопутствующими процессами замещения импорта являются развитие промышленного, технологического и инновационного потенциалов, трансформация внешнеэкономических связей и структуры внутренней экономики. К показателям состояния экономической безопасности, которые приведены законодателем в Стратегии и которые имеют отношение к перечисленным процессам, можно отнести следующие (рисунок 1):

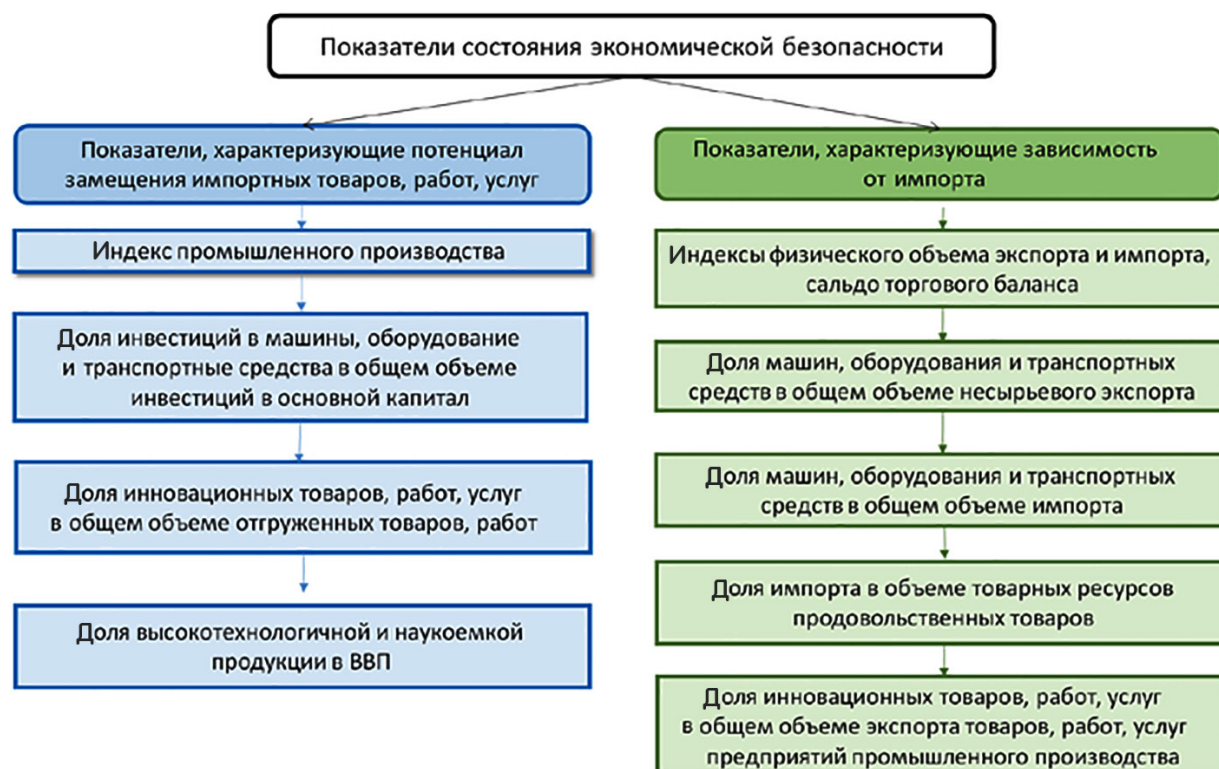

Рисунок 1

Выборка показателей из Стратегии экономической безопасности, относящихся к импортозамещению

Источник: составлено авторами на основе Указа Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года».

Figure 1

A selection of indicators from the Economic Security Strategy related to import substitution

Source: compiled by the authors based on Presidential Decree No. 208 dated May 13, 2017 «On the Economic Security Strategy of the Russian Federation for the Period up to 2030».

Необходимо рассмотреть также и некоторые методики оценки состояния экономической безопасности на мезоуровне, предложенные отечественными авторами (таблица 1), и оценить их с точки зрения применимости для исследования экономической безопасности региона при импортозамещении.

Прослеживается тенденция, заключающаяся в том, что определение эффективности импортозамещения и его влияния на экономическую безопасность рассматривается преимущественно в контексте материальных благ, то есть товаров.

Существенной категорией в проблематике импортозамещения является рынок нематериальных благ – услуг. Сектор услуг является немаловажным фактором формирования валового внутреннего продукта, о чем было сказано ранее. По данным Банка России, ежегодно по стране наблюдается увеличение поступления импортных услуг, а их экспорт либо снижается, либо незначительно увеличивается (рисунок 2). Сальдо

внешней торговли услугами при этом не только имеет отрицательные значения, но и демонстрирует отрицательную динамику.

Одним из индикаторов экономической безопасности региона считается качество экономического роста [8], которое обеспечивает переход от количественного увеличения валового продукта к устойчивому инновационному развитию. В свою очередь, экономическое развитие региона влечет за собой рост доли сервисной экономики [9], поэтому проработка вопроса импортопотребления в сфере услуг не может быть оставлена без внимания.

Подчеркнем, что инструментарий, позволяющий анализировать зависимость от зарубежных услуг, а также возможности для замены их российскими аналогами, должен гармонично встраиваться в систему мониторинга экономической безопасности на региональном уровне.

Методика мониторинга состояния экономической безопасности на мезоуровне для изучения влияния импортозамещения должна предполагать не только оценку сферы материального производства, но и сферы услуг, нередко они идут бок о бок, и учитывать одно необходимо при изучении другого. Например, если предприятие производит продукт из отечественного сырья, на отечественном оборудовании, но проектирование и моделирование осуществляет через иностранные САПР-системы, то формальному снижению импорта производимой продукции будет сопутствовать и сохранение зависимости в технологическом аспекте. Кроме того, услуги для производственной сферы являются обеспечивающим фактором, который так же, как и другие факторы, формирует добавленную стоимость продукции.

Таблица 1
Аспекты учета импортозамещения в подходах к оценке экономической безопасности

Table 1
Aspects of accounting for import substitution in approaches to assessing economic security

Авторы	Наименование подхода	Показатели, прямо или косвенно относящиеся к импортозамещению	Краткая характеристика
Е. В. Каранина и др. [5]	Экспресс-методика определения уровня экономической безопасности региона	1. Объем импорта на душу населения. 2. Индекс промышленного производства	Балльная система оценки уровня экономической безопасности региона, основанная на сравнении индикаторов со средними значениями. Пороговые значения в данной методике привязаны к среднему значению индикаторов по всем анализируемым субъектам
А. А. Круть, А. В. Родионов [6]	Методика оценки внешнеторговой безопасности	1. Импортная квота региона. 2. Темп прироста импортных поставок в регион. 3. Отношение импорта к ВРП	Составление матрицы идентификации угроз экономической безопасности регионов на основе результатов оценки показателей реализации государственной политики импортозамещения в регионах
С. Н. Митяков и др.[7]	Компаративный анализ экономической безопасности регионов	1. Доля импортных товаров в промышленном потенциале региона. 2. Доля импортных товаров в продовольственном потенциале региона. 3. Коэффициент покрытия импорта экспортом. 4. Объем промышленного производства на душу населения	Ранжирование регионов по значениям индексов проекций экономической безопасности с помощью методов обобщенных индикаторов многокритериального анализа

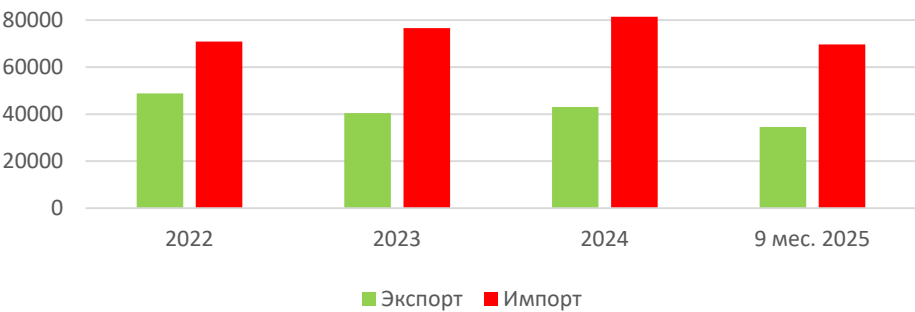

Рисунок 2
Стоимостное выражение экспорта и импорта услуг в России, млн долл. США
Источник: составлено авторами на основе данных Банка России ².

Figure 2
Value of exports and imports of services in Russia, USD million
Source: compiled by the authors based on data from the Bank of Russia ².

² Банк России. Статистика внешнего сектора / Банк России : офиц. сайт. URL: https://cbr.ru/statistics/macro_itm/external_sector/ets/ (дата обращения: 26.02.2026)

Изучению импортозамещения в сфере услуг в Российской Федерации посвящено исследование К. Б. Костина [10], в котором автор оценивает структуру импорта и экспорта услуг, их соотношение, приводит также объяснения причин динамики. По мнению К. Б. Костина, импортозамещение в сфере некоторых видов услуг, например IT, способно привести к превращению экспорта над импортом и к росту конкурентоспособности услуг благодаря мерам государственной поддержки. Однако данное исследование ориентировано на макроэкономический уровень и не рассматривает региональную специфику развития.

Т. И. Зворыкина [11] доказывает, что сфера услуг оказывает прямое влияние на устойчивое развитие региона. По мнению автора, импортозамещение в сфере услуг в значительной степени зависит от технического регулирования, которое является неотъемлемым элементом для достижения и обеспечения устойчивого развития территории. Именно организационные, экономические и др. инструменты, по мнению Т. И. Зворыкиной, являются основой для преодоления импортозависимости в сфере услуг.

Импортозамещение в любой сфере, в том числе в сфере услуг, неразрывно связано с импортозависимостью, которая представляет собой состояние объекта (организации, региона, отрасли, государства), выражающееся в необходимости приобретения импортной промежуточной и конечной продукции, а также услуг ввиду ограниченности у него ресурсных и технологических возможностей самостоятельно обеспечивать собственные потребности за счет внутренних ресурсов [12]. Вопрос импортозависимости особо остро встает при ограничении доступа к импортным ресурсам – при нехватке тех

или иных благ, которые ранее поступали из-за границы, обеспечить себя самостоятельно не представляется возможным в короткий период времени. Возможными последствиями такого ограничения могут являться спад производства и рост его издержек, а также падение инвестиционной активности [13].

Для оценки состояния импортозависимости и импортозамещения в сфере услуг на уровне регионального образования предлагается рассчитывать следующие показатели:

- удельный вес конкретного вида услуг в общем объеме импортных услуг для определения тех услуг, от которых регион зависит в большей степени;
- коэффициент покрытия импортных услуг экспортными;
- коэффициент сбалансированности внешней торговли услугами;
- доля импортных услуг в ВРП, темпы роста;
- индекс Херфиндаля – Хиршмана.

Для проведения эмпирического анализа нами выбран Центральный федеральный округ, на что есть ряд причин. Во-первых, ЦФО характеризуется достаточно высокой зависимостью от импорта услуг, о чем свидетельствует стабильное превышение темпов роста импорта над темпами роста экспорта услуг. Во-вторых, соотношение экспорта и импорта, иными словами, коэффициент покрытия импорта экспортом демонстрирует отрицательную динамику (таблица 2). В-третьих, именно ЦФО характеризуется высокой концентрацией финансовых ресурсов и экономической активностью. Учитывая эти факты, ЦФО является репрезентативным объектом для анализа в рамках настоящего исследования.

Таблица 2
Относительные показатели, характеризующие импорт и экспорт услуг по федеральным округам за 2022–2024 гг.

Table 2
Relative indicators characterizing the import and export of services by federal districts for 2022–2024

Округ	Темп роста импорта услуг		Темп роста экспорта услуг		Соотношение экспорта и импорта услуг			Удельный вес импортируемых в округ услуг в общем объеме по РФ		
	2023/2022	2024/2023	2023/2022	2024/2023	2022	2023	2024	2022	2023	2024
ЦФО	108,09	106,33	82,78	105,89	0,76	0,65	0,58	46 %	43 %	46 %
СЗФО	100,30	113,74	85,65	101,68	0,71	0,41	0,40	14 %	14 %	14 %
ЮФО	113,81	107,00	65,69	103,16	1,60	1,06	0,89	4 %	5 %	5 %
СКФО	136,95	107,63	90,47	90,38	0,41	0,27	0,25	1 %	1 %	2 %
ПФО	165,15	132,88	107,77	120,82	0,98	0,57	0,46	7 %	9 %	10 %
УФО	135,91	118,27	79,31	95,43	0,34	0,41	0,35	6 %	5 %	5 %
СФО	89,00	108,22	105,84	91,48	0,81	0,45	1,05	4 %	4 %	5 %
ДФО	109,18	121,77	60,82	283,41	0,49	0,48	0,52	6 %	5 %	5 %

Источник: рассчитано и составлено авторами на основе данных Банка России.
Source: calculated and compiled by the authors based on data from the Bank of Russia.

Для детального анализа необходимы расчеты по субъектам, входящим в выбранный федеральный округ. Банком России представлены данные по внешней торговле в разрезе следующих видов услуг: транспортные услуги, поездки, телекоммуникационные, компьютерные и информационные услуги, финансовые услуги и плата за пользование интеллектуальной собственностью.

В рамках настоящего исследования при анализе использованы статистические данные по разделам: транспортные услуги, поездки и телекоммуникационные, компьютерные, информационные услуги ввиду их преобладающего веса в объеме импорта услуг.

Доля импортных транспортных услуг в общем объеме импортных услуг за 2022–2024 годы в ЦФО существенно не изменилась и колебалась в пределах 19–21 %. Однако в разрезе отдельных субъектов округа наблюдались следующие тенденции: в период 2022–2024 годов практически во всех субъектах доля транспортных услуг в общем объеме услуг снижалась, например, во Владимирской области данный показатель составил 14,48; 12,95 и 7,17 % соответственно, в Белгородской области – 26,63; 21,28 и 19,43 %. В отдельных субъектах, например в г. Москве (19,78; 23,87; 20,83 %), Смоленской области (42,93; 35,62; 38,41 %), наблюдалось как снижение, так и увеличение доли транспортных услуг (рисунок 3). Вероятно, рост данных услуг в общем объеме может быть объяснен высокой степенью диверсификации экономики Москвы, а также приграничным положением Смоленской области, что благоприятно влияет на экспортные возможности. Данный вид услуг оказывается нерезидентами и связывается с транспортным обслуживанием грузового и пассажирского потока.

Доля импортных услуг, связанных с поездками, демонстрирует устойчивую положительную динамику в большинстве субъектов, что может быть объяснено восстановлением туристической мобильности после снятия пандемийных ограничений. Именно данный раздел услуг имеет наибольший удельный вес в общем объеме импортных услуг в ЦФО. Наиболее низкие значения данного показателя зафиксированы в г. Москве, Смоленской и Калужской областях (рисунок 3).

Особого внимания требует рассмотрение группы услуг, включающей телекоммуникационные, компьютерные и информационные услуги, так как они в большей степени связаны с высокотехнологичной сферой, которой присуща зависимость от нерезидентов. К телекомму-

никационным услугам относятся услуги провайдеров, предоставляющих доступ в Интернет, к компьютерным – услуги, связанные с созданием и внедрением программного обеспечения, баз данных, а к информационным – услуги, связанные с предоставлением контента³. Изменения доли указанных импортных услуг в субъектах ЦФО характеризуются как положительной, так и отрицательной динамикой, и в среднем варьируются от 1 % (Курская область) до 12 % (г. Москва). Тем не менее преимущественно для анализируемых субъектов характерна тенденция к снижению данного показателя: в Воронежской области доля данного вида услуг снизилась с 5,1 до 1,6 %, а в Московской области – с 7,8 до 2,3 % (рисунок 3).

С уходом иностранных компаний с российского рынка IT-услуг отечественным компаниям-интеграторам удалось в несколько раз увеличить количество пользователей российского программного обеспечения, например в сфере спутниковой навигации. В 2024 году предоставляемыми интеграторами системами мониторинга было охвачено свыше 650 тысяч транспортных средств, при этом парк подключенных к подобным сервисам грузовых автомобилей оценивается в сумме более чем в 4 миллиона единиц. Инновационные компьютерные решения позволили снизить рассматриваемый показатель за 2022–2024 годы в субъектах ЦФО.

Трудно не согласиться с тем, что цифровая сфера занимает особое место в системе импортозамещающей экономической политики, тем самым обуславливая выделение в качестве отдельной бизнес-модели замещение иностранных цифровых услуг [14]. Действительно, информационные и телекоммуникационные технологии формируют технологическую основу для функционирования экономических субъектов, без них в условиях компьютеризации и цифровизации развитие не представляется возможным.

Для оценки структурной концентрации импортных услуг предлагается адаптировать индекс Херфиндала – Хиршмана, применяемый для оценки рыночной концентрации, к внешнеторговой деятельности. В отличие от классического понимания в настоящем исследовании в качестве элементов структуры рассматриваются виды импортируемых услуг.

$$HHI = S_1^2 + S_2^2 + \dots + S_n^2,$$

где $S_1, S_2, \dots, S_n$ – удельный вес каждого вида услуг в общем объеме импортируемых услуг, в %;
 n – количество импортируемых видов услуг.

³ Методика формирования статистики внешней торговли Российской Федерации услугами (утв. Банком России). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_322088/ (дата обращения: 26.02.2026). Текст: электронный.

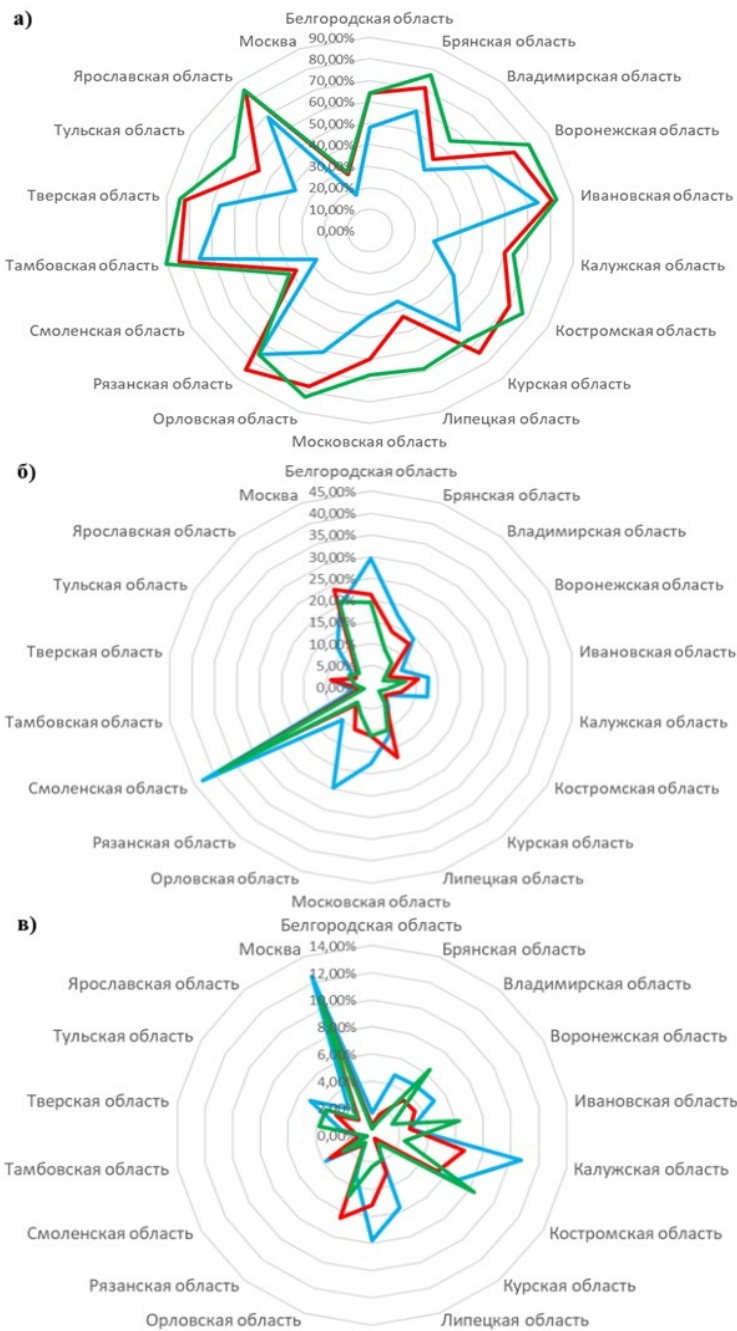

Рисунок 3

Долевое распределение услуг связи и транспорта в общем объеме импорта услуг по субъектам ЦФО

- а) Доля услуг, связанных с поездками, в общем объеме импорта услуг по субъектам, входящим в ЦФО, за 2022–2024 гг., %;
- б) Доля транспортных услуг в общем объеме импорта услуг по субъектам, входящим в ЦФО, за 2022–2024 гг., %;
- в) Доля телекоммуникационных, компьютерных, информационных услуг в общем объеме импорта услуг по субъектам, входящим в ЦФО, за 2022–2024 гг., %

Источник: составлено авторами на основе данных Банка России.

Figure 3

Share distribution of communication and transport services in the total volume of service imports by constituent entities of the Central Federal District

- a) Share of travel-related services in the total volume of services imported by the Central Federal District in 2022–2024, %;
- b) Share of transport services in the total volume of services imported by the Central Federal District in 2022–2024, %;
- c) Share of telecommunications, computer, and information services in the total volume of services imported by the Central Federal District in 2022–2024, %

Source: compiled by the authors based on data from the Bank of Russia.

Увеличение данного показателя демонстрирует усиление зависимости региона от определенного количества зарубежных услуг, а снижение – диверсификацию структуры импортируемых услуг. Расчет индекса Херфиндаля – Хиршмана по субъектам ЦФО показал, что в большинстве регионов для импорта услуг характерна высокая степень концентрации. Значения в большей части субъектов превышают 2500, что по шкале данного показателя свидетельствует о сосредоточении импорта в ограниченном числе видов услуг (таблица 3).

Таблица 3
Интерпретация значений индекса Херфиндаля – Хиршмана

Table 3
Interpretation of the Herfindahl – Hirschman Index values

Значение индекса	Интерпретация
Менее 1500	Низкая степень концентрации
1500 – 2500	Умеренная степень концентрации
Более 2500	Высокая степень концентрации

Источник: составлено авторами.
Source: compiled by the authors.

По результатам расчетов в ряде регионов, например в Брянской, Смоленской, Тамбовской и Тверской областях, индекс достигает особенно высоких значений, при этом за исследуемый период он ежегодно увеличивается. В г. Москве ситуация диаметрально противоположная – значения индекса характеризуются как умеренные и ежегодно уменьшаются (таблица 4). С позиции экономической безопасности рост индекса следует трактовать как сигнал об увеличении риска концентрации импортозависимости в определенных сферах деятельности, а его уменьшение отражает диверсификацию структуры импорта.

Таблица 4
Интерпретация значений индекса Херфиндаля – Хиршмана

Table 4
Interpretation of the Herfindahl – Hirschman Index values

Регион	2022	2023	2024	Темп роста 2023/2022	Темп роста 2024/2023
Москва	2136	1940	1879	0,91	0,97
Брянская область	4533	5266	6117	1,16	1,16
Смоленская область	1901	2938	3287	1,55	1,12
Тамбовская область	6832	7265	8178	1,06	1,13
Тверская область	5564	6818	7125	1,23	1,05

Источник: составлено авторами.
Source: compiled by the authors.

Коэффициент покрытия импорта услуг экспортом представляет собой экономический показатель, отражающий способность региона самостоятельно обеспечивать свои потребности в услугах:

$$K_{\text{пизу}} = \frac{\text{Стоимость экспорта услуг}}{\text{Стоимость импорта услуг}}.$$

Данный показатель демонстрирует, во сколько раз значение экспорта превосходит импорт, то есть разрыв между экспортом и импортом, и интерпретировать результаты необходимо следующим образом (таблица 5):

Таблица 5
Интерпретация значений коэффициента покрытия импорта услуг экспортом

Table 5
Interpretation of the coefficient of coverage of service imports by exports

Значение коэффициента	Пояснение
$K_{\text{пизу}} > 1$	Экспорт услуг покрывает импорт
$K_{\text{пизу}} < 1$	Импорт услуг превышает экспорт
$K_{\text{пизу}}$ близок к 1	Минимальный разрыв между импортом и экспортом услуг

Источник: составлено авторами.
Source: compiled by the authors.

На уровне ЦФО за рассматриваемый период в большинстве субъектов значение показателя не превышает 0,5, что говорит о низком уровне покрытия. Это означает, что на уровне субъектов импортозависимость сферы услуг остается на достаточно высоком уровне. Исключениями являются г. Москва и Смоленская область, в которых за рассматриваемый период экспорт услуг превалировал над импортом (рисунок 4). В первом случае это может быть объяснено высокой концентрацией крупных компаний, которые зарегистрированы именно в г. Москве. Во втором случае оказывает влияние приграничное географическое положение Смоленской области, которое благоприятно сказывается на экспортных возможностях региона.

Еще одним из предложенных показателей является коэффициент сбалансированности внешней торговли услугами, предназначенный для определения дисбаланса между импортом и экспортом услуг:

$$K_{\text{свту}} = \frac{\text{Экспорт услуг} - \text{импорт услуг}}{\text{Экспорт услуг} + \text{импорт услуг}}.$$

С помощью данного показателя не оцениваются масштабы зависимости от импорта: он демонстрирует, какую роль играет регион во внешней торговле – импортера или экспортера, а также насколько сильно внешняя торговля отклоняется от равновесного состояния.

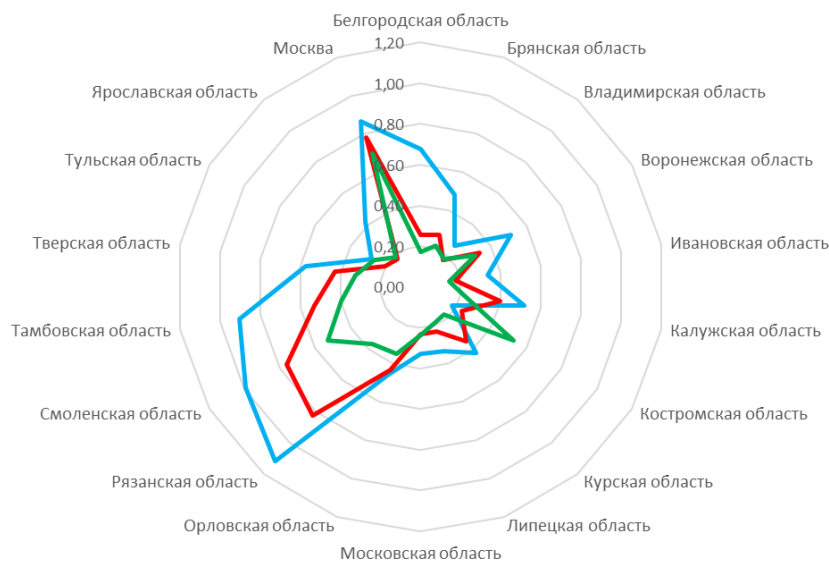

Рисунок 4

Коэффициент покрытия импорта услуг экспортом услуг в субъектах ЦФО за 2022–2024 гг.

Источник: составлено авторами на основе данных Банка России.

Figure 4

Covers of service imports by service exports in the subjects of the Central Federal District for 2022–2024

Source: compiled by the authors based on data from the Bank of Russia.

Нормированная шкала данного показателя находится в пределах от -1 до $+1$. Отрицательные значения коэффициента свидетельствуют о преобладании импорта услуг, а, следовательно, о повышенной импортозависимости, в то время как положительные значения указывают на экспортную ориентированность и более высокую устойчивость сферы услуг с позиции экономической безопасности. Модуль полученного числового значения демонстрирует степень дисбаланса экспорта и импорта услуг.

Необходимо указать на то, что коэффициенты покрытия импорта экспортом услуг и сбалансированности внешней торговли услугами демонстрируют полную согласованность при расчете, и поэтому увеличение одного показателя закономерно сопровождается увеличением другого:

$$K_{\text{свт}} = \frac{K_{\text{пизу}} - 1}{K_{\text{пизу}} + 1}.$$

Системное снижение коэффициента покрытия импорта экспортом услуг сопровождается снижением коэффициента сбалансированности, в том числе на уровне макрорегиона, что является сигналом об усилении зависимости от импорта.

Одним из ключевых показателей при оценке является доля импорта услуг в ВРП, который характеризует значимость импортных услуг для экономики региона.

Данный показатель, в отличие от абсолютных значений, необходим для сравнения хозяйственных систем с разными масштабами экономики и сопоставления объемов внешней торговли услугами с общим объемом создаваемой в регионе добавленной стоимости. Наиболее существенная доля ввозимых иностранных услуг характерна для субъектов, представленных на рисунке 5.

В качестве выводов по группе показателей, используемых для оценки зависимости от импорта услуг, для ЦФО и входящих в него субъектов сформулируем следующие положения:

- в целом по округу наблюдается увеличение объема импортных услуг при отрицательной динамике экспорта услуг за 2022–2024 годы, а коэффициент покрытия импорта экспортом соответственно уменьшился, что свидетельствует о том, что импортируется услуг больше, чем экспортируется;
- в структурном разрезе преобладающими видами импортируемых в субъекты ЦФО услуг являются транспортные услуги (в среднем по округу 19,5 %), поездки (в среднем по округу 32,8 %), цифровые услуги (в среднем по округу 9,6 %);
- доля импортных услуг в суммарном ВРП субъектов ЦФО составила от 4 до 7 % за рассматриваемый период. В разрезе входящих в ЦФО субъектов во всех случаях наблюдается увеличение доли импортных услуг в ВРП каждого субъекта, за исключением Калужской области;

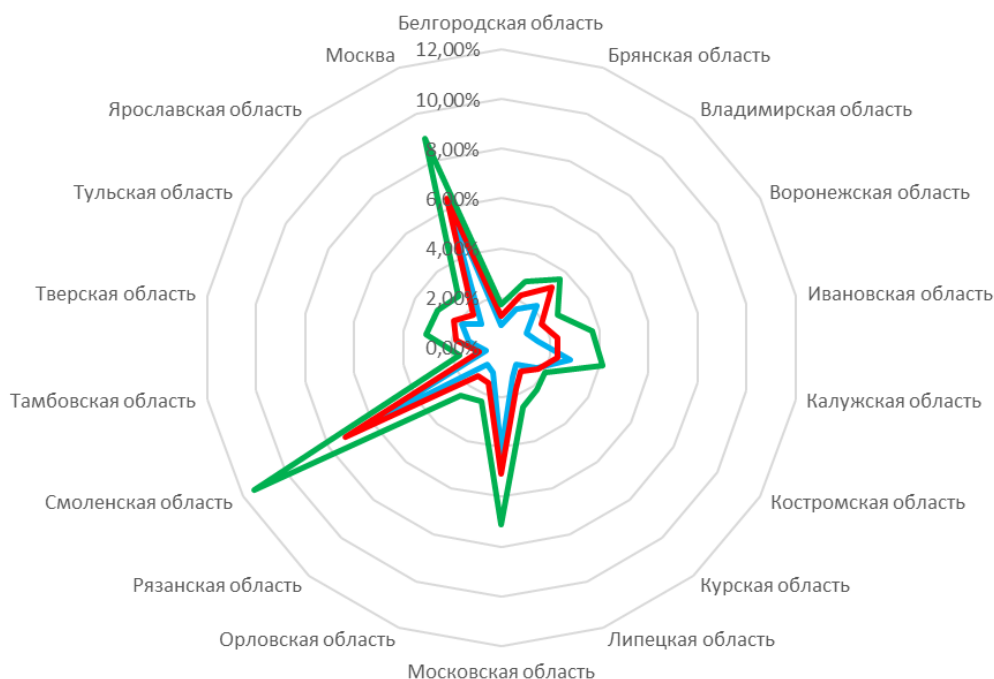

Рисунок 5

Доля импортных услуг в ВРП в субъектах ЦФО за 2022–2024 гг.

Источник: составлено авторами на основе данных Банка России.

Figure 5

Share of imported services in GRP in the subjects of the Central Federal District in 2022–2024

Source: compiled by the authors based on data from the Bank of Russia.

- в разрезе отдельных субъектов округа лидерами по удельному весу импортных услуг в ВРП стали Калужская, Смоленская, Московская области и г. Москва, при этом эти же субъекты лидировали и по удельному весу экспортных услуг в ВРП, что может свидетельствовать об активной экономической деятельности в указанных субъектах. В остальных субъектах удельный вес импорта и экспорта составляет менее 2 %.

Проведенные расчеты показателей импортозависимости в сфере услуг позволяют выявить виды услуг, оказывающие наибольшее влияние на экономическую безопасность региона, то есть те услуги, от которых наблюдается зависимость в рассматриваемом периоде. Ввиду того, что сфера услуг, в особенности обеспечивающих и сопутствующих производству услуги, выступает неотъемлемым элементом формирования добавленной стоимости конечной продукции и ее себестоимости. Сервисный компонент необходим не только для производственного процесса – транспортно-логистические, финансовые, инженерные услуги, но и для функционирования социально-экономической системы в целом и формирования инфраструктуры повседневной жизнедеятельности общества – транспортная мобильность, финансовое обслуживание, связь и т. д.

Потребление импортных услуг приводит к перераспределению добавленной стоимости в пользу зарубежных контрагентов, что влечет за собой утечку финансовых потоков за рубеж и увеличение валютных издержек. В условиях нестабильной внешнеэкономической обстановки такая зависимость усиливает уязвимость региональных хозяйственных систем к санкционным ограничениям, что в итоге приводит к снижению конкурентоспособности отечественных производителей в ценовом и технологическом аспектах. Иными словами, необходимо рассматривать импортозамещение в сфере услуг как неотъемлемый инструмент оптимизации структуры себестоимости продукции для сокращения валютных и транзакционных издержек, рисков разрыва производственных цепочек, а также для локализации формирования добавленной стоимости внутри государства.

Необходимость развития внутренних сервисных компонентов производственных цепочек подтверждается результатами исследований, показывающих, что устойчивость экономики определяется в том числе способностью формировать конкурентоспособные цепочки производства товаров и услуг промышленного характера [15]. Развитие внутреннего рынка услуг выступает

не вспомогательным направлением импортозамещающей промышленной политики, а самостоятельным фактором повышения экономической безопасности.

Таким образом, снижение потребления импортных услуг и их замещение отечественными услугами призвано оптимизировать структуру себестоимости продукции за счет сокращения валютных и транзакционных издержек, уменьшить зависимость от внешних поставщиков необходимых услуг, повысить устойчивость производственных и сбытовых цепочек внутри страны. Логичным следствием является развитие внутреннего рынка, что ведет к росту локальной добавленной стоимости в пределах региона.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данной статье рассмотрено импортозамещение в сфере услуг как самостоятельное направление обеспечения

экономической безопасности наряду с импортозамещением в сфере материального производства. Показано, что систему оценки экономической безопасности региона необходимо дополнить стоимостными и структурными характеристиками внешней торговли услугами, так как она имеет немаловажное значение в создании добавленной стоимости отечественных продуктов. Рассчитаны значения показателей, предложенных для определения зависимости сферы услуг от зарубежных нематериальных благ. Сформулированы выводы по результатам расчетов экономических показателей субъектов Центрального федерального округа, однако для полноты выводов полученные результаты необходимо аккумулировать в единый показатель. В рамках дальнейшей исследовательской деятельности планируется использовать предложенные показатели для разработки интегрального показателя экономической безопасности региона.

Вклад авторов

Ю. В. Коломенская: формальный анализ, визуализация, написание черновика рукописи.

А. А. Бардаков: административное руководство исследовательским проектом, научное руководство, написание рукописи – рецензирование и редактирование.

Contributions

Y. V. Kolomenskaya: formal analysis, visualization, writing – original draft.

A. A. Bardakov: project administration, supervision, writing – review & editing.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES

1. Mustafin A.N., Kotenkova S.N., Vozárová I.K., et al. Impact of Import Substitution Policy on Economic Growth. *Economies*. 2022;10:324. <https://doi.org/10.3390/economies10120324>
2. Макаров А.Н. Импортозамещение как инструмент индустриализации экономики региона: инновационный аспект (на примере Нижегородской области). *Инновации*. 2011;(5):90-93. EDN PDUBCX
Makarov A.N. Import substitution industrialization as a tool for the region's economy: innovation aspect (for example, the Nizhny Novgorod region). *Innovations*. 2011;(5):90-93. (In Russ.) EDN PDUBCX
3. Мугинов Р.Р., Кокшаров В.А. Рассмотрение существующих методик оценки уровня экономической безопасности региона. *Индустриальная экономика*. 2025;(5):57-60. <https://doi.org/10.47576/2949-1886.2025.5.5.007> EDN OELTGW
Muginov R.R., Koksharov V.A. Consideration of existing methods for assessing the level of economic security of the region. *Industrial Economy*. 2025;(5):57-60. (In Russ.) <https://doi.org/10.47576/2949-1886.2025.5.5.007> EDN OELTGW
4. Минаков А.В., Агапова Т.Н. Оценка состояния и угроз экономической безопасности в реальном секторе экономики. *Вестник Московского университета МВД России*. 2023;(2):272-278. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-272-278> EDN WJOMZ
Minakov A.V., Agapova T.N. Assessment of the state and threats to economic security in the real sector of the economy. *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2023;(2):272-278. (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-272-278> EDN WJOMZ
5. Каранина Е.В., Евстратова А.В. Экспресс-диагностика уровня экономической безопасности региона. *Экономика и управление: проблемы, решения*. 2015;1(12):146-153. EDN UYVUXV
Karanina E.V., Evstratova A.V. Express diagnostics of the Level of regional economic security. *Economics and Management: Problems, Solutions*. 2015;1(12):146-153. (In Russ.) EDN UYVUXV
6. Круть А.А., Родионов А.В. Механизм нейтрализации угроз экономической безопасности на основе реализации государственной политики импортозамещения. *Вестник евразийской науки*. 2022;14(6). EDN: XBWALK.

- Krut A.A., Rodionov A.V. Based on the import substitution implementation state policy mechanism of economic security threats' neutralizing. *The Eurasian Scientific Journal*. 2022;14(6). (In Russ.) EDN: XBWALK.
7. Mityakov S.N., Mityakov E.S., Ladynin A.I., et al. Toolset for assessing the import substitution of economic systems at various hierarchical levels. *Studies on Russian Economic Development*. 2025;36(2):203-211. <https://doi.org/10.1134/S1075700724700679>
8. Цветков В.А., Дудин М.Н., Лясников Н.В. Аналитические подходы к оценке экономической безопасности региона. *Экономика региона*. 2019;15(1):1-12. <https://doi.org/10.17059/2019-1-1> EDN ZALWST
Tsvetkov V.A., Dudin M.N., Lyasnikov N.V. Analytical approaches to estimate economic security of the region. *Economy of Region*. 2019;15(1):1-12. (In Russ.) <https://doi.org/10.17059/2019-1-1> EDN ZALWST
9. Якимова В.А., Хмура С.В. Инвестиции в цифровизацию сервисных организаций как источник благосостояния населения регионов. *Финансы: теория и практика*. 2023;27(6):148-160. <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2023-27-6-148-160> EDN JABKUE
Yakimova V.A., Khmura S.V. Investments in the digitalization of service companies as a source of well-being of the population of the regions. *Finance: Theory and Practice*. 2023;27(6):148-160. (In Russ.) <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2023-27-6-148-160> EDN JABKUE
10. Костин К.Б. Концепция импортозамещения в сфере услуг Российской Федерации в условиях глобализации мировой экономики. *Журнал правовых и экономических исследований*. 2019;(1):7-10. EDN ZBVXXF
Kostin K.B. Import substitution concept in russian service industry under globalization of world economy. *Journal of Legal and Economic Studies*. 2019;(1):7-10. (In Russ.) EDN ZBVXXF
11. Зворыкина Т.И. Импортозамещение в сфере услуг как способ устойчивого развития региона и повышения качества жизни населения. *Вестник Российского нового университета. Серия: Человек и общество*. 2018;(1):30-36. <https://doi.org/10.25586/RNU.V9276.18.05.P.30> EDN XNDITJ
Zvorykina T.I. Import substitution in service sector as a way of a sustainable development of regional and improving of the population's quality of life. *Bulletin of the Russian New University. Series: Man and Society*. 2018;(1):30-36. (In Russ.) <https://doi.org/10.25586/RNU.V9276.18.05.P.30> EDN XNDITJ
12. Коломенская Ю.В. Анализ подходов к оценке импортозависимости. *На страже экономики*. 2025;1(32):139-147. EDN WPGHBT
Kolomenskaya Yu.V. Analysis of approaches to assessing import dependence. *On Guard of the Economy*. 2025;1(32):139-147. (In Russ.) EDN WPGHBT
13. Нанова Р.В., Смирнов А.А. Обеспечение экономической безопасности регионов Российской Федерации в период трансформации экономической политики. *Экономика и управление: проблемы, решения*. 2025;7(4):76-86. <https://doi.org/10.36871/ek.up.p.r.2025.04.07.009> EDN GEFXRF
Nanova R.V., Smirnov A.A. Ensuring economic security of the regions of the Russian Federation during the transformation of economic policy. *Economics and Management: Problems, Solutions*. 2025;7(4):76-86. (In Russ.) <https://doi.org/10.36871/ek.up.p.r.2025.04.07.009> EDN GEFXRF
14. Таран Е.А., Слесаренко Е.В., Жиронкин В.С. Импортозамещение цифровых услуг: перспективы для российской экономики. *Торговля, сервис, индустрия питания*. 2023;(3):102-113. EDN XXARTW
Taran E.A., Slesarenko E.V., Zhironkin V.S. Import substitution of digital services: prospects for the Russian economy. *Trade, Service, Food Industry*. 2023;(3):102-113. (In Russ.) EDN XXARTW
15. Фролов И.Э., Борисов В.Н., Ганинев Н.А. Проблемы перехода к инновационному развитию российской экономики в условиях форсированного импортозамещения. *Проблемы прогнозирования*. 2023;(4):67-81. <https://doi.org/10.47711/0868-6351-199-67-81> EDN IYSZY
Frolov I.E., Borisov V.N., Ganinev N.A. Problems of transition to innovative-continuous development of the Russian economy in conditionsof forced import substitution. *Studies on Russian Economic Development*. 2023;(4):67-81. (In Russ.) <https://doi.org/10.47711/0868-6351-199-67-81> EDN IYSZY

Проблемы развития арктического круизного туризма в Российской Федерации

Ширяева-Бакшевникова Вера Николаевна

Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, Санкт-Петербург, Россия

SPIN-код: 2689-9406

veraveranik@ya.ru

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Ширяева-Бакшевникова В.Н. Проблемы развития арктического круизного туризма в Российской Федерации. *Исследование проблем экономики и финансов*. 2026;3:310. <https://doi.org/10.31279/REFP-2026-3-310> EDN IOSLS

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ:

автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

ПОСТУПИЛА: 08.04.2026

ДОРАБОТАНА: 11.09.2026

ПРИНЯТА: 04.09.2026

ОПУБЛИКОВАНА ОНЛАЙН: 30.09.2026

COPYRIGHT: © 2026 Ширяева-Бакшевникова В.Н.

АННОТАЦИЯ

В статье представлен структурированный аналитический обзор проблем развития арктического круизного туризма в Российской Федерации. Цель исследования состоит в систематизации и операционализации ключевых ограничений круизного освоения Арктики, сопоставлении российских и зарубежных подходов к их регулированию и разработке последовательности управленческих решений, пригодной для практической апробации. Источниковую базу составили 18 научных публикаций: 9 работ российских исследователей и 9 зарубежных рецензируемых исследований, посвященных российской Арктике, Шпицбергену, канадской Арктике, Исландии и Гренландии. Нормативные правовые акты и стратегические документы анализировались как институциональный контекст и не включались в научную библиографию. Применены сравнительно-институциональный анализ, структурированное извлечение выводов из научных публикаций, кластеризация ограничений и авторская многокритериальная процедура их приоритизации. Разграничены понятия арктического круизного туризма и экспедиционного круиза; предложены измеримые показатели туристской нагрузки, инфраструктурной надежности, локализации экономического эффекта и управленческой готовности. Одиннадцать частных проблем объединены в пять взаимосвязанных кластеров. Сопоставление научных кейсов показывает, что для российской практики наибольшей переносимостью обладают не иностранные числовые лимиты, а процедуры объектного нормирования посещений, раннего планирования рейса, межведомственной координации, мониторинга и участия местных сообществ. Предложена дорожная карта на 2027–2030 гг. с распределением уровней ответственности и проверяемыми показателями. Научная новизна состоит в переходе от линейного перечня барьеров к модели «ограничивающего звена», в которой расширение круизной деятельности допускается только после проверки экологической, безопасностной, инфраструктурной и институциональной готовности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: арктический круизный туризм, экспедиционный круиз, Арктическая зона Российской Федерации, устойчивое развитие, экологическая емкость, туристская нагрузка, портовая инфраструктура, сравнительный анализ, управление дестинацией, государственно-частное партнерство

Problems of developing Arctic cruise tourism in the Russian Federation

Vera N. Shiryaeva-Bakshevnikova

State University of Aerospace Instrumentation, Saint Petersburg, Russia

veraveranik@ya.ru

TO CITE:

Shiryaeva-Bakshevnikova V.N. Problems of developing Arctic cruise tourism in the Russian Federation. *Research in Economic and Financial Problems*. 2026;3:310. (In Russ.) <https://doi.org/10.31279/REFP-2026-3-310>

DECLARATION OF COMPETING

INTEREST: none declared.

RECEIVED: 08.04.2026

REVISED: 11.09.2026

ACCEPTED: 04.09.2026

PUBLISHED ONLINE: 30.09.2026

COPYRIGHT: © 2026 Shiryaeva-Bakshevnikova V.N.

ABSTRACT

The article presents a structured analytical review of the constraints affecting Arctic cruise tourism development in the Russian Federation. The study aims to systematize and operationalize the key constraints of Arctic cruising, compare Russian and international approaches to their governance, and develop a sequence of management decisions suitable for practical testing. The source base comprises 18 academic publications: nine studies by Russian researchers and nine international peer-reviewed studies covering the Russian Arctic, Svalbard, Arctic Canada, Iceland, and Greenland. Regulatory and strategic documents are treated as an institutional context and are not included in the academic reference list. The methods include comparative institutional analysis, structured extraction of findings from academic publications, clustering of constraints, and an author-designed multicriteria prioritization procedure. The article distinguishes Arctic cruise tourism from expedition cruising and proposes measurable indicators for visitor pressure, infrastructure reliability, local value retention, and governance readiness. Eleven individual constraints are consolidated into five interrelated clusters. Cross-case comparison shows that the most transferable mechanisms for Russia are not foreign numerical caps as such, but site-specific visitor management, early voyage planning, interagency coordination, monitoring, and community participation. A 2027–2030 roadmap with responsible governance levels and verifiable indicators is proposed. The scientific contribution lies in replacing a linear list of barriers with a “limiting-link” model in which expansion is admissible only after environmental, safety, infrastructure, and institutional readiness have been assessed.

KEYWORDS: Arctic cruise tourism, expedition cruise, Russian Arctic Zone, sustainable development, carrying capacity, visitor pressure, port infrastructure, comparative analysis, destination governance, public-private partnership

ВВЕДЕНИЕ

Арктический круизный туризм представляет собой не обычный сегмент морских путешествий, а межотраслевую систему, в которой туристский продукт зависит одновременно от судоходства, состояния портовой и береговой инфраструктуры, режима природных территорий, сезонного навигационного окна, поисково-спасательной и медицинской готовности, качества межведомственной координации и способности принимающей территории получать локальный социально-экономический эффект. По этой причине оценивать развитие арктических круизов только ростом числа пассажиров или судозаходов методологически недостаточно: увеличение потока может сопровождаться ростом экологического давления, операционных рисков и издержек, не создавая сопоставимой ценности для дестинации.

Российская научная литература дает несколько эмпирически значимых оснований для постановки проблемы. Исследование организации круизов в национальном парке «Русская Арктика» выявило сочетание природно-климатических, инфраструктурных и административных рисков [1], а последующий кейс, основанный на материалах экспедиции 2021 г. в пределах Земли Франца-Иосифа и Новой Земли, конкретизировал ограничения доступности и природоохранной чувствительности высокоширотных маршрутов [2]. М. В. Ненашева на материале Соловецкого архипелага показала многоакторную природу устойчивого круизного туризма и необходимость учитывать одновременно экономические, экологические и социальные интересы [3]. А. В. Кунников связывает перспективы западного сектора российской Арктики с развитием инфраструктуры и транспортной доступности [4]. Экспертный опрос Г. В. Жигуновой и Е. Н. Шаровой систематизирует барьеры арктического туристского бизнеса [5], а исследование стейкхолдеров Республики Коми подтверждает значимость локальной заинтересованности и распределения выгод [6]. Работы С. В. Кондратьевой с соавторами раскрывают многоуровневую систему управления туризмом [7], Е. Е. Ноевой – национальные и международные особенности арктического туризма [8], В. Н. Мякшина, А. Е. Шапарова и Д. В. Тихановой – возможность перехода от описательных оценок потенциала к системе измеримых показателей [9].

Зарубежные исследования позволяют проверить, какие ограничения являются специфически российскими, а какие носят общеарктический характер. Для Шпицбергена показано сочетание государственного регулирования и коллективного самоуправления экспедиционных операторов [10]; для канадской Арктики – риск

того, что сложная система разрешительных процедур сама становится источником транзакционных издержек [11]. Сравнение Исландии и Гренландии выявляет дисбаланс влияния между глобальными круизными компаниями и локальными дестинациями [12]. Сетевой анализ арктических круизных маршрутов показывает высокую концентрацию связности в ограниченном числе портов [13]. Исследование управления арктическими круизами на материале Норвегии, Канады и Исландии подчеркивает необходимость сочетать устойчивость с вопросами справедливости и участия заинтересованных сторон [14]. Работы по социальному разрешению деятельности [15], управлению объемом круизных прибытий в северных дестинациях [16], легитимности ограничительных мер на Шпицбергене [17] и сравнительному анализу пяти арктических круизных сообществ [18] показывают, что устойчивое управление строится на сочетании регулирования, локальных практик, мониторинга и координации, а не на одном универсальном нормативе.

Научная проблема заключается в том, что перечисленные результаты остаются распределенными между исследованиями отдельных территорий и аспектов. В российском контексте отсутствует единая аналитическая рамка, которая одновременно связывала бы операциональные критерии устойчивости, измеримые ограничения конкретного рейса и места высадки, приоритетность барьеров, уровни ответственности за их устранение и экономическую проверку инфраструктурных решений. Рабочее положение Н1 состоит в том, что устойчивость арктического круизного маршрута определяется его «ограничивающим звеном»: расширение деятельности не может считаться обоснованным, если хотя бы одно критическое измерение – экологическая емкость, безопасность, инфраструктурная готовность или институциональная управляемость – находится за допустимой границей. Положение Н2 предполагает, что из зарубежного опыта лучше переносятся процедуры управления, чем готовые числовые лимиты.

Цель исследования – систематизировать, операционализировать и ранжировать ограничения развития арктического круизного туризма в Российской Федерации, сопоставить их с научно описанными зарубежными кейсами и предложить механизм последовательной реализации управленческих мер. Для достижения цели уточняется понятийная рамка, формируется набор наблюдаемых показателей, описывается процедура отбора и анализа научных источников, частные проблемы объединяются в укрупненные кластеры, проводится их многокритериальное ранжирование, сравниваются российская, норвежская, канадская, исландская и гренландская практики, формируется экономическая логика инвестиционных решений и дорожная карта внедрения.

Объект исследования – система организации и управления арктическими круизными маршрутами в Российской Федерации. Предмет – инфраструктурные, экологические, институциональные, организационно-экономические и социальные ограничения и способы их управленческой обработки. Работа сознательно позиционируется как аналитический обзор и вторичный синтез научных результатов, а не как первичное полевое исследование. Научная новизна состоит в трех взаимосвязанных элементах: предложена операциональная система показателей; одиннадцать частных проблем сведены в пять кластеров с прозрачной процедурой приоритизации; зарубежные механизмы оценены по критерию переносимости и связаны с конкретной последовательностью внедрения.

Понятийная рамка и операционализация
ключевых категорий

Под арктическим круизным туризмом в настоящей работе понимается туристская деятельность, при которой морское судно выполняет транспортную и размещающую функции, а маршрут включает арктические морские акватории и как минимум один портовый заход, рейдовую стоянку или организованную высадку в арктической дестинации. Такое рабочее определение необходимо для отделения собственно круизного сегмента от агрегированного туристского потока северных регионов и позволяет использовать в качестве единицы анализа рейс, точку высадки и временной интервал [1–4].

Экспедиционный круиз рассматривается как подтип арктического круизного туризма, а не как его синоним. Для него характерны относительно небольшие пассажирские группы, повышенная роль высадок и маломерных средств доставки, интерпретация природного и культурного наследия и высокая зависимость программы от ледовой, погодной и природоохранной обстановки. Исследования Шпицбергена и российской высокоширотной Арктики подтверждают, что особенности экспедиционного формата существенно влияют на модель управления и не могут автоматически переноситься на массовые лайнерные круизы [2; 10; 17].

Устойчивое развитие арктического круизного туризма определяется как такое изменение масштаба и качества круизной деятельности, при котором природная и безопасная нагрузка не превышает обоснованную для конкретного объекта емкость, инфраструктура надежно обслуживает допустимый поток, процедуры согласования исполнимы, а принимающая территория сохраняет социально-экономическую ценность от деятельности. «Управляемый рост» означает не обязательное увеличение пассажиропотока, а изменение объема деятельности после прохождения экологического и безопасного «шлюза». Предел антропогенной нагрузки не задается единой цифрой для всей Арктики: научные исследования устойчивости и локального управления показывают необходимость объектной калибровки с учетом природной чувствительности, сезонности и общественной приемлемости [3; 12; 15–18].

Таблица 1
Операционализация ключевых категорий и предлагаемые индикаторы

Table 1
Operationalization of key categories and proposed indicators

Категория	Индикатор / формула	Единица	Управленческая интерпретация
Экологическая емкость / туристская нагрузка	$K_{load} = V_{fact} / V_{cap}$, где V_{fact} – фактическое число посетителей/высадок за период; V_{cap} – допустимая нагрузка, обоснованная для конкретного объекта	Безразмерный коэффициент; число посетителей/высадок	$K_{load} \leq 0,80$ – аналитическая зона резерва; $0,80 < K_{load} \leq 1,00$ – зона приближения к пределу; $K_{load} > 1,00$ – превышение установленной емкости. Порог 0,80 является авторским сигналом раннего предупреждения, а не экологическим нормативом
Удельная экологическая нагрузка судового компонента	$E_{CO_2} = M_{CO_2} / (P \times D)$, где M_{CO_2} – верифицированная масса выбросов CO_2 ; P – число пассажиров; D – продолжительность рейса/участка в днях	кг CO_2 на пассажиро-день	Используется только при наличии сопоставимых исходных данных. Отсутствие верифицированных данных фиксируется как информационный дефицит; показатель не подменяет нормативные требования
Инфраструктурная надежность	$R_{port} = N_{success} / N_{planned} \times 100 \%$, где $N_{success}$ – операции, выполненные без инфраструктурного срыва; $N_{planned}$ – запланированные	% выполненных операций	Снижение показателя требует отдельного анализа причин: причал / рейдовая доставка, связь, снабжение, медицинская готовность, безопасность и согласовательные процедуры
Локализация экономического эффекта	$LVR = E_{local} / E_{shore} \times 100 \%$, где E_{local} – расходы, полученные местными поставщиками и сообществами; E_{shore} – совокупные береговые расходы круиза	% локально удержанной береговой ценности	Отделяет сам факт присутствия туриста от экономического эффекта для принимающей территории; дополняется локальной занятостью и налоговым эффектом

Продолжение

Категория	Индикатор / формула	Единица	Управленческая интерпретация
Управленческая готовность	$G_ready = N_complete / N_required \times 100 \%$, где $N_complete$ – выполненные элементы паспорта рейса; $N_required$ – установленный перечень элементов	% готовности рейса	Включает данные о маршруте, высадках, безопасности, экологических параметрах, локальных контрагентах, разрешительных процедурах и плане отклонений
Управляемый рост	Изменение числа рейсов/пассажиров допускается при $K_load \leq 1$, отсутствии критических дефицитов безопасности и без ухудшения R_port , LVR и G_ready	Композитное управленческое условие	Положительная финансовая оценка сама по себе не является основанием для расширения потока, если нарушено экологическое или безопасностное условие

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Дизайн исследования – структурированный аналитический обзор с элементами сравнительно-институционального анализа. Первичные интервью, анкетирование и полевые наблюдения автором в рамках настоящей работы не проводились. Эмпирическая составляющая формируется путем вторичного анализа результатов тех исследований, в которых первичные данные уже были получены с помощью экспедиций, экспертных опросов, интервью со стейкхолдерами, сетевого анализа маршрутов и анализа судового движения [2; 5; 10; 12–17]. Такое позиционирование исключает подмену вторичного синтеза собственным полевым исследованием и одновременно позволяет сопоставлять результаты, полученные разными методами.

База источников сформирована целевым отбором и включает 18 научных публикаций, непосредственно связанных с арктическим круизным туризмом, управлением арктическими дестинациями, устойчивостью, туристским потенциалом и инфраструктурными ограничениями. Девять источников относятся к российскому исследовательскому полю [1–9], девять – к зарубежному [10–18]. Включались только научные статьи, опубликованные в рецензируемых изданиях и содержащие как минимум один из следующих элементов: описанный кейс, эмпирически зафиксированный барьер, управленческий механизм, метод измерения или ранжирования либо результат сравнения арктических дестинаций. Материалы СМИ, официальные новости, сайты органов власти и иные ненаучные публикации из библиографического списка исключены.

Нормативные правовые акты и стратегические документы использовались как объект институционального анализа. В тексте они называются непосредственно по наименованию, когда необходимо показать механизм внедрения предложений. Библиографический список отражает научную основу исследования и поэтому включает только научные публикации; официальные новости, ведомственные сайты, нормативные акты, государственные программы и иные ненаучные материалы из него исключены.

Процедура анализа состояла из четырех последовательных операций. На первом этапе из каждой научной публикации извлекались положения, относящиеся к ограничениям, механизмам управления, измеримым индикаторам и наблюдаемым последствиям. На втором этапе эти положения кодировались по пяти категориям: *A* – экологическая и безопасностная емкость; *B* – инфраструктура и логистика; *C* – институты, нормы и данные; *D* – экономика, финансирование и рыночная устойчивость; *E* – локальная ценность и человеческий капитал. На третьем этапе фиксировался уровень возможного решения – федеральный, региональный, муниципальный/дестинационный, порт/ООПТ или оператор. На четвертом этапе сопоставлялась переносимость зарубежных механизмов в российский институциональный контекст.

Для приоритизации применена авторская многокритериальная матрица, предназначенная не для оценки причинного эффекта, а для прозрачного упорядочения выявленных кластеров. Каждый кластер оценивается по четырем критериям от 0 до 3 баллов: *S* – системный охват; *R* – тяжесть потенциального риска для безопасности, экологии или выполнения рейса; *D* – степень, в которой ограничение порождает другие барьеры; *M* – управляемость средствами публичной политики и отраслевого управления. Итоговый индекс $P = (S + R + D + M) / 12 \times 100 \%$. Значения от 80 % отнесены к классу *A*, 60–79,9 % – к классу *B*, ниже 60 % – к классу *C*. Баллы отражают авторскую аналитическую оценку, опирающуюся на результаты научных работ, и не выдаются за экспертный консенсус.

Сравнительный анализ проведен по четырем группам кейсов: Российская Федерация; Шпицберген; канадская Арктика; Исландия и Гренландия. Параметры сравнения заданы заранее: управление местами высадки и объемом посещений; предварительное планирование рейса; экологическая и безопасностная составляющая; участие местных сообществ; межведомственная координация; управление конфликтами и локальными выгодами. Сопоставление строится не по принципу ранжирования стран, а по принципу «механизм – условие применимости – ограничение переноса» [10–18].

Экономико-аналитический блок имеет проектный, а не макроэконометрический характер. Для инфраструктурного решения предлагается использовать показатель $BCR = PV(B) / PV(C)$ и NPV в базовом, консервативном и стрессовом сценариях. В состав выгод должны включаться подтверждаемые портовые и сервисные доходы, локальные закупки, налоговый и занятостный эффект и при наличии методики предотвращенный ожидаемый ущерб; в состав затрат – капитальные и эксплуатационные расходы, зимнее содержание, связь, безопасность, медицинская готовность, природоохранный мониторинг и обращение с отходами. Экономическая эффективность рассматривается только после проверки экологической и безопасностной допустимости проекта.

РЕЗУЛЬТАТЫ

От фрагментарного перечня проблем
к пяти кластерам ограничений

Исходный перечень проблем – портовая инфраструктура, дороговизна, сезонность, экологическая уязвимость, фрагментарность регулирования, разрыв между стратегией и исполнением, концентрация маршрутов, слабое участие местных сообществ, кадровый дефицит, недостаток специализированных данных и внешняя изменчивость спроса – не образует одиннадцать независимых причин. Научные исследования показывают их взаимозависимость: инфраструктурная удаленность повышает стоимость, сложность разрешительных процедур увеличивает транзакционные издержки, а недостаток данных препятствует экологическому нормиро-

ванию и инвестиционной оценке [1–7; 10–18]. Поэтому для анализа они сведены в пять кластеров.

Кластер А «Экологическая и безопасностная емкость» объединяет природную уязвимость, сезонно-климатическую вариативность, риски высадок и требования к безопасной эксплуатации [1–3; 17]. Кластер В «Инфраструктура и логистика» включает портовые мощности, рейдовую доставку, транспортную связанность, связь, медицинскую и поисково-спасательную готовность [1; 2; 4; 9; 13]. Кластер С «Институты, нормы и данные» охватывает межведомственную координацию, сложность процедур, качество данных и исполнимость управленческих решений [5; 7; 10; 11; 14; 18]. Кластер D «Экономика, финансирование и рынок» включает капиталоемкость, стоимость операций, концентрацию маршрутов и рыночную зависимость [3; 4; 12; 13; 16]. Кластер E «Локальная ценность и человеческий капитал» объединяет участие местного бизнеса, распределение выгод, общественную приемлемость и специализированные компетенции [3; 6; 12; 14–16; 18].

Такое структурирование позволяет различать первичные и производные ограничения. Например, высокая стоимость арктического круиза является не только рыночной характеристикой, но и следствием инфраструктурной удаленности, повышенных требований к безопасности и сложных процедур. Аналогично слабая диверсификация маршрутов частично объясняется тем, что новые точки захода и высадки не имеют подтвержденной готовности, устойчивого разрешительного контура или достаточного локального сервиса. Следовательно, управленческий приоритет должен определяться не частотой упоминания проблемы, а ее системным охватом, риском, производительностью и управляемостью.

Таблица 2
Многокритериальная приоритетность кластеров ограничений

Table 2
Multi-criteria prioritization of constraint clusters

Кластер	S	R	D	M	P, %	Класс	Интерпретация
С. Институты, нормы и данные	3	2	3	3	91,7	A	Первый приоритет: качество данных и процедур обеспечивает измеримость и координацию [5; 7; 10; 11; 14; 18]
А. Экологическая и безопасностная емкость	3	3	3	1	83,3	A	Критическое ограничение: необходимы объектная емкость, мониторинг и принцип предосторожности [1–3; 17]
В. Инфраструктура и логистика	3	3	2	2	83,3	A	Капиталоемкое узкое место; инвестиции концентрируются в опорных узлах и проверяются через R_{port} [1; 2; 4; 9; 13]
Д. Экономика, финансирование и рынок	2	2	2	2	66,7	B	Частично производно от первых трех кластеров; требует СВА и сценарной проверки спроса [3; 4; 12; 16; 18]
Е. Локальная ценность и человеческий капитал	2	2	1	3	66,7	B	Управляется подготовкой кадров, локальными закупками и участием сообществ [3; 6; 12; 14–16; 18]

Матрица показывает, что первоочередного воздействия требуют три взаимосвязанных контура: институты и данные; экологическая и безопасностная емкость; инфраструктура и логистика. Результат не следует интерпретировать как статистически доказанную причинность. Его смысл – сделать прозрачной последовательность решений: сначала обеспечить измеримость и согласованность процедур, затем подтвердить допустимую нагрузку и безопасность, после чего принимать решения о расширении инфраструктуры и финансовом стимулировании. Такая последовательность согласуется с выводами исследований, в которых устойчивость круизов связывается с сочетанием регулирования, локального управления и мониторинга [3; 10; 14–18].

Сравнительный анализ арктических юрисдикций

Шпицберген представляет кейс, где государственное природоохранное регулирование взаимодействует с отраслевым самоуправлением экспедиционных операторов. Исследование Л. К. Дж. Ван Бетс и др. [10] показывает, что коллективное самоуправление может дополнять государственный контроль через обмен знаниями, прослеживаемость и правила поведения. Более поздняя работа К. Лёсет и др. [17] фиксирует значительный рост пространственного охвата экспедиционного круизного судоходства и одновременно показывает, что ужесточение ограничений требует прозрачности и участия заинтересованных сторон для сохранения легитимности. Для российской практики из этого следует принцип: объектное ограничение доступа должно быть научно обосновано, заранее известно оператору и сопровождаться понятной процедурой мониторинга и пересмотра.

Канадская Арктика демонстрирует иной риск – регуляторную сложность. Дж. Доусон и др. [11] показали, что множественность разрешений и процедур способна сама ограничивать развитие круизов и снижать потенциальные выгоды для северных сообществ. Сравнительное исследование Х. Хансен-Магнуссон и др. [14] на материале Норвегии, Канады и Исландии дополняет этот вывод: устойчивость требует не только экологических ограничений, но и справедливого участия стейкхолдеров, ясного распределения ответственности и согласованности процедур. Для России переносим не набор конкретных канадских форм, а принцип раннего планирования рейса и единой точки сборки межведомственных требований.

Исландия и Гренландия дают дестинационные кейсы управления круизным объемом и локальными выгодами. Л. Джеймс и др. [12] выявили дисбаланс между глобальными круизными компаниями и привязанными к территории местными участниками, а также различия в восприятии экономических, экологических и социокультурных эффектов. Исследование социальной приемлемости круизного туризма показывает, что наличие экономических выгод не гарантирует доверия и поддержки со стороны всех групп населения [15]. Работа У. Персон Фишье и др. [16] рассматривает институты, с помощью которых дестинации могут влиять на объем и время прибытия круизных судов, а сравнительное исследование Дж. Олсен и др. [18] выделяет сочетание ценообразования, инноваций, инвестиций, регулирования и сетевого взаимодействия как набор локальных практик управления. Эти результаты подтверждают необходимость оценивать не только число прибытий, но и локально удержанную ценность, участие местных поставщиков и качество координации.

Таблица 3
Сопоставление управленческих механизмов и их применимости в Российской Федерации

Table 3
Comparison of governance mechanisms and their applicability in the Russian Federation

Параметр	Россия	Шпицберген	Канада; Исландия и Гренландия	Что переносимо в РФ
Высадки и объем посещений	Научные кейсы указывают на объектную уязвимость и необходимость отделять общий турпоток от круизной нагрузки [1–4]	Саморегулирование дополняет государственные ограничения; новые меры усиливают пространственное регулирование и требуют легитимности [10; 17]	Канада демонстрирует сложность разрешительного контура [11]; северные дестинации Исландии и Гренландии – необходимость управлять объемом и распределением выгод [12; 15; 16]	Объектные, а не единые общероссийские лимиты; регистрация слотов; мониторинг фактической нагрузки

Продолжение

Параметр	Россия	Шпицберген	Канада; Исландия и Гренландия	Что переносимо в РФ
Предварительное планирование рейса	Разрозненность процедур повышает транзакционные издержки; целесообразен единый паспорт рейса [5; 7]	Отраслевое самоуправление и правила поведения дополняют государственный режим [10]	Канадский кейс показывает необходимость снижать регуляторную сложность [11; 14]; в Исландии и Гренландии важна координация между дестинациями [12]	Единая форма рейса, ранняя межведомственная проверка, заранее известные требования и точки ответственности
Экологическая и безопасностная нагрузка	Высокоширотные российские кейсы фиксируют природную чувствительность, сезонность и риск высадок [1–3]	Рост пространственного охвата экспедиционных судов усиливает необходимость предосторожного и прозрачного управления [17]	Исследования устойчивости подчеркивают взаимосвязь экологических, социальных и управленческих факторов [14; 15; 18]	Объектный мониторинг, сопоставимые экологические показатели, фиксация инцидентов и отклонений
Местные сообщества и выгоды	Многоакторность и локальные интересы подтверждены для Соловецкого архипелага и арктических регионов [3; 6]	Саморегулирование опирается на взаимодействие пользователей и политико-управленческого сообщества [10]	Для Исландии и Гренландии выявлены дисбалансы влияния, проблема доверия и необходимость локального контроля [12; 15; 16; 18]	План локальных закупок, показатель <i>LVR</i> , консультации, обратная связь, участие местных исполнителей
Управление объемом и конфликтами	Рост должен оцениваться через емкость конкретного объекта и надежность инфраструктуры, а не по региональному турпотоку [1–4; 9]	Ограничения должны быть научно обоснованы и процедурно легитимны [17]	Регуляторная сложность требует координации [11]; дестинации могут создавать институты влияния на время и объем прибытий [16; 18]	Адаптивные лимиты и слоты; периодический пересмотр по данным мониторинга; отказ от копирования чужой числовой квоты
Финансирование и инфраструктура	Инфраструктурные дефициты и транспортная доступность рассматриваются как системные ограничения [1; 2; 4; 7; 9]	Развитие инфраструктуры должно учитывать экологические пределы и режим доступа [10; 17]	В удаленных дестинациях экономический эффект зависит от локальной способности удерживать ценность и управлять потоком [12; 15; 18]	СВА после экологического шлюза; поэтапные инвестиции; разные финансовые модели для крупных и малых объектов

Сопоставление подтверждает положение Н2: наибольшей переносимостью обладают процедурные механизмы – предварительное планирование рейса, объектно привязанные лимиты и слоты, прозрачные правила доступа, единый набор данных по рейсу, участие местных субъектов и регулярный мониторинг. Напротив, прямое копирование иностранного числового лимита, структуры сборов или организационной модели без учета российского права, географии маршрутов и режима конкретной природной территории научно не обосновано [10–18].

Количественная рамка мониторинга
и проверяемость управленческих решений

Описательный тезис об «устойчивости» становится проверяемым только после выбора единицы наблюдения. Для каждой точки высадки или портового захода необходимо фиксировать фактический поток V_{fact} и обоснованную допустимую емкость V_{car} . Коэффициент $K_{load} = V_{fact} / V_{car}$ не заменяет экологического исследования, а показывает отношение фактической нагрузки к установленному для конкретного объекта пределу. Если V_{car} не определен, корректный вывод

состоит не в том, что ограничение отсутствует, а в том, что расширение посещений требует предварительного базового обследования и последующего мониторинга. Такой объектный подход согласуется с научными выводами об уязвимости российской высокоширотной Арктики и необходимости локально адаптированных режимов управления [1–3; 17].

Экологическую составляющую судовой эксплуатации целесообразно оценивать показателями, которые можно воспроизвести по верифицируемым данным оператора. В качестве базового индикатора предлагается $E_{CO_2} = M_{CO_2} / (P \times D)$, где M_{CO_2} – масса выбросов CO_2 за рейс или участок маршрута, P – число пассажиров, D – продолжительность в днях. Этот показатель не объявляется универсальным нормативом: он предназначен для сопоставления рейсов и выявления динамики при одинаковой методике расчета. Если исходные данные недоступны, это фиксируется как информационный дефицит, а не заменяется приблизительным значением. Такая логика отвечает общей направленности научной литературы на сочетание экологической ответственности, прозрачности и управляемости круизной деятельности [14; 17; 18].

Экономическую результативность необходимо отделять от общей выручки судового оператора. Показатель $LVR = E_{local} / E_{shore} \times 100 \%$ отражает долю береговых расходов, остающуюся у местных поставщиков и сообществ. Он может рассчитываться по данным операторов, портов и локальных контрагентов и дополняться показателями занятости и налогового эффекта. Такой подход непосредственно отвечает выявленной в исследованиях проблеме дисбаланса между глобальными круизными компаниями и принимающими дестинациями [3; 6; 12; 15; 16; 18]. При малом числе рейсов он методически надежнее попытки строить регрессионные модели на недостаточной выборке.

Показатель инфраструктурной надежности $R_{port} = N_{success} / N_{planned} \times 100 \%$ фиксирует долю запланированных судозаходов или высадок, выполненных без инфраструктурного срыва. Показатель управленческой готовности $G_{ready} = N_{complete} / N_{required} \times 100 \%$ отражает полноту заранее определенного набора процедур и данных по конкретному рейсу. Вместе эти показатели формируют основу «паспорта рейса»: идентификатор судна и маршрута, пассажирская вместимость, точки и время высадок, разрешительные процедуры, экологические параметры, локальные закупки, инциденты и причины отклонений. Накопление таких сопоставимых наблюдений создает базу для последующего эконометрического анализа, которого в настоящее время не позволяет выполнить фрагментарность специализированных данных.

Экономическое обоснование
и механизмы финансирования

Тезис о капиталоемкости арктических круизов должен быть связан с процедурой инвестиционной проверки. На предынвестиционной стадии для каждого объекта следует рассчитывать BCR и NPV не в одном, а как минимум в трех сценариях – базовом, консервативном и стрессовом. В выгодах учитываются только подтверждаемые денежные потоки и измеримые локальные эффекты;

в затратах – полный жизненный цикл объекта, включая эксплуатацию, безопасность и экологический мониторинг. Принципиально важно, что положительный BCR не является достаточным основанием для проекта, если он увеличивает нагрузку сверх обоснованной емкости или создает неприемлемый риск.

Научные исследования арктических дестинаций показывают, что экономический эффект круиза зависит не только от числа прибытий, но и от структуры локальных расходов, возможностей местного бизнеса и степени контроля дестинации над туристским потоком [3; 6; 12; 15; 16; 18]. Поэтому в настоящей работе не приводится условная «средняя стоимость» арктического причала или терминала: без проектной документации, инженерных параметров и сопоставимых открытых данных такая цифра была бы псевдоточностью. Вместо этого предлагается обязательная архитектура оценки, в которой стоимость проекта сопоставляется с допустимым числом рейсов, локально удерживаемой ценностью, налоговым и занятостным эффектом, а также с затратами на безопасность и экологические ограничения.

Выбор механизма финансирования должен зависеть от типа вмешательства и распределения рисков. Для капиталоемких портовых объектов рациональны концессионные или иные формы государственно-частного партнерства с отдельным распределением строительного, спросового и операционного риска. Для малой инфраструктуры посещения и мониторинга применимы грантовое и бюджетное софинансирование, целевые сборы и взносы операторов; для локальных сервисов – инструменты поддержки малого бизнеса и закупочные обязательства операторов. Краудфандинг может использоваться только как вспомогательный механизм для небольших общественно значимых культурных или интерпретационных проектов, но не для критической инфраструктуры безопасности. Такая дифференциация устраняет декларативную рекомендацию «увеличить инвестиции» и связывает источник финансирования с конкретной функцией проекта.

Таблица 4
Финансовая логика по типам вмешательств

Table 4
Financial logic by types of intervention

Объект	Финансирование	Критерий экономической эффективности	Ограничитель
Крупный причал / терминальная модернизация	Концессия/ГЧП, средства собственника порта, федеральное/региональное софинансирование	$BCR > 1$ и положительный NPV в базовом сценарии; стресс-тест по числу допустимых рейсов	Экологический и безопасностный «шлюз»; отсутствие превышения емкости точек посещения

Продолжение

Объект	Финансирование	Критерий экономической эффективности	Ограничитель
Малая инфраструктура высадок и природных территорий	Грант, операторское софинансирование, целевой сбор, бюджетное финансирование	Стоимость одной безопасно обслуженной высадки; снижение числа срывов и инцидентов	Приоритет обратимых и мало-воздействующих решений
Паспорт рейса и мониторинг	Публичное финансирование цифровой инфраструктуры + сервисный платеж операторов при наличии правового основания	Доля рейсов с полным набором данных <i>G_ready</i> ; сокращение времени согласования	Единая структура данных и меж-ведомственная совместимость
Локальные сервисы и культурные продукты	Региональные гранты, микрофинансирование, заказ операторов, иные меры поддержки малого бизнеса	<i>LVR</i> ; число местных поставщиков; локальная занятость	Прозрачность закупок и недопущение искусственной монополизации
Кадровая подготовка	Целевое обучение, софинансирование работодателей, региональный заказ	Доля рейсов с подготовленными специалистами ключевых профилей	Компетенции: гид-интерпретатор, экспедиционный координатор, безопасность, первая помощь, работа в удаленной среде

ОБСУЖДЕНИЕ

Главный результат обзора состоит в изменении логики обсуждения: вместо повторного перечисления барьеров предложена последовательность их проверки. Институционально-информационный кластер получает наивысший приоритет не потому, что он «опаснее» экологического, а потому, что без данных и согласованных процедур невозможно проверить нагрузку, сопоставить рейсы и связать инфраструктурную инвестицию с измеримым результатом. В этом смысле разрыв между стратегическими целями и практикой выражается не абстрактной «несинхронностью», а отсутствием единиц исполнения, ответственных субъектов, сопоставимых данных и критериев завершенности.

Экологический и инфраструктурный кластеры имеют одинаково высокий приоритет, но их управленческие векторы могут конфликтовать. Инфраструктурная политика повышает пропускную способность, тогда как природоохранная политика при необходимости ограничивает поток. Решение конфликта требует строгой последовательности: сначала определяется допустимая нагрузка и чувствительность объекта; затем оценивается безопасность; только после этого проектируется инфраструктура для обслуживания допустимого, а не максимально возможного потока. Если $K_{load} > 1$, расширение мощности, непосредственно увеличивающее высадки на чувствительном объекте, не должно рассматриваться как первоочередная мера. Напротив, модернизация сервисов в опорном городском порту может снижать операционный риск и повышать *LVR* без увеличения давления на природную точку.

Сравнительный анализ показывает, что жесткость ограничений и развитие туризма не являются взаимоисключающими.

Шпицбергенский опыт демонстрирует сочетание государственного режима с саморегулированием отрасли [10] и одновременно показывает риск утраты легитимности при недостаточной прозрачности ограничительных решений [17]. Канадский опыт предупреждает, что чрезмерная регуляторная сложность способна сама стать барьером [11]. Исследования Исландии, Гренландии и других северных дестинаций подчеркивают необходимость локального контроля над объемом прибытий и участия местных стейкхолдеров [12; 15; 16; 18]. Поэтому российская модель должна сочетать строгие экологические требования с понятным для добросовестного оператора процессом согласования.

Локальная ценность и человеческий капитал не являются второстепенным «социальным приложением» к портовой инфраструктуре. Многоакторность круизной деятельности, выявленная в российском исследовании Соловецкого архипелага [3], и дисбаланс влияния, зафиксированный в зарубежных дестинациях [12; 15], означают, что рост числа рейсов может не трансформироваться в устойчивый территориальный эффект. Поэтому планирование должно включать каталог местных поставщиков, прозрачные правила закупок, обучение гидов и координаторов, механизмы консультаций и показатель *LVR*. Это переводит тезис об «участии сообществ» в набор проверяемых управленческих действий.

Экономическая оценка должна быть встроена в систему ограничений, а не заменять ее. Инвестиционный проект должен отвечать как минимум на четыре вопроса: какую операционную проблему он устраняет; какой допустимый поток сможет обслужить; какой локальный эффект создаст; какие экологические и безопасностные издержки возникнут. Только после этого определяется источник финансирования и оцениваются *BCR/NPV*. Та-

кая последовательность позволяет избежать двух противоположных ошибок – недоинвестирования в критическую безопасность и строительства мощности, спрос на которую не подтвержден либо которая конфликтует с емкостью территории.

Механизм реализации:
дорожная карта 2027–2030 гг.

Предлагаемые меры могут быть встроены в действующую систему управления без создания отдельной всеобъемлющей «арктической круизной стратегии». Институциональную рамку образуют Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года, утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 26 октября 2020 г. № 645; Стратегия развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 года, утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 20 сентября 2019 г. № 2129-р; Федеральный закон от 13 июля 2020 г. № 193-ФЗ «О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации»; государственная программа Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации», утвержденная постановлением Правительства Российской Федерации от 30 марта 2021 г. № 484. Эти документы рассматриваются как объект институционального анализа, а не как элементы научной библиографии. Практическая задача состоит в добавлении в действующие механизмы отдельного круизного контура с ответственными субъектами, данными на уровне рейса и измеримыми KPI.

Первый этап (2027 г.) – стандартизация данных и процедур. На федерально-региональном уровне предлагается определить минимальный состав единого паспорта арктического круизного рейса, классификатор причин отмен и отклонений и перечень ответственных за данные по каждой точке захода или высадки. Пилотными территориями целесообразно сделать Мурманскую

и Архангельскую области как опорные территории западного сектора российской Арктики, значимость которого для круизного развития раскрывается в российских исследованиях [1; 2; 4]. Для природных точек расписание высадок должно быть связано с объектной емкостью и программой мониторинга.

Второй этап (2027–2028 гг.) – экологическое и инфраструктурное профилирование. Для каждой пилотной точки фиксируются V_{cap} и K_{load} либо официальный статус «емкость требует базового исследования»; одновременно формируется карта дефицитов причальной или рейдовой доставки, связи, медицинской готовности и аварийного реагирования. Инвестиционные заявки, не устраняющие идентифицированный дефицит, получают более низкий приоритет. Операторский набор данных должен включать фактический пассажиропоток, высадки, экологические параметры, локальные закупки, инциденты и причины отклонений.

Третий этап (2028–2029 гг.) – инвестиционная проверка и масштабирование. Проекты класса А проходят экологический и безопасностный «шлюз», после чего оцениваются методом CBA. Для крупных объектов выбирается ГЧП/концессионная модель либо иная схема распределения рисков; для малой инфраструктуры – грантовое или бюджетное софинансирование и участие операторов; для локальных сервисов – инструменты поддержки малого бизнеса. Показатели поддержки связываются не только с вводом объекта, но и с R_{port} , LVR и соблюдением K_{load} .

Четвертый этап (2030 г.) – независимая оценка и корректировка. Сопоставляются плановые и фактические данные по рейсам; точки с повторным превышением нагрузки переводятся в ограничительный режим, а территории с устойчивым резервом емкости и высоким уровнем готовности могут рассматриваться для дополнительных слотов. Накопленная панель наблюдений позволит перейти от аналитического ранжирования к статистической проверке факторов, сценарному моделированию и более строгой оценке локального экономического эффекта.

Таблица 5
Дорожная карта мер, ответственных уровней и KPI

Table 5
Roadmap of measures, responsible levels, and KPIs

Мера	Срок	Ответственный уровень	Инструмент интеграции	KPI
1. Единый паспорт арктического круизного рейса	2027	Федеральный координатор + регионы + порт/природная территория	Включение в действующие цифровые и отраслевые процедуры	≥ 95 % пилотных рейсов имеют полный паспорт; время межведомственного согласования сокращается год к году

Продолжение

Мера	Срок	Ответственный уровень	Инструмент интеграции	KPI
2. Реестр мест высадки и объектных емкостей	2027–2028	Природная территория/регион + научная организация	Природоохранные планы и региональные мероприятия	100 % пилотных природных точек имеют V_{car} либо статус «требуется базовое исследование»
3. Профилирование портовых узких мест	2027–2028	Регион + порт + оператор + спасательные/медицинские службы	Региональные и федеральные инфраструктурные программы	R_{port} ; доля срывов по инфраструктурным причинам; время реагирования
4. Инвестиционные проекты через экологический шлюз и CBA	2028–2029	Публичный заказчик/концедент + инвестор	ГЧП/концессия либо иная проектная схема; региональные программы	$BCR > 1$ в базовом сценарии; положительный NPV ; отсутствие ухудшения K_{load}
5. Программа локальной ценности	2028–2029	Регион/муниципалитет + оператор + МСП/сообщества	Меры поддержки малого бизнеса и договорные закупочные механизмы	Рост LVR ; число локальных поставщиков; доля береговых услуг местных исполнителей
6. Кадровый контур	2027–2030	Вузы/СПО + операторы + регионы	Целевое обучение и софинансирование работодателей	Доля рейсов с подготовленным экспедиционным координатором, гидом-интерпретатором и медицинскими компетенциями
7. Ежегодный публичный отчет по круизному сегменту	С 2028	Региональный координатор + федеральный агрегатор	Единый стандарт данных	Судозаходы, пассажиры, высадки, LVR , инциденты, K_{load} и R_{port} публикуются отдельно от общего турпотока

Ограничения исследования и направления дальнейшей верификации

Первое ограничение исследования – отсутствие собственных интервью, опросов и полевых измерений. Поэтому многокритериальное ранжирование является авторской аналитической процедурой, а не результатом *Delphi*-опроса или консенсуса экспертов. Его назначение – сделать приоритеты проверяемыми и открытыми для последующей валидации. Следующим этапом должен стать экспертный опрос представителей портов, особо охраняемых природных территорий, круизных операторов, региональных органов управления и местных сообществ с проверкой устойчивости критериев и баллов.

Второе ограничение – сопоставимость доступных статистических рядов по собственно круизному сегменту. Научные работы фиксируют проблемы концентрации маршрутов, инфраструктуры и управления, однако сопоставимая панель «рейс – порт – высадка – расходы – экологическая нагрузка» для российской Арктики отсутствует [1–4; 7; 13]. По этой причине в работе не выполняются регрессионный и факторный анализ: их применение к неполной выборке создало бы ложную точность. Предлагаемый паспорт рейса рассматривается как способ сформировать такую базу для последующих исследований.

Третье ограничение – объектная специфика экологической емкости. Порог $K_{load} = 1$ означает лишь достижение установленного для конкретного объекта V_{car} ; авторская зона 0,80–1,00 используется как сигнал при-

ближения к пределу, но не является биологическим или правовым нормативом. Значение V_{car} должно определяться отдельным экологическим исследованием с учетом характеристик территории, сезонности и режима посещения. Числовые ограничения другой юрисдикции не могут использоваться в России без локального обоснования [17].

Четвертое ограничение – отсутствие открытой сопоставимой стоимости создания и эксплуатации специализированной круизной инфраструктуры для всех арктических портов и точек высадки. Поэтому работа предлагает процедуру *CBA*, перечень учитываемых эффектов и варианты финансирования, но не выдает условную смету за фактическую. Для каждого проекта необходимы технико-экономическое обоснование, инженерные изыскания и сценарий спроса. Такая фиксация границ знания предпочтительнее декларативного тезиса о «высокой стоимости» или неподтвержденной приблизительной цифры.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный обзор позволяет сформулировать результаты в проверяемой форме. Во-первых, арктический круизный туризм необходимо отделять как от общего туристского потока северных регионов, так и от экспедиционного круиза, который является его отдельным подтипом. Корректной единицей управленческого анализа выступает не только регион, но и конкретный рейс, место высадки или портовый заход и временной интервал.

Во-вторых, устойчивость не сводится к росту пассажиропотока. Она операционализована через K_{load} , E_{CO_2} , R_{port} , LVR и G_{ready} . Эти показатели не заменяют отраслевые и экологические нормативы, а создают измерительный контур, в котором можно выявлять превышение нагрузки, инфраструктурные сбои, дефицит данных и слабую локализацию экономического эффекта.

В-третьих, одиннадцать частных проблем рационально рассматривать как пять кластеров. Наивысший аналитический приоритет получили институты и данные, экологическая и безопасностная емкость, инфраструктура и логистика. Следовательно, стимулирование спроса до создания измерительного и операционного контура способно усиливать системные ограничения, а не устранять их.

В-четвертых, сравнительный анализ научных кейсов Шпицбергена, канадской Арктики, Исландии и Гренландии подтверждает применимость процедур объектного нормирования, раннего планирования, координации и участия местных сообществ [10–18]. Переносимы прежде всего принципы и процедуры, которые затем калибруются под российские природные территории, порты

и правовой режим; механическое заимствование иностранных числовых лимитов не обосновано.

В-пятых, инфраструктурные рекомендации должны проходить через двойную проверку: экологическую и безопасностную допустимость, а затем экономическую эффективность. Для крупных объектов целесообразно рассматривать механизмы ГЧП и концессий, для малой инфраструктуры – смешанное софинансирование, для локальных сервисов – поддержку малого бизнеса и договорные механизмы закупок. Выбор источника финансирования должен следовать за определением функции проекта, а не предшествовать ей.

В-шестых, предложенная дорожная карта 2027–2030 гг. переводит рекомендации в последовательность действий: стандартизация данных; профилирование экологической и инфраструктурной готовности; инвестиционная проверка; масштабирование; независимая оценка. Перспективой дальнейшего исследования является накопление рейсовых данных, экспертная валидация матрицы приоритетности и переход к статистическому и сценарному моделированию после формирования достаточной выборки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Крузалин В.И., Шабалина Н.В., Никанорова А.Д., и др. Организация круизного туризма в национальном парке «Русская Арктика»: риски и потенциал развития. *Современные проблемы сервиса и туризма*. 2021;15(3):157-169. <https://doi.org/10.24412/1995-0411-2021-3-157-169>
Kruzhalin V.I., Shabalina N.V., Nikanorova A.D., et al. Organization of cruise tourism in National Park “Russian Arctic”: risks and development potential. *Service and Tourism: Current Challenges*. 2021;15(3):157-169. (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/1995-0411-2021-3-157-169>
2. Kruzhalin V., Shabalina N., Kashirina E., et al. Specific Issues of Arctic Cruise Development in the Russian Arctic: the Russian Arctic National Park Case Study. *Anais Brasileiros de Estudos Turísticos*. 2022;12(Special Issue). <https://doi.org/10.5281/zenodo.7151469>
3. Ненашева М.В. Устойчивый круизный туризм в российской Арктике (на примере Соловецкого архипелага). *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2025;84:148-157. <https://doi.org/10.17223/1998863X/84/13>
Nenasheva M.V. Sustainable cruise tourism in the Russian Arctic (case of Solovetsky Archipelago). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*. 2025;84:148-157. (In Russ.) <https://doi.org/10.17223/1998863X/84/13>
4. Кунников А.В. Перспективы развития арктического круизного туризма в западном секторе российской Арктики. *Арктика: экология и экономика*. 2020;(4):130-138. <https://doi.org/10.25283/2223-4594-2020-4-130-138>
Kunnikov A.V. Prospects for the development of Arctic cruise tourism in the western sector of the Russian Arctic. *Arctic: Ecology and Economy*. 2020;(4):130-138. (In Russ.) <https://doi.org/10.25283/2223-4594-2020-4-130-138>
5. Жигунова Г.В., Шарова Е.Н. Барьеры и факторы развития туристического бизнеса в России и Арктике (по результатам экспертного опроса). *Арктика и Север*. 2023;(53):180-201. <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2023.53.180>
Zhigunova G.V., Sharova E.N. Barriers and factors of tourism business development in Russia and the Arctic: based on the results of an expert survey. *Arctic and North*. 2023;(53):180-201. (In Russ.) <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2023.53.180>
6. Князева Г.А., Поротникова Н.А., Антипов В.В., и др. Арктический туризм как драйвер устойчивого развития территории: исследование заинтересованности местных стейкхолдеров Республики Коми. *Арктика и Север*. 2023;(52):180-198. <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2023.52.180>

- Knyazeva G.A., Porotnikova N.A., Antipov V.V., et al. Arctic tourism as a driver of sustainable territorial development: a study of local stakeholders' interest in the Komi Republic. *Arctic and North*. 2023;(52):180-198. (In Russ.) <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2023.52.180>
7. Кондратьева С.В., Шлапеко Е.А., Васильева А.В. Управление развитием туризма в Арктике: федеральный и региональный уровни. *Вестник Поволжского государственного технологического университета. Серия: Экономика и управление*. 2024;(2):18-32. <https://doi.org/10.25686/2306-2800.2024.2.18>
- Kondrateva S.V., Shlapeko E.A., Vasilieva A.V. Tourism development management in the Arctic: federal and regional levels. *Vestnik of Volga State University of Technology. Series: Economics and Management*. 2024;(2):18-32. (In Russ.) <https://doi.org/10.25686/2306-2800.2024.2.18>
8. Ноева Е.Е. Арктический туризм: международный и национальный аспекты, проблемы и особенности развития. *Арктика XXI век*. 2022;(3):35-59. <https://doi.org/10.25587/SVFU.2022.68.59.003>
- Noeva E.E. Arctic tourism: international and national aspects, problems and features of development. *Arctic XXI century*. 2022;3(29):35-59. (In Russ.) <https://doi.org/10.25587/SVFU.2022.68.59.003>
9. Мякшин В.Н., Шапаров А.Е., Тиханова Д.В. Совершенствование оценки туристского потенциала субъектов Арктической зоны РФ. *Экономика региона*. 2021;17(1):235-248. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2021-1-18>
- Myakshin V.N., Shaparov A.E., Tikhanova D.V. Improving the Assessment of the Tourism Potential of the Russian Arctic. *Ekonomika regiona [Economy of region]*. 2021;17(1):235-248. (In Russ.) <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2021-1-18>
10. Van Bets L.K.J., Lamers M.A.J., van Tatenhove J.P.M. Collective self-governance in a marine community: expedition cruise tourism at Svalbard. *Journal of Sustainable Tourism*. 2017;25(11):1583-1599. <https://doi.org/10.1080/09669582.2017.1291653>
11. Dawson J., Johnston M., Stewart E.J. The unintended consequences of regulatory complexity: The case of cruise tourism in Arctic Canada. *Marine Policy*. 2017;76:71-78. <https://doi.org/10.1016/j.marpol.2016.11.002>
12. James L., Olsen L.S., Karlsdóttir A. Sustainability and cruise tourism in the Arctic: stakeholder perspectives from Ísafjörður, Iceland and Qaortoq, Greenland. *Journal of Sustainable Tourism*. 2020;28(9):1425-1441. <https://doi.org/10.1080/09669582.2020.1745213>
13. Lau Y.-Y., Kanrak M., Ng A.K.Y., et al. Arctic region: analysis of cruise products, network structure, and popular routes. *Polar Geography*. 2023;46(2-3):157-169. <https://doi.org/10.1080/1088937X.2023.2182381>
14. Hansen-Magnusson H., Gehrke C. Navigating towards justice and sustainability? Syncretic encounters and stakeholder-sourced solutions in Arctic cruise tourism governance. *The Polar Journal*. 2023;13(2):216-239. <https://doi.org/10.1080/2154896X.2023.2251225>
15. Ólafsdóttir R., Bogadóttir R., Karkut J., et al. Arctic cruise tourism and social license to operate: exploring social acceptance and trust in cruise tourism. *Journal of Land Use Science*. 2024;19(1):170-185. <https://doi.org/10.1080/1747423X.2024.2362733>
16. Persson-Fischier U., Wigger K., Olsen J., et al. Managing cruise volume at Nordic cruise destinations. *Scandinavian Journal of Hospitality and Tourism*. 2025;25(3):283-300. <https://doi.org/10.1080/15022250.2025.2499269>
17. Løseth K., Dannevig H., Sveinsdóttir A.G., et al. Putting brakes on Expedition Cruise Tourism in Svalbard: exercising power at the expense of legitimacy? *Polar Geography*. 2025;48(4):275-298. <https://doi.org/10.1080/1088937X.2025.2506374>
18. Olsen J., Hoarau-Heemstra H., Gonzales Lindberg H., et al. Sustainable Arctic cruise destinations: from challenges to practices. *Journal of Arctic Tourism*. 2026;4(1):1-16. <https://doi.org/10.33112/arctour.4.1.1>

Особенности и изменения в процедурах проведения инвентаризации в условиях реформирования нормативной базы бухгалтерского учета

Клычова Гузалия Салиховна

Казанский государственный аграрный университет,
Казань, Россия

SPIN-код: 3021-4524

kgaukgs@mail.ru

Исхаков Альберт Тагирович

Казанский государственный аграрный университет,
Казань, Россия

SPIN-код: 8109-5732

iat20@yandex.ru

Нуриева Регина Ирековна

Казанский государственный аграрный университет,
Казань, Россия

SPIN-код: 6411-2840

nurieva-kazgau@mail.ru

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Клычова Г.С., Нуриева Р.И., Исхаков А.Т.
Особенности и изменения в процедурах проведения инвентаризации в условиях реформирования нормативной базы бухгалтерского учета. *Исследование проблем экономики и финансов*. 2026;3:315. <https://doi.org/10.31279/REFP-2026-3-315> EDN WOJMET

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ:

авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

ПОСТУПИЛА: 13.04.2026

ДОРАБОТАНА: 05.08.2026

ПРИНЯТА: 12.08.2026

ОПУБЛИКОВАНА ОНЛАЙН: 30.09.2026

COPYRIGHT: © 2026 Клычова Г.С.,
Нуриева Р.И.,
Исхаков А.Т.

АННОТАЦИЯ

До 2025 года в российской учетной практике отсутствовал федеральный стандарт прямого действия, регламентирующий инвентаризацию. Существующие научные исследования фрагментарны и не охватывают комплексную эволюцию нормативного регулирования и концептуальную трансформацию роли инвентаризации. Цель статьи — выявление и систематизация ключевых изменений, обусловленных вступлением в силу ФСБУ 28/2023 «Инвентаризация», а также обоснование перехода к модели инвентаризации как элемента внутреннего контроля. Объект исследования — нормативные акты РФ (ФСБУ 28/2023, Методические указания № 49). Применены системный, сравнительно-правовой, логико-аналитический методы и контент-анализ.

Выявлены пять групп нововведений: изменение правового статуса стандарта и понятийного аппарата; расширение перечня объектов и случаев обязательной инвентаризации; легализация альтернативных способов фиксации (фото-, видеосъемка) и отказ от унифицированных форм; гибкие правила формирования комиссий (кворум 80 %, внешние эксперты); пересмотр оценки излишков (справедливая или балансовая стоимость) и анализа причин недостатков. Обоснована трансформация инвентаризации из эпизодической сверки в непрерывный контрольный механизм.

ФСБУ 28/2023 знаменует смену парадигмы — от формальной констатации расхождений к аналитическому инструменту обеспечения достоверности учета. Разработаны рекомендации по актуализации учетной политики. Результаты полезны бухгалтерам, аудиторам, преподавателям. Перспективные направления — анализ межстандартного взаимодействия и разработка методик цифровой инвентаризации в различных отраслях.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: инвентаризация, стандарты бухгалтерского учета, бухгалтерский учет, внутренний контроль, оценка активов, нормативное регулирование

Features and changes in inventory procedures in the context of reforming the regulatory framework for accounting

Guzaliya S. Klychova

Kazan State Agrarian University, Kazan, Russia

kgaukgs@mail.ru

Albert T. Iskhakov

Kazan State Agrarian University, Kazan, Russia

iat20@yandex.ru

Regina I. Nuriyeva

Kazan State Agrarian University, Kazan, Russia

nurieva-kazgau@mail.ru

TO CITE:

Klychova G.S., Nuriyeva R.I., Iskhakov A.T.
Features and changes in inventory
procedures in the context of reforming
the regulatory framework for accounting.
*Research in Economic and Financial Prob-
lems*. 2026;3:315. (In Russ.) [https://doi.
org/10.31279/REFP-2026-3-315](https://doi.org/10.31279/REFP-2026-3-315)

DECLARATION OF COMPETING

INTEREST: none declared.

RECEIVED: 13.04.2026

REVISED: 05.08.2026

ACCEPTED: 12.08.2026

PUBLISHED ONLINE: 30.09.2026

COPYRIGHT: © 2026 Klychova G.S.,
Nuriyeva R.I.,
Iskhakov A.T.

ABSTRACT

Until 2025, Russian accounting practice lacked a directly applicable federal standard regulating inventory procedures. Existing research is fragmentary and does not comprehensively cover the evolution of regulatory framework or the conceptual transformation of inventory from a formal reconciliation to an internal control tool. The purpose of this article is to identify and systematize key changes introduced by the adoption of Federal Accounting Standard (FAS) 28/2023, and to substantiate the transition to inventory as an element of internal control. The object of the study is Russian regulatory acts (FAS 28/2023, Methodological Guidelines No. 49). The research employs systemic, comparative-legal, logical-analytical methods, as well as content analysis of regulatory texts.

Five groups of innovations are identified: changes in the legal status of the standard and conceptual apparatus; expansion of the list of objects and cases of mandatory inventory; legalization of alternative means of fixing actual availability (photo, video) and abandonment of unified forms; flexible rules for forming commissions (quorum of 80%, involvement of external experts); revision of approaches to surplus valuation (fair value or carrying amount) and analysis of shortage causes. The conceptual transformation of inventory from a periodic reconciliation into a continuous control mechanism integrated into risk management and asset management is substantiated.

FAS 28/2023 marks a paradigm shift — from formal recording of discrepancies to an analytical tool for ensuring accounting reliability and preventing abuse. Practical recommendations for updating accounting policies and internal regulations are developed. The results are useful for accountants, auditors, financial managers, and educators. Promising areas for further research include analysis of inter-standard interaction (with FAS 6/2020, 5/2023, 14/2024) and development of methodological recommendations for digital and remote inventory techniques across various industries.

KEYWORDS: inventory, accounting standards, accounting, internal control, asset valuation, and regulatory control

ВВЕДЕНИЕ

Инвентаризация активов и обязательств является фундаментальной процедурой, обеспечивающей достоверность бухгалтерской (финансовой) отчетности и эффективность внутреннего контроля любой организации, независимо от ее отраслевой принадлежности, масштаба деятельности или страны присутствия. В условиях глобальной цифровизации экономики, усложнения корпоративных структур и усиления требований к прозрачности учетных данных роль инвентаризации выходит далеко за рамки простой сверки фактических остатков с учетными регистрами. Сегодня она рассматривается как критически важный элемент риск-менеджмента, противодействия мошенничеству и обеспечения инвестиционной привлекательности бизнеса. Однако, несмотря на универсальность данной процедуры, правовые и методические подходы к ее проведению существенно различаются в разных юрисдикциях, что создает дополнительные вызовы для компаний, аудиторских сетей и специалистов, работающих с международными стандартами финансовой отчетности (МСФО). В этом контексте реформа российского учетного регулирования, в частности принятие Федерального стандарта бухгалтерского учета ФСБУ 28/2023 «Инвентаризация», утвержденного приказом Минфина России от 13.01.2023 № 4н¹, представляет не только национальный, но и значимый международный интерес как пример перехода от устаревших отраслевых инструкций к системному стандарту прямого действия.

Анализ современных научных публикаций и практических исследований показывает, что основное внимание ученых и регуляторов сосредоточено на трех ключевых направлениях. Первое — это гармонизация национальных учетных систем с МСФО, где инвентаризация все чаще рассматривается как инструмент подтверждения справедливой стоимости активов и тестирования на обесценение. Второе направление связано с внедрением цифровых технологий: ученые исследуют возможности использования RFID-меток, дронов, блокчейн-технологий и дистанционных методов инвентаризации (например, фото- и видеосъемка), что особенно актуально для географически распределенных активов. Третье направление посвящено интеграции инвентаризации в систему непрерывного внутреннего контроля, когда процедура перестает быть эпизодическим событием в конце года и становится частью повседневных бизнес-процессов.

Большинство отечественных исследователей внесли существенный вклад в анализ отдельных положений ФСБУ 28/2023, однако их работы были сфокусированы либо на формальном перечислении изменений, либо на узких аспектах (например, документооборот или оценка излишков). Так, например, Е. К. Копылова и др. [1] отмечают, что принятие ФСБУ 28/2023 не приведет к кардинальным изменениям или модернизации существующих методов проведения инвентаризации. По их мнению, главное новшество стандарта — это появление новой терминологии, легализация альтернативных способов выявления фактического наличия объектов (например, фото- и видеосъемка), а также уточнение правил оценки результатов инвентаризации и порядка их признания в бухгалтерском учете.

Как отмечает Е. Е. Голова, новый принятый стандарт не является революционным — он не вносит кардинально новых правил, а систематизирует и закрепляет на законодательном уровне те понятия, правила и требования, которые ранее фактически применялись в учете, но не были прописаны в нормативных документах [2].

В ходе своего исследования, посвященного вопросам бухгалтерского учета инвентаризации, А. А. Никитина и др. [3] выявляют ключевые различия в терминологии, принципах оценки, признания и списания запасов, что позволяет глубже понять влияние каждого из стандартов на формирование финансовой отчетности и финансовую устойчивость предприятий. На основе проведенного анализа авторы обсуждают последствия перехода на новый российский стандарт и предлагают рекомендации по его эффективной интеграции в учетную практику для обеспечения надежности и прозрачности финансовой информации.

Инвентаризация является ключевым инструментом обеспечения качества учетной информации, поскольку позволяет подтвердить достоверность данных бухгалтерского учета и отчетности. Инвентаризация — это не просто обязательная процедура, а один из важнейших этапов учетного процесса, обеспечивающий соответствие учетных данных фактическому состоянию активов и обязательств организации [4].

Несмотря на наличие ряда публикаций, в существующей научной литературе сохраняется значительный пробел. Во-первых, отсутствует комплексное исследование, которое одновременно охватывало бы эволюцию нормативного регулирования инвентаризации в России, системное сравнение нового стандарта с предшествующими методическими указаниями (1995 г.) и практи-

¹ Приказ Минфина России от 13.01.2023 № 4н «Об утверждении Федерального стандарта бухгалтерского учета ФСБУ 28/2023 «Инвентаризация» (Зарегистрировано в Минюсте России 05.04.2023 № 72888). / Консультант Глос. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_443995/

ческие рекомендации по адаптации учетной политики. Во-вторых, недостаточно раскрыта концептуальная трансформация роли инвентаризации — из формальной процедуры «для галочки» в действенный механизм внутреннего контроля, интегрированный в управление активами и обязательствами. В-третьих, практически не анализируется влияние ФСБУ 28/2023 на межстандартное взаимодействие (например, с ФСБУ 6/2020 «Основные средства»² и ФСБУ 5/2023 «Запасы»³) и на возможности использования альтернативных способов инвентаризации (фото-, видеосъемка, дистанционная проверка), что особенно актуально в эпоху удаленной работы и цифровой экономики.

Анализ действующих положений стандарта и основных изменений в процедурах инвентаризации

В отличие от предшествующих работ, в которых доминировал либо сугубо юридический, либо узко технический подход, наше исследование предлагает системный взгляд на инвентаризацию как на сквозную контрольную функцию, интегрированную в общую архитектуру бухгалтерского регулирования. Мы не только фиксируем изменения, введенные ФСБУ 28/2023, но и анализируем их логику, взаимосвязь с другими федеральными стандартами и возможности для оптимизации учетных процессов. Особое внимание уделяется новеллам, которые имеют наибольший практический потенциал: легализация альтернативных способов фиксации наличия, отказ от унифицированных форм документов, гибкий подход к формированию инвентаризационных комиссий и переосмысление периодичности проверок. Такой подход позволяет представить инвентаризацию не как обременительную обязанность, а как источник полезной управленческой информации.

Целью настоящей статьи является выявление и систематизация ключевых особенностей и изменений в процедуре проведения инвентаризации, обусловленных вступлением в силу ФСБУ 28/2023, а также обоснование концептуального перехода от формальной сверки наличия к модели инвентаризации как инструмента внутреннего контроля.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

1. Проанализировать эволюцию нормативного регулирования инвентаризации в Российской Федерации от Методических указаний № 49 до ФСБУ 28/2023.
2. Выявить концептуальные нововведения в понятийном аппарате, составе объектов инвентаризации и перечне обязательных случаев ее проведения.
3. Сравнить требования к оформлению результатов, оценке излишков и списанию недостач по новому и старому порядку.
4. Раскрыть роль альтернативных способов инвентаризации (фото-, видеосъемка, дистанционная проверка) и возможность их закрепления в учетной политике.
5. Обосновать новую парадигму инвентаризации как элемента системы внутреннего контроля, интегрированного в текущую деятельность организации.
6. Сформулировать практические рекомендации для организаций по адаптации учетной политики и внутренней документации в связи с принятием ФСБУ 28/2023.

Решение указанных задач позволит не только систематизировать теоретические знания о новом стандарте, но и предложить практические ориентиры для бухгалтеров, аудиторов, финансовых менеджеров и преподавателей учетных дисциплин как в России, так и в других странах, сталкивающихся с аналогичными процессами реформирования контроля активов.

В основе исследования лежит системный подход к анализу нормативно-правового регулирования инвентаризации, предполагающий рассмотрение ФСБУ 28/2023 во взаимосвязи с иными федеральными стандартами и ранее действовавшими методическими указаниями. Применен сравнительно-правовой метод, позволивший выявить концептуальные различия между Методическими указаниями № 49⁴ и новым стандартом — в части понятийного аппарата, состава объектов, обязательных случаев и порядка оформления результатов инвентаризации. Метод логического обобщения использован для группировки ключевых нововведений по пяти основным направлениям: формирование комиссии, фиксация наличия, документооборот, периодичность проверок и отражение результатов. С помощью метода контент-анализа нормативных текстов (ФСБУ 28/2023, приказов Минфина России) выделены императивные и диспозитивные нормы, определяющие степень свободы организации при формировании учетной политики. Кроме того,

² Приказ Минфина России от 17.09.2020 № 204н (ред. от 30.05.2022) «Об утверждении Федеральных стандартов бухгалтерского учета ФСБУ 6/2020 «Основные средства» и ФСБУ 26/2020 «Капитальные вложения» (Зарегистрировано в Минюсте России 15.10.2020 № 60399). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_365338/

³ Приказ Минфина России от 15.11.2019 № 180н «Об утверждении Федерального стандарта бухгалтерского учета ФСБУ 5/2019 «Запасы» (вместе с «ФСБУ 5/2019...») (Зарегистрировано в Минюсте России 25.03.2020 № 57837). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_348523/

⁴ Приказ Минфина РФ от 13.06.1995 № 49 (ред. от 08.11.2010) «Об утверждении Методических указаний по инвентаризации имущества и финансовых обязательств». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7152/

применен метод аналитического синтеза, позволивший на основе частных изменений сформулировать вывод о трансформации роли инвентаризации из формальной сверки в инструмент внутреннего контроля.

Инвентаризация — процедура, знакомая каждому бухгалтеру с первых дней профессиональной деятельности. До недавнего времени казалось, что порядок ее проведения изучен досконально, закреплён многолетней практикой и регламентирован привычными методическими указаниями. Однако 1 апреля 2025 года ознаменовало собой начало новой эпохи в регулировании этого процесса: вступил в силу Федеральный стандарт бухгалтерского учета ФСБУ 28/2023 «Инвентаризация», утвержденный приказом Минфина России от 13.01.2023 № 4н ⁵.

Примечательно, что до принятия данного стандарта у инвентаризации отсутствовало собственное Положение по бухгалтерскому учету (ПБУ) или федеральный стандарт. Мероприятия проводились на основании Методических указаний № 49, утвержденных Минфином России еще в 1995 году. Более того, специалисты финансового ведомства неоднократно подчеркивали, что этот документ не носит обязательного нормативно-правового характера, а является рекомендательным. Почти тридцать лет — внушительный срок для документа, не имевшего официального статуса федерального стандарта. За это время бухгалтерское законодательство претерпело кардинальные изменения: принят Федеральный закон № 402-ФЗ «О бухгалтерском учете» ⁶, разработана и внедрена система федеральных стандартов, произошло сближение с международными подходами к формированию отчетности.

В этой связи принятие ФСБУ 28/2023 представляется не просто формальным обновлением, а долгожданной кодификацией требований к инвентаризации в едином документе прямого действия. Как справедливо отмечают исследователи, российский стандарт инвентаризации уникален, поскольку не имеет прямого аналога в международных стандартах финансовой отчетности. Важно подчеркнуть, что ФСБУ 28/2023 разрабатывался в контексте общей реформы бухгалтерского учета, стартовавшей с принятием Федерального закона № 402-ФЗ. Замена устаревших отраслевых инструкций системой федеральных стандартов, сближенных с МСФО, стала

стратегическим ориентиром Минфина России на протяжении последнего десятилетия. Однако, как справедливо отмечают авторы научных исследований, процесс этот оказался длительным и непростым: только к 2025 году сформирован достаточно полный комплект документов, регулирующих ключевые участки учетной работы [5]. Инвентаризация в этом ряду занимает особое место — будучи процедурой, пронизывающей все без исключения объекты учета, она долгое время оставалась белым пятном в системе нормативного регулирования. Ситуация, при которой порядок проведения столь значимого мероприятия определялся документом, не имевшим статуса федерального стандарта, создавала определенную правовую неопределенность. Принятие ФСБУ 28/2023 эту неопределенность устранило, что само по себе является значимым достижением законодателя. Исходя из этого анализ содержания стандарта представляет интерес не только для практикующих бухгалтеров, но и для исследователей, изучающих эволюцию российской учетной системы. Данное обстоятельство делает его изучение особенно актуальным как с теоретической, так и с прикладной точек зрения.

Ключевое изменение, с которого начинается осмысление нового стандарта, лежит в плоскости правового статуса документа. Если ранее бухгалтеры руководствовались Методическими указаниями по инвентаризации имущества и финансовых обязательств (приказ Минфина России от 13.06.1995 № 49) ⁷, которые носили рекомендательный характер, то ФСБУ 28/2023 является обязательным к применению для всех экономических субъектов (за исключением организаций бюджетной сферы и случаев инвентаризации драгоценных металлов и камней).

Приказом Минфина России от 27.04.2023 № 189 ⁸ установлено, что с 1 апреля 2025 года Методические указания № 49 утрачивают силу. Это означает, что ссылки на старый порядок в учетной политике, локальных актах, а также в формах инвентаризационных описей и актов должны быть заменены ссылками на ФСБУ 28/2023. Формальный, на первый взгляд, шаг имеет глубокий практический смысл: любой спорный вопрос, возникающий в ходе инвентаризации, теперь разрешается на основе норм федерального стандарта, а не документа, созданного в иной экономической реальности.

⁵ Приказ Минфина России от 13.01.2023 № 4н «Об утверждении Федерального стандарта бухгалтерского учета ФСБУ 28/2023 «Инвентаризация» (Зарегистрировано в Минюсте России 05.04.2023 № 72888). КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_443995/

⁶ Федеральный закон «О бухгалтерском учете» от 06.12.2011 № 402-ФЗ (последняя редакция). КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_122855/

⁷ Приказ Минфина России от 27.04.2023 № 189 «О признании утратившими силу некоторых приказов Министерства финансов Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_497519/ (дата обращения: 22.03.2026).

⁸ Приказ Минфина России от 27.04.2023 № 189 «О признании утратившими силу приказа Министерства финансов Российской Федерации от 13 июня 1995 г. № 49 и отдельного положения приказа Министерства финансов Российской Федерации от 8 ноября 2010 г. № 142н». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_447128/

Организациям предоставлено право досрочного применения стандарта начиная с 2023 года. Однако, как подчеркивает Минфин России в информационном сообщении № ИС-учет-44⁹, инвентаризация перед составлением годовой бухгалтерской отчетности за 2024 год проводилась по «старым» правилам, если организация не приняла решение о досрочном переходе. Таким образом, 2025 год стал точкой бифуркации, после которой единообразие практики применения стало неизбежным.

Взаимосвязь ФСБУ 28/2023 с другими федеральными стандартами бухгалтерского учета

Дело в том, что инвентаризация не существует изолированно — она тесно связана с правилами признания и оценки активов и обязательств, установленными в ФСБУ 5/2023 «Запасы»¹⁰, ФСБУ 6/2020 «Основные средства»¹¹, ФСБУ 14/2024 «Нематериальные активы»¹² и ряде других стандартов. Например, в ФСБУ 6/2020 прямо указано, что переоценка основных средств может проводиться только по результатам инвентаризации. Аналогичные отсылки содержатся и в ФСБУ 14/2024 в отношении нематериальных активов. Это свидетельствует о формировании целостной системы взаимосвязанных нормативных актов, в рамках которой инвентаризация выступает не просто контрольной процедурой, а необходимым условием для реализации иных учетных алгоритмов. Синхронизация требований

различных стандартов позволяет избежать противоречий и обеспечивает единообразие практики применения. В этой связи методически верным представляется подход, при котором организация разрабатывает положение об инвентаризации не обособленно, а в увязке с учетной политикой в целом, учитывая особенности признания, оценки и выбытия отдельных видов активов.

Актуализация учетной политики организаций в связи с вступлением стандарта

В связи с вступлением в силу ФСБУ 28/2023 (с 01.04.2025) организации обязаны актуализировать учетную политику в части инвентаризации. Ранее действовавшие нормы (например, Методические указания № 49) утрачивают силу, поэтому ссылки на них необходимо удалить.

Стандарт не требует унифицированных форм документов — организация вправе самостоятельно утверждать описи, акты и сличительные ведомости. Также допустимо использование альтернативных способов фиксации фактического наличия активов (фото-, видеосъемка), что повышает прозрачность инвентаризации.

В учетной политике следует закрепить правила формирования инвентаризационной комиссии, ее количественный состав и обязательное присутствие не менее 80 % членов. При штате меньше 2 человек комиссию можно не создавать — этот нюанс также рекомендуется отразить.

Таблица 1
Рекомендации по отражению требований ФСБУ 28/2023 в учетной политике

Table 1
Recommendations for Reflecting the Requirements of FASB 28/2023 in Accounting Policies

Раздел / Элемент учетной политики	Что рекомендовано отразить/изменить в связи с ФСБУ 28/2023	Обоснование/Особенности
Дата перехода на стандарт	Указать, что организация применяет ФСБУ 28/2023 с 01.04.2025 (или досрочно — с 01.01.2025)	Если инвентаризация проводится чаще 1 раза в год (ежемесячно, ежеквартально), во избежание противоречий внутри отчетного периода лучше перейти на новый стандарт с начала года — 01.01.2025
Документооборот и формы документов	Утвердить в приложении к учетной политике новые формы документов, применяемых при инвентаризации: описи, акты, сличительные ведомости	ФСБУ 28/2023 не устанавливает унифицированных форм. Разрешено использовать собственные формы (в т. ч. доработанные старые бланки Госкомстата)

⁹ Информационное сообщение Минфина России от 26.03.2024 № ИС-учет-50 «Новый порядок бухгалтерской отчетности». Режим доступа: Информационное сообщение Минфина России от 26.03.2024 № ИС-учет-50 «Новый порядок бухгалтерской отчетности» \ Консультант-Плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_473001/

¹⁰ Приказ Минфина России от 15.11.2019 № 180н «Об утверждении Федерального стандарта бухгалтерского учета ФСБУ 5/2019 «Запасы» (вместе с «ФСБУ 5/2019...») (Зарегистрировано в Минюсте России 25.03.2020 № 57837). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_348523/

¹¹ Приказ Минфина России от 17.09.2020 № 204н (ред. от 30.05.2022) «Об утверждении Федеральных стандартов бухгалтерского учета ФСБУ 6/2020 «Основные средства» и ФСБУ 26/2020 «Капитальные вложения» (Зарегистрировано в Минюсте России 15.10.2020 № 60399). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_365338/

¹² Приказ Минфина России от 30.05.2022 № 86н «Об утверждении Федерального стандарта бухгалтерского учета ФСБУ 14/2022 «Нематериальные активы» (Зарегистрировано в Минюсте России 28.06.2022 № 69031). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_420322/

Продолжение

Раздел / Элемент учетной политики	Что рекомендовано отразить/изменить в связи с ФСБУ 28/2023	Обоснование/Особенности
Исключение устаревших норм	Удалить ссылки на утратившие силу Методические указания по инвентаризации (Приказ Минфина № 49) и нормы, противоречащие новому ФСБУ	Например, исключить правило о безусловной недействительности результатов инвентаризации из-за отсутствия одного из членов комиссии
Создание инвентаризационной комиссии	Закрепить правила формирования состава комиссии, порядок ее работы и требования к кворуму	Не менее 80 % членов комиссии должны присутствовать при проверке (подп. 21 ФСБУ 28/2023). В штате ≤ 2 человек комиссию можно не создавать
Способы определения фактического наличия активов	Включить в УП порядок применения способов: подсчет, взвешивание, обмер, а также возможность использования фото- и видеосъемки	ФСБУ 28/2023 допускает альтернативные способы проверки, включая фото- и видеофиксацию (подп. «а» п. 4)
Сроки и периодичность инвентаризации	Закрепить периодичность проведения инвентаризации (обязательные случаи и добровольные), сроки представления результатов	Стандарт требует проведения инвентаризации перед составлением годовой отчетности, а также при смене МОЛ, передаче активов в аренду и т. д. (п. 15 ФСБУ 28/2023)
Отражение результатов инвентаризации в учете	Указать порядок отражения выявленных излишков и недостач, в том числе порядок зачета пересортицы	Результаты отражаются в том отчетном периоде, к которому относится дата инвентаризации (п. 10–12 ФСБУ 28/2023)
Применение фото- и видеосъемки	Прописать случаи, в которых будет использоваться фото- или видеосъемка для фиксации фактического наличия активов (подп. «а» п. 4 ФСБУ 28/2023)	Помогает подтвердить результаты проверки при отсутствии членов комиссии или в труднодоступных местах
Редкая инвентаризация основных средств	Возможность устанавливать более редкую (чем годовая) инвентаризацию для отдельных групп ОС (подп. «а» п. 15 ФСБУ 28/2023)	Применяется при условии, что сохранность активов и достоверность учета обеспечены иными способами контроля
Несколько рабочих комиссий	Закрепить право создавать несколько инвентаризационных комиссий для параллельной проверки разных подразделений (п. 19 ФСБУ 28/2023)	Ускоряет процесс при большом объеме активов или территориальной распределенности
Отдельное Положение об инвентаризации	Рекомендуется разработать и утвердить отдельный внутренний документ — Положение об инвентаризации, а в учетной политике сделать на него отсылку	Позволяет не перегружать текст учетной политики, сохраняя гибкость при внесении изменений

Помимо обязательной годовой инвентаризации перед составлением отчетности ФСБУ 28/2023 позволяет устанавливать более редкие проверки для отдельных групп основных средств (при условии обеспечения сохранности иными способами). Учетная политика должна четко определить такие случаи и сроки. Рекомендации, обоснованные нами в части отражения информации об особенностях проведения инвентаризации в учетной политике, приведены в таблице 1.

Переход на ФСБУ 28/2023 требует не формальной замены номеров документов, а содержательной доработки учетной политики с учетом новых прав (фото/видео, несколько комиссий, собственные формы) и новых обязанностей (кворум 80 %, документирование альтернативных способов).

Понятийный аппарат стандарта

Одним из наиболее значимых достижений нового стандарта является введение и нормативное закрепление понятийного аппарата. За почти тридцатилетний период, разделяющий два документа, бухгалтерское сообщество привыкло оперировать терминами, многие из которых не имели официального определения. ФСБУ 28/2023 устраняет этот пробел.

Стандарт вводит понятие «объекты инвентаризации», которое охватывает не только активы и обязательства, но и источники финансирования деятельности организации, объекты бухгалтерского учета, отражаемые на забалансовых счетах, а также — что особенно важно — имущество, имущественные права и обязательства, не учтенные организацией. Расширение перечня объектов свидетельствует о стремлении законодателя обеспечить полноту охвата всех элементов, которые могут оказывать влияние на финансовое положение организации.

Помимо этого, стандарт легитимирует понятия «фактическое наличие объектов инвентаризации» (определяемое путем установления действительного существования объектов, оценки их состояния и обоснованности нахождения в организации), «документы инвентаризации», «срок проведения инвентаризации». Впервые на нормативном уровне закреплено понятие «материально ответственные лица», к которым отнесены работники, на которых возложена материальная ответственность, а также руководители и члены коллектива (бригады) при коллективной (бригадной) материальной ответственности [6; 7].

Подобная детализация не является излишней. Она создает основу для единообразного толкования процедурных моментов и минимизирует риск разночтений, которые ранее могли возникать при проведении инвентаризации в сложных организационных структурах [8].

ФСБУ 28/2023 сохранил традиционные случаи обязательного проведения инвентаризации, установленные ранее, но существенно их дополнил. В числе обязательных случаев по-прежнему остаются: составление годовой бухгалтерской отчетности, смена материально ответственных лиц, выявление фактов хищения или порчи имущества, чрезвычайные ситуации, реорганизация и ликвидация.

Однако перечень пополнился новыми обстоятельствами. В соответствии с подпунктом «б» пункта 15 ФСБУ 28/2023, инвентаризация теперь обязательна при возврате активов, передаче их в управление или в безвозмездное пользование, а также при отчуждении активов. Исключение сделано для случаев, когда передача и возврат активов являются обычной деятельностью организации.

Это дополнение имеет принципиальное значение для компаний, активно использующих арендные отношения, передачу имущества в доверительное управление или безвозмездное пользование. Ранее такие операции не всегда сопровождалась инвентаризацией, что создавало риски расхождения данных учета с фактическим наличием активов на момент передачи или возврата.

Важно отметить, что разработчики стандарта, осознавая потенциальную избыточность требований в случае регулярных операций, предусмотрели исключение для обычной деятельности. Как разъяснено в Рекомендации БМЦ Р-159/2024-КпР «Инвентаризационные процедуры в процессе деятельности»¹³, если при передаче имущества составляются документы (акты приема-передачи), содержащие все обязательные реквизиты, такие документы могут быть приравнены к инвентаризационным. Это разумный компромисс между требованием полноты контроля и необходимостью избежать избыточной бюрократизации хозяйственных процессов. Опираясь на вышесказанное, следует отметить, что новое регулирование существенно корректирует и периодичность проведения инвентаризации. Если ранее в пункте 27 Положения по ведению бухгалтерского учета и бухгалтерской отчетности (утвержденного приказом Минфина

России от 29.07.1998 № 34н)¹⁴ содержалось требование о проведении инвентаризации перед составлением годовой отчетности не ранее 1 октября отчетного года, то ФСБУ 28/2023 такой жесткой привязки к календарным срокам не содержит. Стандарт лишь указывает на обязательность проведения инвентаризации при составлении годовой бухгалтерской отчетности, оставляя организации право самостоятельно определить дату (период) ее проведения в рамках утвержденного графика документооборота. Это изменение предоставляет организациям дополнительную гибкость и позволяет планировать инвентаризационные мероприятия с учетом отраслевой специфики, сезонности деятельности и организационной структуры. Например, организации розничной торговли могут проводить инвентаризацию в периоды наименьшей деловой активности (январь – февраль), тогда как сельскохозяйственные предприятия — после завершения уборочной кампании. Подобная децентрализация принятия решений в вопросах установления конкретных сроков представляется оправданной и соответствует общему вектору развития бухгалтерского регулирования, ориентированному на расширение сферы профессионального суждения.

Пожалуй, наиболее заметным нововведением, вызывающим живой интерес профессионального сообщества, стало легальное закрепление альтернативных способов выявления фактического наличия объектов. Подпункт «а» пункта 4 ФСБУ 28/2023 устанавливает, что наряду с традиционными методами (подсчет, взвешивание, обмер, осмотр) организация вправе использовать фото- и видеосъемку.

Это положение открывает широкие возможности для инвентаризации объектов, доступ к которым затруднен. В качестве примера можно привести подземные коммуникации (трубопроводы, кабельные линии), удаленные объекты недвижимости, имущество, находящееся в пользовании дистанционных сотрудников. Как отмечается в Рекомендации Р-158/2024-КпР «Альтернативный способ инвентаризации», если объект невозможно увидеть физически, можно зафиксировать результаты его функционирования – например, подача воды подтверждает существование водопроводных труб¹⁵.

Дистанционная инвентаризация, которая ранее допускалась лишь в качестве исключения на основе рекомендаций Фонда «НРБУ «БМЦ»» (Р-127/2021-КпР),

¹³ Рекомендация Р-159/2024-КпР «Инвентаризационные процедуры в процессе деятельности» (принята Комитетом по рекомендациям 2024 г.) [Электронный ресурс]. URL: https://bmcenter.ru/r-kpr_iinventarizacionniye_prozeduri_v_processe_deyatelnosti/?ysclid=mu6vsn-n34p781085412 (дата обращения: 22.03.2026).

¹⁴ Приказ Минфина России от 29.07.1998 № 34н (ред. от 11.04.2018) «Об утверждении Положения по ведению бухгалтерского учета и бухгалтерской отчетности в Российской Федерации» (Зарегистрировано в Минюсте России 27.08.1998 № 1598). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_20081/

¹⁵ Рекомендация Р-158/2024-КпР «Альтернативный способ инвентаризации» (принята Комитетом по рекомендациям 2024 г.) [Электронный ресурс]. URL: https://bmcenter.ru/r-kpr_alternativniy_sposob_inventarizacii/?ysclid=mu6vuccobc749734010 (дата обращения: 22.03.2026).

теперь получила полноценное нормативное признание¹⁶. Организациям, принявшим решение об использовании альтернативных способов, необходимо закрепить их в учетной политике и положении об инвентаризации, определив перечень объектов, проверяемых в особом порядке, и порядок фиксации результатов.

В контексте цифровизации экономики это нововведение выглядит особенно своевременным. Оно позволяет адаптировать процедуру инвентаризации к реалиям удаленной работы, территориально распределенных структур и сложных технологических объектов. В контексте рассмотрения альтернативных способов нельзя обойти вниманием и вопрос о документировании результатов такой инвентаризации. ФСБУ 28/2023 в пункте 31 устанавливает, что результаты инвентаризации оформляются документами инвентаризации, формы которых разрабатываются организацией самостоятельно, если иное не установлено законодательством Российской Федерации. Это положение открывает широкие возможности для применения электронного документооборота и использования унифицированных форматов фиксации результатов фото- и видеосъемки. Организация вправе утвердить такие формы в приложении к учетной политике, определив порядок привязки цифровых изображений к конкретным инвентаризационным описям. Примечательно, что рекомендации БМЦ Р-158/2024-КпР допускают формирование единого документа, содержащего как текстовое описание, так и ссылки на фото- или видеоматериалы, хранящиеся в электронном архиве организации. Такой подход позволяет обеспечить надлежащую доказательную базу при минимальных временных затратах. Вместе с тем важно понимать, что применение альтернативных способов не освобождает организацию от необходимости обеспечения сохранности и доступности таких материалов в течение установленных сроков хранения документов инвентаризации (не менее пяти лет после отчетного года, в котором проводилась инвентаризация).

Порядок формирования и функционирования инвентаризационной комиссии

ФСБУ 28/2023 вносит существенные изменения в порядок формирования инвентаризационной комиссии,

предоставляя организациям большую гибкость. В соответствии с пунктом 22 стандарта, комиссия может не создаваться в следующих случаях:

- если работниками организации являются только руководитель и главный бухгалтер (либо только руководитель);
- если инвентаризация проводится аудиторской организацией или индивидуальным аудитором по договору;
- если инвентаризация проводится ревизионной комиссией организации (при условии, что уставом предусмотрено создание такого органа и на него возложены соответствующие полномочия) [9; 10].

При большом объеме работ допускается создание нескольких инвентаризационных комиссий с распределением обязанностей между ними [11]. Это особенно актуально для крупных организаций с разветвленной структурой и разнородными активами.

Вместе с тем стандарт ужесточает требования к численному составу комиссии. Если при проведении инвентаризации отсутствует одна пятая и более членов комиссии, результаты признаются недействительными¹⁷. Необходимо отметить, что материально ответственные лица по-прежнему не могут входить в состав комиссии.

Эти изменения направлены на обеспечение объективности и независимости результатов инвентаризации. Четкое определение кворума (более 80 % членов комиссии) исключает возможность ситуаций, когда инвентаризация проводится в отсутствие значительной части ее участников, что могло бы поставить под сомнение достоверность выводов¹⁸. Нельзя не сказать и о том, что ФСБУ 28/2023 впервые на нормативном уровне закрепляет возможность привлечения к инвентаризации независимых специализированных организаций. Пункт 24 стандарта предусматривает, что для проведения инвентаризации могут привлекаться аудиторские организации, индивидуальные аудиторы, а также иные лица, обладающие необходимой квалификацией. Это положение особенно актуально для организаций, не имеющих в штате достаточного количества квалифицированных специалистов для проведения инвентаризации сложных или специфических объектов (например, биологических активов, объектов интеллектуальной собственности, сложных финансовых инструментов). Привлечение внешних экспертов позволяет повысить объективность и достовер-

¹⁶ Рекомендация Р-127/2021-КпР «Дистанционная инвентаризация» (принята Комитетом по рекомендациям 20.05.2021) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PBI&n=288379#FxySZVY2nslEc07> (дата обращения: 22.03.2026).

¹⁷ Письмо Минфина России от 02.02.2024 № 07-01-09/8662 «О формировании инвентаризационной комиссии» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kontur-extern.ru/info/normativ/document/8/467110-pismo-minfina-rf-ot-02-02-2024-n-07-01-09-8662> (дата обращения: 22.03.2026).

¹⁸ Рекомендация Р-120/2020-КпР «Активы, выявленные в результате инвентаризации» (принята Комитетом по рекомендациям 2020 г.) [Электронный ресурс]. URL: https://bmcenter.ru/r_kpr_ocenks_imushestva_pri_inventarizacii/?ysclid=mu6vxc8ldc199408906 (дата обращения: 22.03.2026).

ность результатов инвентаризации, снизить риски, связанные с конфликтом интересов. Вместе с тем стандарт не снимает с руководителя организации ответственности за организацию и проведение инвентаризации — именно он утверждает состав комиссии (включая привлекаемых специалистов), определяет сроки и порядок проведения. Таким образом, внешние специалисты действуют в рамках полномочий, делегированных им руководителем, и несут ответственность за достоверность результатов в пределах, установленных договором [12; 13].

Особенности инвентаризации активов и обязательств

ФСБУ 28/2023 пересматривает принципы оценки активов, выявленных в ходе инвентаризации. Ранее, согласно пункту 5.1 Методических указаний № 49, излишки учитывались по рыночной стоимости. Новый стандарт предлагает альтернативу: излишки могут оцениваться по справедливой стоимости либо по балансовой стоимости (во втором случае допускается использование стоимости аналогичных активов).

Выбор между этими вариантами должен быть закреплен в учетной политике организации. Следует учитывать, что понятие «справедливая стоимость» является более широким и гибким по сравнению с «рыночной стоимостью», что соответствует концептуальным подходам МСФО.

Еще более существенные изменения касаются квалификации результатов инвентаризации. Пункт 9 ФСБУ 28/2023 обязывает комиссию не просто констатировать излишки или недостатки, а проводить анализ:

- возможности использования активов, оказавшихся испорченными (поврежденными);
- наличия пересортицы;
- оснований для возмещения недостатка;
- признания дебиторской задолженности сомнительной или безнадежной.

Таким образом, инвентаризация перестает быть простой процедурой подсчета и превращается в аналитический инструмент, позволяющий оценивать качество активов и обоснованность их отражения в учете.

Особого внимания заслуживает разъяснение, данное в Рекомендации Р-120/2020-КлР «Активы, выявленные в результате инвентаризации»: излишек следует рассматривать не как результат текущей хозяйственной операции, а как ошибку прошлых периодов. Соответственно, порядок отражения в учете зависит от существенности суммы. Если ошибка незначительна, она исправляется в периоде обнаружения; если существенна — требуется пересчет сравнительных показателей бухгалтерской отчетности.

Помимо изменений в оценке излишков ФСБУ 28/2023 уточняет и порядок списания недостатков. В соответствии с пунктом 10 стандарта, недостача и (или) порча активов подлежат списанию с бухгалтерского учета, при этом сумма ущерба, подлежащая возмещению виновными лицами, определяется в порядке, установленном законодательством Российской Федерации. Принципиально важным является положение о том, что если виновные лица не установлены или судом отказано во взыскании с них ущерба, то убытки от недостачи и порчи списываются на финансовые результаты организации. Ранее аналогичные нормы содержались в Методических указаниях № 49, однако их статус не позволял однозначно трактовать их в качестве императивных. В новом стандарте эти правила приобрели силу федерального регулятива. Кроме того, стандарт вводит требование о необходимости анализа причин возникновения недостатков и разработки мер по их предотвращению в будущем (пункт 9). Это положение напрямую корреспондирует с пониманием инвентаризации как инструмента внутреннего контроля, о чем речь пойдет далее. По сути, законодатель ожидает от организации не только констатации факта недостатка, но и системной работы по выявлению причин ее возникновения и устранению порождающих их факторов.

Пожалуй, наиболее глубокий концептуальный сдвиг, заложенный в ФСБУ 28/2023, заключается в переосмыслении роли инвентаризации. Стандарт рассматривает ее не как изолированное мероприятие, проводимое по окончании отчетного периода, а как элемент системы внутреннего контроля, интегрированный в текущую деятельность организации.

Статья 19 Федерального закона № 402-ФЗ устанавливает обязанность организации осуществлять внутренний контроль совершаемых фактов хозяйственной жизни. Инвентаризация, согласно новой логике, является одним из инструментов такого контроля. Цели и задачи инвентаризации в целом схожи с целями и задачами внутреннего контроля.

Практическое значение этого подхода заключается в том, что ряд процедур, ранее проводимых в рамках инвентаризации, целесообразно осуществлять в текущем режиме. Тесты на обесценение, пересмотр элементов амортизации, оценку справедливой стоимости рекомендуется проводить за рамками инвентаризации [14]. В таком случае при проведении самой инвентаризации достаточно проверить только те вопросы, которые не охвачены текущими процедурами внутреннего контроля [14].

Такой подход позволяет «разнести» инвентаризацию во времени, снижая нагрузку на бухгалтерскую службу в конце отчетного периода и обеспечивая более равномерное распределение контрольных процедур. Это осо-

бенно актуально для организаций со сложной структурой активов и большим объемом операций. Развивая тезис о внутреннем контроле, следует обратить внимание на взаимосвязь ФСБУ 28/2023 с требованиями к организации системы внутреннего контроля, установленными в иных нормативных актах. В частности, Федеральный закон № 402-ФЗ в статье 19 устанавливает, что экономический субъект обязан организовать и осуществлять внутренний контроль совершаемых фактов хозяйственной жизни. При этом для организаций, подлежащих обязательному аудиту, возникает также обязанность организовать внутренний контроль ведения бухгалтерского учета и составления бухгалтерской отчетности (за исключением случаев, когда руководитель организации принял обязанность ведения бухгалтерского учета на себя). Инвентаризация в этой системе выступает одним из ключевых элементов контрольной среды — наряду с докумен-

тооборотом, инвентаризацией, автоматизацией учетных процессов и иными процедурами. Как обоснованно отмечается в исследовании А. Г. Торосян, именно инвентаризация позволяет верифицировать данные бухгалтерского учета, выявив не только ошибки, но и факты злоупотреблений [15]. Более того, регулярное проведение инвентаризации оказывает превентивное воздействие на материально ответственных лиц, снижая риски хищений. В этом контексте ФСБУ 28/2023 следует рассматривать не изолированно, а как составную часть общего правового поля, регулирующего вопросы внутреннего контроля в организации.

В таблице 2 нами сгруппированы основные нововведения в процедуре проведения инвентаризации активов и обязательств в условиях применения ФСБУ 28/2023 «Инвентаризация».

Таблица 2
Нововведения инвентаризации по ФСБУ 28/2023 «Инвентаризация»

Table 2
Inventory Innovations under FSBU 28/2023 «Inventory»

№	Область изменения	Что было ранее (или не было)	Что меняется по ФСБУ 28/2023
1	Институциональная организация инвентаризационной комиссии	Отсутствовала нормативно закреплённая количественная определённость кворума, что порождало неопределённость легитимности решений и вариативность практик формирования комиссий	Внедрение формализованного критерия кворума (≥80 % состава) как меры обеспечения репрезентативности и объективности контрольных процедур. Установлены исключения для микропредприятий (≤ 2 чел.), а также допущена параллельная работа нескольких комиссий, что отражает переход к дифференцированному и децентрализованному контролю в зависимости от масштаба и структуры активов
2	Методы верификации фактического наличия активов	Исключительно натуральные способы (пересчет, взвешивание, обмер), ограниченные физической доступностью объектов и человеческим фактором, что сужало доказательную базу в условиях территориальной распределённости или труднодоступности активов	Легализация фото- и видеодокументирования как альтернативного (и в ряде случаев приоритетного) способа фиксации наличия, что знаменует диверсификацию инструментария контрольных процедур, внедрение элементов дистанционного мониторинга и повышение достоверности доказательств за счет цифровых следов (метаданных)
3	Документальное оформление результатов	Жесткая регламентация унифицированными формами Госкомстата (№ ИНВ), что ограничивало адаптивность учетной политики и затрудняло интеграцию специфических аналитических признаков	Переход к самостоятельному конструированию первичных учетных документов организацией, что реализует принцип гибкости учетной политики и позволяет учитывать отраслевую специфику, одновременно повышая ответственность за содержание и достоверность формируемой информации
4	Периодичность инвентаризационных проверок	Установлена обязательная ежегодная инвентаризация перед составлением отчетности с ужесточением периодичности для отдельных видов активов (как правило, наиболее ликвидных или подверженных рискам)	Введена возможность снижения частоты инвентаризаций для отдельных групп основных средств при условии наличия альтернативных механизмов контроля, обеспечивающих сохранность и достоверность учета. Это отражает переход к риск-ориентированному и системно-аналитическому подходу, где периодичность определяется не формальным предписанием, а уровнем внутреннего контроля и доверием к учетным данным
5	Момент признания результатов инвентаризации в учете	Практика привязки к дате утверждения (подписания) актов, что создавало временной лаг между событием и его отражением и искажало информацию за отчетный период	Установлен принцип приоритета содержания над формой: результаты признаются в том отчетном периоде, к которому относится фактическая дата проведения инвентаризации, независимо от даты оформления. Одновременно нормативно закреплён порядок зачета пересортицы как инструмента минимизации налоговых и учетных искажений, что повышает релевантность и своевременность отчетной информации

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что вступление в силу ФСБУ 28/2023 «Инвентаризация» знаменует собой качественно новый этап в развитии российского бухгалтерского учета. От разрозненных, зачастую устаревших методических рекомендаций законодатель перешел к системному федеральному стандарту, интегрированному в общую концепцию бухгалтерского регулирования [2].

Ключевые изменения, привнесенные стандартом, можно сгруппировать по нескольким направлениям. Во-первых, это формирование единого понятийного аппарата, устраняющего многолетнюю неопределенность в трактовке базовых терминов [16]. Во-вторых, расширение перечня случаев обязательной инвентаризации с одновременным предоставлением разумных исключений для обычной деятельности. В-третьих, легализация альтернативных способов проведения инвентаризации, включая дистанционные и с применением фото- и видеосъемки, что особенно актуально в условиях цифровизации экономики.

Четвертое направление изменений — трансформация подходов к формированию инвентаризационных комиссий, предоставляющая организациям большую гибкость при сохранении требований к объективности и кворуму. Пятое и, возможно, наиболее важное — пересмотр подходов к оценке и квалификации результатов инвентаризации, ориентированный не на формальное выявление расхождений, а на анализ состояния активов и корректности их учета.

Наконец, концептуальное переосмысление роли инвентаризации как инструмента внутреннего контроля, интегрированного в текущую деятельность, а не изолированного мероприятия, задает новую парадигму организации учетной работы. Инвентаризация перестает быть обременительной обязанностью, выполняемой «для галочки», и превращается в действенный механизм обеспечения достоверности учетной информации [15].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как справедливо отмечают авторы научных исследований, посвященных ФСБУ 28/2023, для корректного применения стандарта и распространения практик его реализации целесообразна разработка соответствующих рекомендаций саморегулируемыми организациями [16]. Это позволит нивелировать возможные разночтения и обеспечит единообразие подходов к инвентаризации в различных отраслях и типах организаций.

Проведенное исследование позволяет сделать несколько ключевых выводов, отражающих как теоретическую значимость, так и практическую ценность принятия ФСБУ 28/2023 «Инвентаризация».

1. Эволюция от рекомендаций к обязательному стандарту. Вступление в силу ФСБУ 28/2023 устранило многолетнюю правовую неопределенность: инвентаризация впервые получила статус процедуры, регулируемой федеральным стандартом прямого действия. Это повышает качество доказательной базы при разрешении спорных ситуаций и обеспечивает единообразие практики применения.
2. Концептуальное расширение понятийного аппарата и объектов. Стандарт легализовал ключевые термины («фактическое наличие», «объекты инвентаризации», «материально ответственные лица»), а также включил в состав объектов незабалансированные активы и неучтенные ранее обязательства, что усиливает полноту контроля.
3. Новые случаи обязательной инвентаризации. Помимо традиционных оснований (годовая отчетность, смена МОЛ, хищения, ЧС), стандарт требует инвентаризации при передаче активов в управление, аренду или безвозмездное пользование, а также при их возврате. Исключение для обычной деятельности снижает административную нагрузку.
4. Альтернативные способы фиксации и гибкость документооборота. Легализация фото- и видеосъемки, а также отказ от унифицированных форм первичных документов позволяют адаптировать инвентаризацию к цифровой среде, удаленной работе и труднодоступным активам. Организации вправе разрабатывать собственные описи и акты, закрепляя их в учетной политике.
5. Трансформация инвентаризации в инструмент внутреннего контроля. Наиболее значимый концептуальный сдвиг — интеграция инвентаризации в систему текущего контроля, а не проведение ее в виде разового мероприятия. Это предполагает анализ причин недостатков, разработку превентивных мер, а также возможность распределения контрольных процедур во времени (например, более редкая проверка отдельных групп ОС при альтернативных способах обеспечения сохранности).
6. Практические изменения в процедуре. Введение обязательного кворума (не менее 80 % членов комиссии), возможность создания нескольких комиссий, привлечения внешних экспертов, а также уточнение порядка оценки излишков (по справедливой или балансовой стоимости) и списания недостатков — все это повышает объективность и достоверность результатов.

Для успешного применения ФСБУ 28/2023 организациям необходимо актуализировать учетную политику: утвердить собственные формы документов, определить порядок использования фото- и видеосъемки, установить

правила формирования комиссий и сроки проведения инвентаризаций с учетом отраслевой специфики. Целесообразно разработать отдельное Положение об инвентаризации, не перегружая текст учетной политики.

Таким образом, ФСБУ 28/2023 знаменует собой не просто смену инструкций, а смену парадигмы: от формальной сверки наличия к аналитическому инструменту управления активами и рисками, что соответствует лучшим международным практикам и требованиям цифровой экономики.

Остается добавить, что ФСБУ 28/2023 — это не просто новый набор правил. Это отражение эволюции бухгалтерской мысли, стремление к гармонизации с международными подходами при сохранении национальной специфики. Для преподавателей и профессоров, готовящих новое поколение бухгалтеров, понимание этих изменений становится не просто профессиональной необходимостью, а важным элементом формирования современного экономического мышления у студентов.

Вклад авторов

Г. С. Клычова: разработка концепции, курирование данных, административное руководство исследовательским проектом, научное руководство.

Р. И. Нуриева: курирование данных, формальный анализ, проведение исследования, написание черновика рукописи.

А. Т. Исхаков: административное руководство исследовательским проектом, валидация результатов, написание рукописи — рецензирование и редактирование.

Contributions

G. S. Klychova: conceptualization, data curation, project administration, supervision.

R. I. Nuriyeva: data curation, formal analysis, investigation.

A. T. Iskhakov: project administration, validation, writing — review & editing.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Копылова Е.К., Копылова Т.И. Анализ структуры и содержания ФСБУ 28/2023 «Инвентаризация». *Международный бухгалтерский учет*. 2023;26(7):769-790. <https://doi.org/10.24891/ia.26.7.769> EDN VQXIXR
Kopylova E.K., Kopylova T.I. Federal accounting standard FSBU 28/2023 - taking inventory: an analysis of the structure and content. *International Accounting*. 2023;26(7):769-790. (In Russ.) <https://doi.org/10.24891/ia.26.7.769> EDN VQXIXR
- Голова Е.Е. ФСБУ 28/2023 «Инвентаризация»: новые правила проведения инвентаризации. *Экономика и бизнес: теория и практика*. 2024;3(1):98-101. <https://doi.org/10.24412/2411-0450-2024-3-1-98-101> EDN IVKTOC
Golova E.E. FSBU 28/2023 "Inventory": new rules for conducting inventory. *Economics and Business: Theory and Practice*. 2024;3(1):98-101. (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2411-0450-2024-3-1-98-101> EDN IVKTOC
- Никитина А.А., Мухаметзянова Э.Р. Бухгалтерский учет инвентаризации. *Управленческий учет*. 2025;(1):114-120. EDN JGALZU
Nikitina A.A., Mukhametzyanova E.R. Inventory accounting. *Management Accounting*. 2025;(1):114-120. (In Russ.) EDN JGALZU
- Морунов В.В. Инвентаризация как способ обеспечения качества учетной информации в соответствии с нормами законодательства о бухгалтерском учете. *Управленческий учет*. 2023;(4):397-402. <https://doi.org/10.25806/uu42023397-402> EDN JUKOMY
Morunov V.V. Inventory as a way to ensure the quality of accounting information in accordance with regulations legislation on accounting. *Management Accounting*. 2023;(4):397-402. (In Russ.) <https://doi.org/10.25806/uu42023397-402> EDN JUKOMY
- Остаев Г.Я., Клычова Г.С., Шляпникова Е.А., и др. Особенности документального оформления фактов хозяйственной жизни по приобретению, переоценке и списанию нематериальных активов. *Международный бухгалтерский учет*. 2023;26(6):668-691. <https://doi.org/10.24891/ia.26.6.668> EDN AXBYFP
Ostaev G.Ya., Klychova G.S., Shlyapnikova E.A., et al. Particularities of documenting the accounting events on intangible-asset acquisition, revaluation and write-off. *International Accounting*. 2023;26(6):668-691. (In Russ.) <https://doi.org/10.24891/ia.26.6.668> EDN AXBYFP
- Vagin S.G., Kostyukova E.I., Spiridonova N.E., et al. Financial Risk Management Based on Corporate Social Responsibility in the Interests of Sustainable Development. *Risks*. 2022;10(2):35. <https://doi.org/10.3390/risks10020035> EDN EJNPCA

7. Bobryshev A.N., Agafonova N.P., Zargaryan N.R., et al. Formation of financial and management reporting of Russian Agricultural Universities: experience and methodology. *Innovations in Sustainable Agricultural Systems, Agriculture 4.0 and Precision Agriculture. Volume 1: Conference Proceedings*. Stavropol, Russia — Samarkand, Uzbekistan, March 5–6, 2025. Cham : Springer Nature Switzerland AG; 2026.493-504. https://doi.org/10.1007/978-3-031-94098-9_48 EDN QAXWWS
8. Клычова Г.С., Нуриева Р.И. Методологические особенности формирования бухгалтерской отчетности в условиях применения ФСБУ 4/2023 и МСФО (IAS) 1. *Международный бухгалтерский учет*. 2026;29(3):20-36. <https://doi.org/10.24891/qlojem> EDN QLOJEM
Klychova G.S., Nurieva R.I. Methodological features of the formation of financial statements under the application of FSBU 4/2023 and IAS 1. *International Accounting*. 2026;29(3):20-36. (In Russ.) <https://doi.org/10.24891/qlojem> EDN QLOJEM
9. Bobryshev A., Chaykovskaya L., Erokhin V., et al. Sustaining growth or boosting profit: Accounting tools under process-based management in a transition economy. *Journal of Risk and Financial Management*. 2023;16(2):92. <https://doi.org/10.3390/jrfm16020092> EDN WGUYQD
10. Khoruzhy L.I., Katkov Yu.N., Khoruzhy V.I., et al. Model of a cybernetic internal control system for provisioning inter-organisational management accounting of agricultural organisations. *Procedia Environmental Science, Engineering and Management*. 2022;9(1):257-266. EDN ZBRBQI
11. Bychkova S.M., Mikhaylova Zh.V. Financial transparency of economic activity as a principle of corporate management of agricultural enterprises // *Sustainable Development of the Agrarian Economy Based on Digital Technologies and Smart Innovation*. Cham: Springer; 2024.115-120. https://doi.org/10.1007/978-3-031-51272-8_20 EDN KUFHZZ
12. Алборов Р.А., Ардашева Г.Н., Алборов Г.Р., и др. Инвентаризация активов и обязательств в соответствии с ФСБУ 28/2023 «Инвентаризация». *Бухучет в сельском хозяйстве*. 2024;(2):85-93. <https://doi.org/10.33920/sel-11-2402-02> EDN PCIKTO
Alborov R.A., Ardasheva G.N., Alborov G.R., et al. Inventory of assets and liabilities in accordance with FSBU 28/2023 "Inventory". *Accounting in Agriculture*. 2024;(2):85-93. (In Russ.) <https://doi.org/10.33920/sel-11-2402-02> EDN PCIKTO
13. Kontsevaya S., Alborov R., Kontsevaya S., et al. Techniques of accounting and evaluation of final product manufacturing in minor and medium-size agricultural companies as exemplified by Russian agricultural companies // *Agrarian Perspectives XXVIII. Business Scale in Relation to Economics: Proceedings of the 28th International Scientific Conference*. Prague, September 18–19, 2019. Prague: Czech University of Life Sciences Prague, Faculty of Economics and Management; 2019. 91-97. EDN PETQTK.
14. Клычова Г.С., Исхаков А.Т., Каримуллина А.И. Сравнительная характеристика применяемых методов оценки и учета незавершенного производства в отечественной и международной практике. *Международный бухгалтерский учет*. 2022;25(5(491)):520-535. <https://doi.org/10.24891/ia.25.5.520> EDN VICIYT
Klychova G.S., Iskhakov A.T., Karimullina A.I. A comparative analysis of the applied WIP evaluation and accounting methods in Russian and international practices. *International Accounting*. 2022;25(5):520-535. (In Russ.) <https://doi.org/10.24891/ia.25.5.520> EDN VICIYT
15. Торосян А.Г. К вопросу об отдельных положениях проведения инвентаризации в АО в соответствии с ФСБУ 28/2023. *Стратегии устойчивого развития: социальные, экономические и юридические аспекты : материалы V Всероссийской научно-практической конференции*. Чебоксары, 18 декабря 2024 года. Чебоксары : ИД «Среда»; 2024.182-185. <https://doi.org/10.31483/r-115557>
Torosyan A.G. On the issue of certain provisions for conducting inventory in joint-stock companies in accordance with FSBU 28/2023. *Strategies for Sustainable Development: Social, Economic and Legal Aspects : Proceedings of the V All-Russian Scientific and Practical Conference*. Cheboksary, December 18, 2024. Cheboksary : Publishing House "Sreda"; 2024.182-185. (In Russ.) <https://doi.org/10.31483/r-115557>
16. Дружиловская Т.Ю. Оценка новаций в бухгалтерском учете запасов и основных средств: дискуссионные вопросы и перспективы их решения. *Международный бухгалтерский учет*. 2024;27(8(518)):878-897. <https://doi.org/10.24891/ia.27.8.878>
Druzhilovskaya T.Yu. Assessing innovations in inventory and fixed-asset accounting: controversial issues and prospects for their solution. *International Accounting*. 2024;27(8(518)):878-897. (In Russ.) <https://doi.org/10.24891/ia.27.8.878>

Развитие рынка мяса птицы Российской Федерации на этапе формирования независимого экономического развития

Осипян Самвел Вячеславович

Ставропольский государственный аграрный университет, Ставрополь, Россия

SPIN-код: 9591-2793

vip.samvelsamvel@mail.ru

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Осипян С.В. Развитие рынка мяса птицы РФ на этапе формирования независимого экономического развития. *Исследование проблем экономики и финансов*. 2026;3:334. <https://doi.org/10.31279/REFP-2026-3-334> EDN HYVUGW

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ:

автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

ПОСТУПИЛА: 28.07.2026

ДОРАБОТАНА: 01.09.2026

ПРИНЯТА: 08.09.2026

ОПУБЛИКОВАНА ОНЛАЙН: 30.09.2026

COPYRIGHT: © 2026 Осипян С.В.

АННОТАЦИЯ

В статье исследуются процессы трансформации рынка мяса птицы (РМП) как одного из ключевых агропродовольственных рынков Российской Федерации (РФ) под воздействием процессов экономической суверенизации от импортозамещения 2014 года к технологическому суверенитету 2020-х годов. Объектом исследования выступил РМП РФ за период 2001–2025 гг. Предмет исследования: закономерности, условия формирования РМП РФ на этапе становления независимого экономического развития. Информационную базу составили данные Росстата, Минсельхоза, центра «Агроэкспорт», а также отчеты Национального союза птицеводов. Проблема исследования заключается в структурном противоречии: достижение физической доступности продукции сопровождается сохранением критической зависимости от импортных биологических ресурсов и технологий переработки. Целью статьи является анализ уровня агропродовольственной независимости РФ и выявление структурных барьеров, препятствующих ее абсолютному достижению посредством разработки концептуальной модели влияния факторов суверенного развития на эффективность функционирования рынка и оценки степени локализации производственных цепочек. Методология базируется на системном подходе, который формирует представление об объекте: проведение *PEST*-анализа функционирования РМП РФ и последующий *SWOT*-анализ, который позволяет дать представление о ситуации и указать, в каких направлениях действовать, используя сильные стороны, чтобы максимизировать возможности и свести к минимуму угрозы. Степень воздействия внешних факторов оценивалась высококвалифицированным экспертным сообществом, состоящим из ведущих специалистов, с использованием балльной шкалы. Факторы оценивались по значимости (1–5) и вероятности наступления, что позволило рассчитать интегральный показатель влияния макросреды. Результаты демонстрируют переход от фазы антикризисного импортозамещения к стратегии экспортной экспансии. Выдвинута гипотеза, что ключевым фактором конкурентоспособности выступает не изоляция рынка, а создание замкнутых внутренних технологических циклов. Выводы подчеркивают необходимость смещения фокуса государственной поддержки с количественных показателей на развитие отечественной селекции и ветеринарной фармацевтики для закрепления долгосрочного технологического лидерства РФ на мировых рынках.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: агропродовольственные рынки, птицеводство, рынок мяса птицы, агропромышленный комплекс, агропродовольственная безопасность, импортозамещение, санкционная устойчивость, экономический суверенитет

Poultry meat market development in the Russian Federation during the transition to economic independence

Samvel V. Osipyan

Stavropol State Agrarian University, Stavropol, Russian Federation

vip.samvelsamvel@mail.ru

TO CITE:

Osipyan S.V. Development of the Russian poultry market at the stage of formation of independent economic development. *Research in Economic and Financial Problems*. 2026;3:334. (In Russ.) <https://doi.org/10.31279/REFP-2026-3-334>

DECLARATION OF COMPETING

INTEREST: none declared.

RECEIVED: 28.07.2026

REVISED: 01.09.2026

ACCEPTED: 08.09.2026

PUBLISHED ONLINE: 30.09.2026

COPYRIGHT: © 2026 Osipyan S.V.

ABSTRACT

The article examines the transformation processes of the poultry meat market (PMM) as one of the key agri-food markets in the Russian Federation under the influence of economic sovereignization – from the import substitution policies of 2014 to the pursuit of technological sovereignty in the 2020s. The study examines the Russian poultry meat market over the period 2001–2025, with particular emphasis on the patterns and conditions shaping the Russian PMM during the stage of establishing independent economic development. The informational framework draws on data from Rosstat, the Ministry of Agriculture, the Agroexport Centre, and reports from the National Poultry Union. The core challenge is a structural contradiction: while physical accessibility of products has been achieved, a critical dependence on imported biological resources and processing technologies persists. The aim of the article is to assess Russia's agri-food independence and to identify structural barriers that hinder its complete achievement, by proposing a conceptual model of the influence of sovereign development factors on market efficiency and by evaluating the degree of production-chain localization. The methodology is grounded in a system approach, which shapes a holistic understanding of the object. This includes conducting a PEST analysis of the functioning of the Russian PMM, followed by a SWOT analysis, providing a diagnostic overview of the current situation and indicating strategic directions for action, leveraging strengths to maximize opportunities while minimizing threats. The impact of external factors was assessed by a highly qualified expert community comprising leading specialists, using a scoring scale. Factors were evaluated according to their significance (on a 1-to-5 scale) and probability of occurrence, allowing for the calculating an integral indicator of macro-environmental impact. The results demonstrate a transition from the phase of crisis-driven import substitution towards a strategy of export expansion. A hypothesis is advanced that the key driver of competitiveness lies not in market isolation, but in the establishment of closed-loop domestic technological cycles. The findings underscore the necessity of shifting the focus of state support from quantitative targets towards the development of domestic breeding and veterinary pharmaceuticals, in order to consolidate Russia's long-term technological leadership in global markets.

KEYWORDS: agri-food markets, poultry farming, poultry meat market, agricultural sector, agri-food security, import substitution, sanctions resistance, economic sovereignty

ВВЕДЕНИЕ

Современная геоэкономическая турбулентность трансформировала парадигму развития многих мировых национальных экономик, выдвинув на первый план вопросы хозяйственной независимости. Вопрос обеспечения национальной безопасности неразрывно связан с состоянием агропромышленного комплекса (АПК). Агропродовольственная независимость – это способность государства гарантировать физическую и экономическую доступность населению основных видов продуктов питания в объемах и ассортименте, которые соответствуют установленным рациональным нормам потребления (преимущественно по медицинским нормам и показаниям), за счет собственного производства.

Для Российской Федерации (РФ), обладающей крупнейшим в мире фондом сельскохозяйственных земель, данный вопрос имеет стратегическое значение не только для внутреннего рынка, но и для позиционирования страны как ведущей мировой державы на рынке продовольствия. Достижение самодостаточности именно в агропродовольственной сфере является критическим условием сохранения макроэкономической стабильности и социальной безопасности страны. Несмотря на достижение пороговых значений Доктрины продовольственной безопасности по мясу птицы (уровень самообеспеченности превысил 100 %), отрасль по-прежнему сохраняет уязвимость в сегменте племенного материала и высокотехнологичного оборудования. В данной работе под «устойчивым развитием» понимается не классическая триада ESG-показателей, а способность отраслевой системы сохранять траекторию роста без критических сбоев при разрыве внешних связей. Экономическая суверенизация, в свою очередь, выступает основой формирования данной устойчивости посредством усиления контроля над селекцией, ветеринарными препаратами и машиностроением, что в свою очередь формирует независимую внутреннюю среду, минимизирующую социальные риски, к которым можно отнести дефицит белка и рост рыночных цен. Таким образом, предмет проводимого исследования может быть уточнен как совокупность организационно-экономических механизмов обеспечения долгосрочного устойчивого развития РМП посредством локализации критических узлов создания стоимости.

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что продовольственная безопасность является фундаментом национальной безопасности страны.

Глубокий анализ современной научной литературы по теме проводимого исследования показывает эволю-

цию взглядов на проблему. Если ранее исследователи фокусировались на категории «продовольственная безопасность» как статичном состоянии доступности продуктов питания [1–2], то современные работы смещают акцент на «технологический суверенитет» [3–4]. Существующий научный пробел заключается не просто в дефиците инструментов анализа, а в отсутствии методологии квантифицированной оценки порога суверенизации, за которым количественный рост производства перестает компенсировать технологическую уязвимость отрасли. В отличие от существующих работ, фокусирующихся либо на статике продовольственной безопасности, либо на макроэкономических аспектах технологического суверенитета, данное исследование впервые предлагает измеримый алгоритм перехода агропродовольственного рынка из режима «антикризисного импортозамещения» в режим «экспортоориентированного воспроизводства на собственной базе». Ведь современный этап социально-экономического развития характеризуется беспрецедентным внешним давлением, существенным разрывом глобальных логистических цепочек и необходимостью перехода от количественного импортозамещения к качественному технологическому суверенитету.

Обозначенная проблема актуализируется тем, что импортозависимость от западных стран, вводящих в отношении РФ многочисленные санкционные ограничения и экономические рестрикции, создает определенные риски разрушения производственной цепочки. Именно это в свою очередь обуславливает цель исследования, которая заключается в диагностике и систематизации различного рода факторов, которые в своей совокупности могут обеспечить независимое от внешних обстоятельств формирование рыночной конъюнктуры.

Гипотеза исследования утверждает, что экономический суверенитет в птицеводстве достигается не протекционизмом, а глубокой локализацией критических звеньев создания стоимости (селекция, ветеринария и машиностроение).

Задачи проводимого исследования: проанализировать трансформацию российского рынка мяса птицы (РМП РФ) в 2001–2025 гг., оценить влияние геополитических шоков на РМП, разработать матрицу стратегических действий участников рынка в условиях независимости.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Работа основана на экономической теории национального суверенитета. Для проверки гипотезы использовались диалектический метод и следующие инструменты:

1. **Системно-структурный анализ:** для декомпозиции цепочки и выявления узких мест внешней среды (импорт материалов, кормов, оборудования).
2. **PEST-анализ:** для экспертной оценки факторов макросреды по значимости и вероятности, что позволило рассчитать интегральный показатель влияния внешней среды.
Экспертное оценивание проводилось методом заочного анкетирования в период с 15 марта по 10 апреля 2026 года. В состав панели вошли 12 экспертов: 4 руководителя отраслевых союзов (национальный союз птицеводов), 3 представителя профильных департаментов Минсельхоза, 3 ведущих аналитика инвестиционных компаний АПК и 2 доктора экономических наук, специализирующихся на продовольственной безопасности. Критерии включения в экспертный состав: непрерывный стаж работы в отрасли более 10 лет и наличие публикаций по теме исследования. Оценки агрегировались методом средних взвешенных рангов. Конфликты интересов отсутствовали (эксперты не являлись аффилированными лицами коммерческих структур, чьи показатели анализировались в работе).
3. **SWOT-анализ:** проводился для диагностики текущего состояния и формирования на основе сопоставления сильных и слабых сторон с внешними возможностями и угрозами стратегических направлений развития в контексте глобальной трансформации экономики.

Авторский вклад в разработку исследуемой проблематики, определяющий элементы научной новизны исследования, заключается в следующем:

- 1) Дифференциация уровней независимости. Впервые для РМП РФ предложена трехуровневая модель суверенитета: (I) физический (достигнут – самообеспеченность >100 %); (II) экономический/финансовый (частично достигнут – зависимость от валютной стоимости импортных компонентов); (III) биологический/технологический (целевой уровень исследования).
- 2) Квантифицированная матрица SWOT-ранжирования. В отличие от классического качественного SWOT-анализа введена метрика «потенциал реализации стратегии». Она рассчитывается как произведение ранга значимости фактора на его взаимосвязь с другими факторами (от -1 до +1), что позволило перевести стратегические альтернативы S – O, W – T из описательной плоскости в пло-

скость приоритетов бюджетного финансирования (ранжирование мер господдержки по их мультипликативному эффекту).

- 3) Концептуальная модель «структурно независимого АПК». Разработана блок-схема (рисунок 1), которая доказывает нелинейную связь: инвестиции в селекцию (узел А) сокращают потребность в субсидиях на корма (узел Б), что является новым управленческим знанием для оптимизации государственных программ поддержки.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Проведенный анализ выявил качественную смену вектора развития исследуемой отрасли. Если в период 2014–2020 гг. основной задачей было замещение выпавших объемов импорта из стран ЕС и США (импортзамещение), то начиная с 2022 г. наблюдается формирование избыточного предложения и поиск новых рынков сбыта [5]. Уровень самообеспеченности мясopодуктами превысил 100 % при пороговом значении Доктрины в 85 %¹.

Производство мяса птицы демонстрирует стабильный и устойчивый рост (+3 % год к году), сохраняя относительную ценовую стабильность для населения вопреки инфляционному давлению. Это, в свою очередь, дало мощный толчок к формированию экспортноориентированного вектора развития птицеводства после внутреннего обеспечения продовольствием (рисунок 1).

Выход на рынки дружественных юрисдикций стал прямым следствием реализации стратегии суверенизации. Выручка от экспорта мяса птицы в 2025 году увеличилась на 14 %, достигнув отметки в 820 млн долларов США. Поставки выросли на 8 % в физическом выражении [6]. Ключевыми драйверами роста стали отгрузки в дружественные страны (Китай, Саудовскую Аравию) и расширение географии на страны Африки (Бенин).

Количественными индикаторами достигнутой структурной устойчивости рынка выступает показатель физической доступности – сохранение значительной доли расходов населения на мясо птицы в корзине потребления вопреки общей инфляции, что подтверждает выполнение базовой социальной функции отрасли. Анализ развития агропродовольственного рынка невозможен без учета факторов макросреды, в которой он функционирует [7].

¹ Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации : указ Президента Российской Федерации от 21.01.2020 № 20. (в ред. Указа Президента РФ от 10.03.2025 № 141) [Текст: электронный] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45106> (дата обращения: 16.03.2026).

Рисунок 1

Динамика объемов экспортных поставок мяса птицы из РФ

Источник: составлено автором на основе данных экспертно-аналитического центра Агробизнеса «АБ-центр»².

Figure 1

Dynamics of poultry meat export volumes from Russia

Source: compiled by the author based on data from the Agribusiness Expertise and Analysis Center «AB-Center»².

Один из наиболее распространенных методов проведения анализа макросреды среди экономистов-практиков это метод *PEST*-анализа, который является аббревиатурой следующих факторов внешней среды функционирования предприятия: политические (*P*), экономические (*E*), социально-культурные (*S*) и технологические (*T*).

В контексте проводимого исследования данный вид анализа позволит определить факторы, влияющие на развитие и функционирование РМП. Алгоритм предполагает прохождение этапов: определение переменных – сбор данных – проверка пригодности данных – извлечение факторов – выбор факторов – интерпретация.

После того как все факторы выбраны, необходимо оценить степень влияния каждого из них. Степень влияния фактора оценивалась по шкале от 1 до 5, где 1 – влияние фактора мало, любое изменение фактора практически не влияет на результат; 3 – только значимое изменение фактора влияет на функционирование объекта исследования; 5 – влияние фактора высоко, любые колебания вызывают значимые изменения.

Вторым этапом становится проведение балльной оценки групп факторов с присвоением каждому из них оценки от 0,1 до 1 балла, где 0,1 – это минимальная вероятность изменения фактора внешней среды, а 1 – максимальная. Результаты проведенного *PEST*-анализа макросреды функционирования РМП РФ представлены в таблице 1. Выбор переменных для анализа продиктован спецификой птицеводства как отрасли с самым коротким биологическим циклом в мясном животноводстве. В группу экономических факторов включена динамика цен на аминокислоту лизин (формирующую до 65 % себестоимости премиксов), так как она на 98 % импортируется; в социальные факторы – индекс потребительского доверия к охлажденной продукции глубокой переработки. Технологические факторы дополнены показателем доступности сервисного обслуживания инкубаторов западного производства. Такая детализация позволила выявить, что критическим фактором-катализатором выступает не инфляция сама по себе, а логистическая стоимость ветеринарных биопрепаратов с ограниченным сроком годности (+0,9 балла к итоговому влиянию среды против +0,3 у общей инфляции).

² Официальный сайт экспертно-аналитического центра Агробизнеса «АБ-центр» [Электронный ресурс]. URL: <https://ab-centre.ru/> (дата обращения: 10.05.2026).

Таблица 1
Оценка влияния макроэкономических детерминант на функционирование рынка мяса птицы (по результатам PEST-анализа)

Table 1
Assessing the impact of macroeconomic determinants on the functioning of the poultry meat market (based on the results of PEST analysis)

Фактор внешней среды	Степень важности фактора	Вероятность наступления	Возможность (+), угроза (-)	Результат (+/-)
 ПОЛИТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ				
Государственная поддержка	5	0,4	+	+2
Политика импортозамещения мяса птицы	5	0,3	+/-	+1,5 / -1,5
Взаимодействие производителей и торговли	4	0,3	+/-	+1,2 / -1,2
Итого				+4,7 / -2,7
 ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ				
Уровень инфляции	4	0,2	-	- 0,8
Система налогообложения	5	0,2	+/-	+1 / -1
Уровень доходов населения	4	0,2	+/-	+0,8 / -0,8
Инвестиционный бизнес-климат	4	0,2	+/-	+0,8 / -0,8
Динамика цен на аминокислоту лизин	3	0,1	+/-	+0,3 / -0,3
Обеспеченность квалифицированными кадрами	3	0,1	+	+0,3
Итого				+3,2 / -3,7
 СОЦИАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ				
Численность и структура населения	4	0,2	+/-	+0,8 / -0,8
Уровень образования населения	4	0,2	+	+0,8
Мобильность населения	5	0,2	-	-1
Благоустройство территорий	5	0,2	+/-	+1 / -1
Потребительское доверие к охлажденной продукции	3	0,2	+	+0,6
Итого				+3,2 / -2,8
 ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ				
Внедрение новых технологий, инноваций	5	0,3	+/-	+1,5 / -1,5
Автоматизация технологических процессов	4	0,3	+/-	+1,2 / -1,2
Обеспеченность основными средствами	4	0,2	+	+0,8
Доступность сервиса западного оборудования	5	0,2	+/-	+1 / -1
Итого				+4,5 / -3,7
ВСЕГО 				+15,6 / -12,9

Источник: составлено автором.
Source: compiled by the author.

Исходя из полученных данных, по сумме баллов определяются, какие из представленных факторов оказывают наибольшее влияние на развитие объекта исследования, а какие – наименьшее. В рамках каждой группы факторов также ранжируются по степени влияния каждые отдельные ключевые параметры.

Наряду с макросредой анализируется также сложившаяся рыночная конъюнктура. Одним из наиболее широко используемых и эффективных методов анализа

является SWOT-анализ. Этот инструмент предоставляет возможность получить исчерпывающее и всестороннее представление о текущей ситуации на рынке. Он позволяет выявить ключевые внутренние и внешние факторы, оказывающие влияние на деятельность, и на их основе определить наиболее оптимальные стратегии развития. Основная задача SWOT-анализа заключается в систематизации информации о сильных (*Strengths*) и слабых (*Weaknesses*) сторонах организации, а также о благоприятных возможностях (*Opportunities*) и потенциальных

угрозах (*Threats*) во внешней среде. Тщательное изучение сильных сторон позволяет компании максимально эффективно использовать свои уникальные преимущества и компетенции для достижения поставленных целей [8]. Одновременно с этим определение слабых сторон развития рынка приводит к своевременной идентификации «узких мест» его функционирования и определению областей, требующих разработки комплекса мер по их улучшению. Все это в свою очередь позволяет оперативно отреагировать и предотвратить возможные негативные тенденции внешней среды развития рынка, а также своевременно адаптироваться к происходящим изменениям своего развития.

Исходя из этого можно предположить, что метод SWOT-анализа отрасли, рынка или компании может выступать в качестве одного из действенных инструментов стратегического планирования. Данный метод анализа рынка представляет собой четырехмерную систему, которая в своей совокупности позволяет, с одной стороны, сформировать стратегии, ориентированные на максимальное использование сильных сторон и минимизацию угроз, а с другой – устранить слабые стороны развития, что обеспечит в свою очередь устойчивое развитие в условиях нестабильного рынка. Проведенная работа служит прочной и надежной основой для последующего определения стратегических направлений

ее планомерного и устойчивого развития [9]. Стратегии направлены на усиление конкурентных преимуществ, расширение рыночного присутствия и повышение рентабельности. По методике доктора экономических наук, профессора Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» Сергея Владимировича Мхитаряна [10] методология проведения SWOT-анализа состояния и развития отрасли предполагает последовательную цепочку действий:

1. На **первом этапе** проведения анализа выявляются внутренние (сильные и слабые стороны), а также внешние (возможности и угрозы) факторы, которые гипотетически способны оказать влияние на функционирование объекта исследования (таблица 2).

Проведенный анализ сильных и слабых сторон функционирования исследуемого объекта характеризует внутреннюю среду развития РМП РФ, в то время как имеющиеся возможности и потенциальные угрозы отражают реальное состояние внешней конъюнктуры рынка. Каждый из данных компонентов включает несколько взаимосвязанных составляющих, каждая из которых охватывает набор ключевых производственных, технологических и рыночных процессов. Совокупность этих элементов определяет потенциал устойчивости и конкурентные преимущества отечественного птицеводства на современном этапе развития.

Таблица 2
Систематизация факторов внутренней и внешней среды функционирования рынка мяса птицы в контексте обеспечения экономического суверенитета

Table 2
Systematization of factors of the internal and external environment of the functioning of the poultry meat market in the context of ensuring economic sovereignty

Факторы	SWOT-анализ	
Внутренние	Сильные стороны «S» – <i>STRENGTH</i>	Слабые стороны «W» – <i>Weakness</i>
	1. Низкая себестоимость производства бройлеров, обеспечивающая высокую рентабельность. 2. Короткий производственный цикл, позволяющий оперативно реагировать на рыночный спрос. 3. Высокий уровень автоматизации и механизации производственных процессов, минимизирующий человеческий фактор и повышающий санитарно-гигиенические стандарты	1. Дефицит эффективных отечественных ветпрепаратов против различного типа гриппа птиц. 2. Недостаточно высокий уровень глубокой переработки продукции птицеводства. 3. Недостаточный уровень информированности потребителей о преимуществах отечественной продукции
Внешние	Возможности «O» – <i>OPPORTUNITIES</i>	Угрозы «T» – <i>THREATS</i>
	1. Рост доходов населения, увеличение спроса на продукты здорового питания. 2. Развитие экспорта, освоение новых рынков сбыта. 3. Внедрение IT-технологий производства, селекции, переработки	1. Значительный рост цен на корма, необходимые энергоресурсы, а также ветеринарные препараты. 2. Вспышки опасных заболеваний птиц, а также введение новых санитарных и ветеринарных ограничений на экспорт – экологический фактор (<i>E – Ecological</i>). 3. Ужесточение национального законодательства, технических регламентов (ЕАЭС) и фитосанитарных требований к безопасности пищевой продукции – правовой фактор (<i>L – Legal</i>)

Источник: составлено автором.
Source: compiled by author.

В целом, РМП РФ демонстрирует высокую степень резильентности к потенциальным угрозам внешней среды [11]. Это объясняется тем, что исследуемая подотрасль длительное время функционирует в условиях не только вероятных, но и фактических жестких экономических рестрикций, эпизоотических рисков и волатильности цен. После определения и ранжирования факторов внутренней и внешней среды осуществляется переход ко второму этапу анализа – установлению взаимосвязей между ними для формирования стратегических матриц ($S - O$, $W - T$ и др.) и разработки конкретных сценариев развития отрасли.

2. **Второй этап** анализа заключается в установлении комплексных взаимосвязей между выявленными сильными (S) и слабыми (W) сторонами, а также возможностями (O) и угрозами (T). Эти взаимосвязи критически важны для разработки стратегических направлений развития или нейтрализации негативных тенденций. Процесс установления связей между элементами является основой для формирования обоснованных стратегических решений, как показано в таблице 3. В таблице оценивалась эффективность внутренних (сильные и слабые стороны) и внешних (возможности и угрозы) факторов [12]. Для определения приоритетных направлений развития и диагностики реального состояния оценка показателей проводилась с использованием балльно-рейтинговой системы.

Данная шкала предусматривает ранжирование от 1 до 5, что позволяет достаточно точно отразить как внутреннюю мощь, так и уязвимость, а также потенциал для роста и риски, исходящие из внешней среды.

Следующим шагом в методике анализа является определение значимости каждой из сильных и слабых сторон, а также каждой из возможностей и угроз. Значимость выражается в долях, что позволяет количественно оценить вклад каждого фактора. Сумма значимостей по каждому отдельному компоненту всегда составляет 1, обеспечивая стандартизацию и сопоставимость данных. Для получения более взвешенной и, следовательно, более точной оценки производится умножение значения значимости на ранее присвоенную оценку. Это позволяет учесть не только само наличие фактора, но и его вес в общей структуре анализа.

Далее осуществляется расчет ранга для каждого из проанализированных элементов: каждой сильной стороны, каждой слабой стороны, каждой возможности и каждой угрозы. Этот процесс является нормированием по каждому из компонентов, и он определяется как произведение его значимости на ранее установленную взвешенную оценку. Такое нормирование гарантирует, что сумма рангов по каждому компоненту будет равна 1. Это обеспечивает единообразие и сопоставимость всех элементов анализа, позволяя выявить наиболее влиятельные факторы для дальнейшего планирования и принятия решений.

Таблица 3
Матрица определения рангов значимости факторов внутренней и внешней среды для формирования стратегических альтернатив развития рынка мяса птицы (квантификация SWOT-анализа – расчет рангов)

Table 3
Matrix for determining the ranks of importance of internal and external environmental factors for the formation of strategic alternatives (quantification of SWOT analysis)

Сильные стороны (S)	Значимость (1)	Оценка (2)	Взвешенная оценка (3) = (1) * (2)	Ранг (4) = (1) * (3)	Возможности (O)	Значимость (1)	Оценка (2)	Взвешенная оценка (3) = (1) * (2)	Ранг (4) = (1) * (3)
S ₁	0,5	3	1,5	0,75	O ₁	0,4	2	0,8	0,3
S ₂	0,3	3	0,9	0,2	O ₂	0,3	4	1,2	0,36
S ₃	0,2	3	0,6	0,1	O ₃	0,3	1	0,3	0,3
X	1	x	3,0	1	X	1	x	2,3	1

Слабые стороны (W)	Значимость (1)	Оценка (2)	Взвешенная оценка (3) = (1) * (2)	Ранг (4) = (1) * (3)	Угрозы (T)	Значимость (1)	Оценка (2)	Взвешенная оценка (3) = (1) * (2)	Ранг (4) = (1) * (3)
W ₁	0,4	4	1,6	0,6	T ₁	0,3	4	1,2	0,3
W ₂	0,3	3	0,9	0,2	T ₂	0,4	3	1,2	0,4
W ₃	0,3	3	0,9	0,2	T ₃	0,3	4	1,2	0,3
X	1	x	3,4	1	X	1	x	3,6	1

Источник: составлено автором.
Source: compiled by author.

3. После расчета рангов на **третьем этапе** анализа переходят к расчету потенциала и реализаций. Рассматриваются различные сценарии развития и их влияние на изменение значимости сильных и слабых сторон, а также возможностей и угроз (таблица 4). После получения рангов в данную таблицу построчно заносим все сильные и слабые стороны, а в столбцы таблицы – возможности и угрозы с соответствующими рангами. На пересечении сильных и слабых сторон, возможностей и угроз эксперты проставляют коэффициенты взаимосвязи сильных и слабых сторон с возможностями и угрозами. Они могут меняться от -1 до $+1$. Если коэффициент равен 0 , то связь отсутствует, если ± 1 , то связь максимальная либо минимальная соответственно. Связь сильных сторон с возможностями и слабых с угрозами всегда не отрицательна, а слабых сторон с возможностями и сильных с угрозами – не положительна. Расчет интегрального показателя стратегического потенциала (P) и реализуемости (R) произведен по модифицированной методике [16] путем суммирования произведений рангов внутренних факторов на ранги соответствующих внешних факторов с учетом знака связи (коэффициенты корреляции от -1 до $+1$ взяты из матрицы таблицы 3):

$$R_{s/o} = \sum (Rank_s \times Rank_o \times k);$$

$$R_{s/T} = \sum (Rank_s \times Rank_T \times |k|).$$

Процедура нормирования рангов проведена автором таким образом, чтобы сумма значений внутри каждого квадранта матрицы ($S - O$, $W - T$ и т. д.) равнялась $1,0$ для обеспечения сопоставимости потенциалов различных стратегических групп.

В результате анализа связи внутренних и внешних факторов, оценки потенциала сильных и слабых сторон выяснилось, что:

- наиболее сильной стороной функционирования РМП является низкая себестоимость производства бройлеров, обеспечивающая высокую рентабельность (потенциал $\rightarrow$ MAX);
- следующей по значимости сильной стороной РМП РФ является высокий уровень автоматизации и механизации производственных процессов (средний потенциал);
- и наименее значимой из сильных сторон является короткий производственный цикл (потенциал $\rightarrow$ MIN).

Слабые стороны развития:

- недостаточный уровень глубокой переработки продукции (потенциал $\rightarrow$ MAX);
- далее дефицит отечественных ветпрепаратов против гриппа птиц (средний потенциал);
- и завершающая по значимости сторона – недостаточный уровень информированности потребителей о преимуществах отечественной продукции (потенциал $\rightarrow$ MIN);

Таблица 4

Матрица квантифицированной оценки стратегического потенциала и реализуемости альтернатив развития рынка мяса птицы на основе корреляционного SWOT-анализа (расчет потенциала и реализации)

Table 4

Matrix of quantified assessment of strategic potential and feasibility of alternatives for the development of the poultry market based on correlation SWOT analysis (calculation of potential and implementation)

Сильные и слабые стороны	Ранг	Возможности			Угрозы			Потенциал
		O_1	O_2	O_3	T_1	T_2	T_3	
		0,3	0,3	0,3	0,3	0,4	0,3	
S_1	0,7	0,8	0,8	0,1	-0,6	-0,4	-0,6	-0,061
S_2	0,2	0,8	0,8	0	-0,6	-0,6	-0,6	0,021
S_3	0,1	0,6	0,8	0,1	-0,2	-0,4	-0,4	0,022
W_1	0,6	-0,6	-0,6	-0,2	0,2	0,4	0,4	-0,051
W_2	0,2	-0,8	-0,6	-0,6	0,2	0	0,8	-0,052
W_3	0,2	-0,8	-0,6	-0,8	0,8	0,4	0,8	0,023
Реализация		0,182	-0,062	-0,023	-0,231	-0,021	0,042	X

Источник: составлено автором.

Source: compiled by author.

В этих условиях перед данной агроотраслью открываются следующие возможности:

- рост доходов населения, увеличение спроса на продукты здорового питания (реализация → MAX);
- следующее – это развитие экспорта, освоение новых рынков сбыта (средняя реализация);
- и внедрение инновационных технологий производства, селекции, переработки (реализация → MIN).

Среди угроз для нормального функционирования рынка мяса птицы можно выделить:

- бурный рост цен на корма, энергоресурсы, ветеринарные препараты (реализация → MAX);
- введение новых санитарных и ветеринарных ограничений на экспорт (средняя реализация);
- а также ухудшение эпизоотической ситуации (вспышки опасных заболеваний птиц) (реализация → MIN).

По результатам выявления сильных и слабых сторон функционирования РМП как одного из ключевых агропродовольственных рынков, а также его возможностей и угроз можно сделать вывод о том, что данный сегмент имеет широкие перспективы развития, ведь мясо

птицы остается одним из наиболее доступных широкому слою населения и устойчивых к рискам экономического развития секторов отечественного агропромышленного комплекса и всей экономики страны. Тем не менее существуют некоторые проблемы на пути развития тех или иных отраслей экономики, сельское хозяйство не исключение. Возможные бюрократические проволочки и административные барьеры оцениваются бизнес-сообществом как достаточно серьезные препятствия для ведения деятельности [13].

При определении приоритетных направлений развития РМП и разработке стратегии дальнейшего развития, безусловно, необходимо опираться на проведенный SWOT-анализ развития (таблица 5), который является одним из самых распространенных методов анализа в экономике и позволяет определить причины эффективной или неэффективной работы отрасли, на основании которых делается вывод о том, в каком направлении она должна развиваться. На основе полученных данных разработана авторская матрица стратегических направлений развития РМП (таблица 5), сопоставляющая внутренние компетенции с внешними возможностями.

Таблица 5

Стратегическая матрица развития РМП (SO – ST – WO – WT) на основе сопоставления детерминант в условиях суверенизации

Table 5

Strategic matrix for the development of the RMP (SO – ST – WO – WT) based on a comparison of determinants in the context of sovereignty

Внешние факторы		Внутренние факторы	
		Сильные стороны «S» – STRENGTH	Слабые стороны «W» – Weakness
		1. Низкая себестоимость производства бройлеров, обеспечивающая высокую рентабельность. 2. Короткий производственный цикл, позволяющий оперативно реагировать на рыночный спрос. 3. Высокий уровень автоматизации и механизации производственных процессов, минимизирующий человеческий фактор и повышающий санитарно-гигиенические стандарты	1. Дефицит отечественных ветпрепаратов против гриппа птиц. 2. Недостаточный уровень глубокой переработки продукции. 3. Недостаточный уровень информированности потребителей о преимуществах отечественной продукции
Возможности «O» – OPPORTUNITIES	1. Рост доходов населения, увеличение спроса на продукты здорового питания. 2. Развитие экспорта, освоение новых рынков сбыта. 3. Внедрение инновационных технологий производства, селекции, переработки.	Стратегия при сопоставлении «Сильных сторон» и «Возможностей» – S – O действия. S – O действия являются стратегиями роста, представляют мероприятия, использующие сильные стороны для охвата каждой из возможностей. Проанализировав сильные стороны и возможности, можно предложить реализацию стратегии агрессивной экспансии на рынки MENA и АСЕАН (крупные зоны роста, Ближний Восток, Северная Африка, Юго-Восточная Азия. Привлекают высоким числом людей и быстрым развитием цифровизации) с продукцией глубокой переработки (готовые кулинарные изделия)	Стратегия при сопоставлении «Слабых сторон» и «Возможностей» – W – O действия. W – O действия являются стратегиями защиты, представляют собой мероприятия или программы, направленные на улучшение, изменение или преодоление «слабых сторон» для использования найденных возможностей. Проанализировав слабые стороны и возможности в составленной таблице SWOT-анализа, можно предложить стратегию создания государственно-частных партнерств для финансирования НИОКР в области геномной селекции (проект «Генофонд»)

Продолжение

Внешние факторы		Внутренние факторы	
		Сильные стороны «S» – STRENGTH	Слабые стороны «W» – Weakness
Угрозы «T» – THREATS	1. Рост цен на корма, энергоресурсы, ветпрепараты. 2. Вспышки заболеваний птиц, а также санитарные ограничения. 3. Ужесточение национального законодательства, технических регламентов (ЕАЭС) и фитосанитарных требований к безопасности продукции	Стратегия при сопоставлении «Сильных сторон» и «Угроз» – S – T действия. S – T действия являются стратегиями защиты и помогают правильно использовать сильные стороны для предотвращения возможных угроз. Проанализировав сильные стороны и угрозы, можно предложить реализацию стратегии использования ценовой гибкости для вытеснения конкурентов (Бразилия, США) при введении ими демпинговых пошлин или субсидий своим производителям	Стратегия при сопоставлении «Слабых сторон» и «Угроз» – W – T действия. W – T действия являются стратегиями защиты и представляют собой мероприятия, направленные на преодоление слабых сторон для предотвращения или минимизации рисков угроз. Проанализировав слабые стороны и угрозы, можно предложить стратегию формирования стратегического резерва генетического материала и строительство заводов полного цикла по производству вакцин внутри РФ

Источник: составлено автором.
Source: compiled by author.

Современное функционирование исследуемого рынка под влиянием факторов экономической суверенизации должно быть предопределено реализацией наиболее сильных возможностей [14], которые обусловлены конкурентными преимуществами данного сектора мясного животноводства АПК с учетом влияния потенциальных угроз. Ответом на вызовы экономической суверенизации и одновременно драйвером роста должен стать разворот производства к конечному потребителю. В современности с ростом популяризации персонализированного питания, которое основано на потреблении здорового питания, с упором на потребление экологически чистой продукции, резко увеличится спрос на продукцию рынка мяса птицы не только в качестве сырья, но и продукта конечного потребления. Однако текущая структура отечественного АПК исторически ориентирована на сырьевую модель (B2B). Следовательно, реали-

зация упомянутых выше сильных возможностей требует трансформации этих базовых преимуществ подотрасли в готовый продукт. Для такого перехода необходимо формирование целостной системы рынка и увеличение объемов сегментов глубокой переработки, прежде всего путем реализации различных программ государственной поддержки. Описанные изменения в структуре потребления и ценностных ориентирах населения формируют качественную трансформацию рыночного спроса. Переориентация потребителей на персонализированное и экологически чистое питание перестает быть исключительно социальным трендом, становясь фактором структурной перестройки АПК.

В этих условиях возникает объективная необходимость адаптации производственных систем к новым запросам, что наглядно иллюстрирует предложенная концептуальная модель (рисунок 2).

Рисунок 2
Блок-схема модели влияния системы внутренних и внешних факторов на функционирование РМП РФ
Источник: составлено автором.
Figure 2
Block diagram of the model of the influence of the system of internal and external factors on the functioning of the Russian Poultry Market
Source: compiled by author.

Именно механизмы государственной поддержки (субсидирование) и научно-технологического прогресса (генетика), заложенные в данную схему, призваны обеспечить выпуск продукции с высокой добавленной стоимостью – от обогащенных микроэлементами полуфабрикатов до охлажденного диетического мяса [15].

Таким образом, удовлетворение запроса на «здоровую пищу» выступает не просто стимулом роста сбыта продукции, но и катализатором практической реализации стратегии экономической суверенизации: наращивание объемов производства под растущий внутренний спрос (продовольственная безопасность) создает необходимую сырьевую базу и масштаб для эффективной экспансии отечественной птицы на внешние рынки (экспорт).

Данная схема отражает описанную в исследовании логику: драйвером роста выступает «экономическая суверенизация», которая через инструменты поддержки (субсидии), технологии и инфраструктуру обеспечивает

«рост объема производства». Конечным результатом этой цепочки становится одновременное достижение внутренней «продовольственной безопасности» и выход на внешние рынки («экспорт»).

Динамика изменения структуры потребления наглядно свидетельствует о качественном сдвиге.

Если говорить об экспортном потенциале мяса птицы РФ в условиях современной геополитической турбулентности, структурной трансформации экономики и переориентации рынков сбыта, то необходимо отметить, что в характеристике мирового РМП лидирующие позиции занимают такие страны, как Китай и Япония. Рынки указанных стран являются наиболее премиальными и емкими. Среди самых быстрорастущих рынков можно выделить Саудовскую Аравию, ОАЭ, Филиппины и Мексику (рисунок 3).

Здесь также необходимо учитывать немаловажный фактор существующей перспективы для захода российских производителей в нишу «халяль».

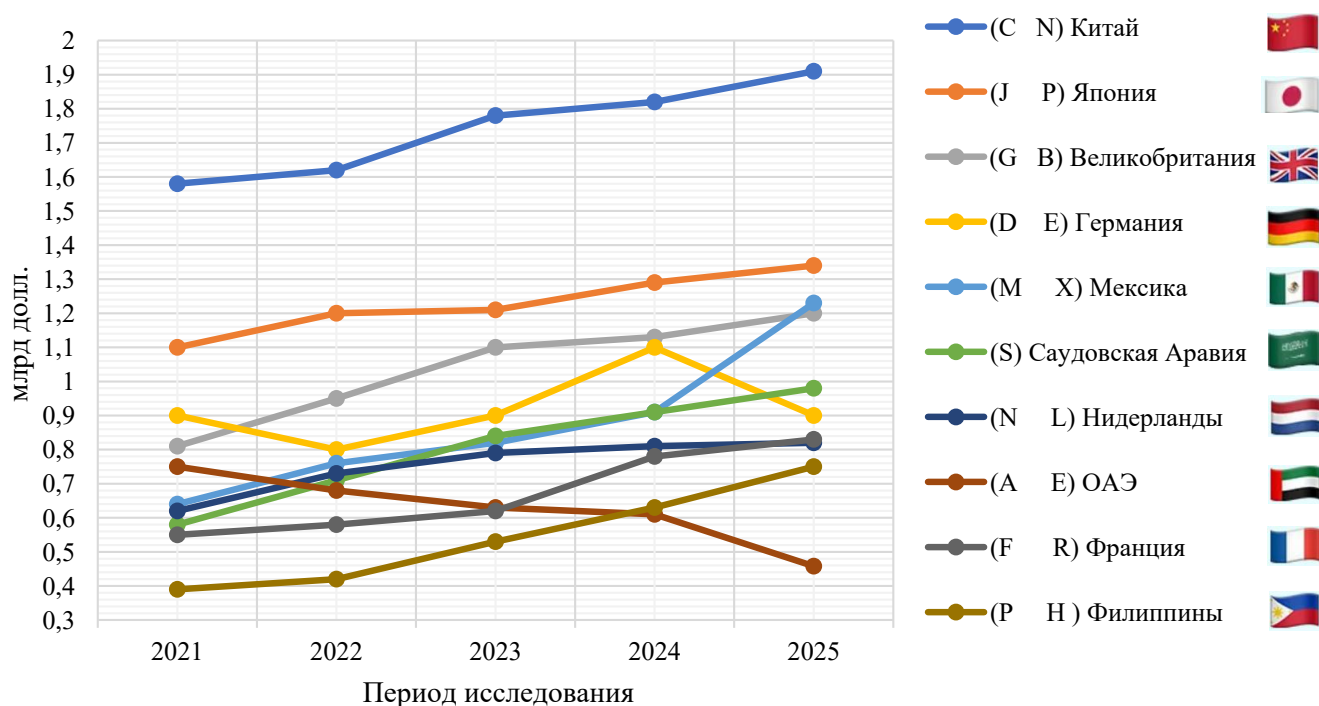

Рисунок 3

Географическое распределение мирового импорта мяса птицы (ТОП-10 мировых стран-покупателей), млрд долл.

Источник: составлено автором на основе данных USDA Foreign Agricultural Service (FAS) [17] ³.

Figure 3

Geographical distribution of global poultry meat imports: (TOP-10 global purchasing countries)

Source: compiled by author based on data from the USDA Foreign Agricultural Service (FAS) [17] ³.

³ U.S. Department of Agriculture. (2026). Foreign Agricultural Service (FAS). [Electronic resource] // Access mode. URL: <https://www.fas.usda.gov> (date of access: 12.07.2026).

ОБСУЖДЕНИЕ

Проведенное исследование позволяет подтвердить рабочую гипотезу о том, что вместо проведения политики «чистого протекционизма», которая заключается в закрытии экономики (это ведет к дефициту и отсталости), необходимо проводить политику по «локализации критически важных узлов», которая предполагает реализацию стратегии обратного инжиниринга критических узлов оборудования с последующей локализацией производства компонентной базы.

Все это, безусловно, требует много времени, финансовых вложений и научно-технологического прогресса, но только на этом пути развития может появиться настоящий контроль над собственной экономикой (экономический суверенитет).

Полученные в ходе исследования данные подтверждают тезис о достижении необходимого уровня продовольственной безопасности и формировании экономического и технологического суверенитета посредством перехода российской экономики к экспортноориентированной модели и проведению «ассертивной» экономической политики. Намеченный вектор развития характеризуется формированием контролируемой взаимозависимости в отличие от классической политики автаркии (полного закрытия), которая может привести к технологическому отставанию и росту издержек. Функционирование российской экономики в современных условиях развития позволяет определить следующее направление: стратегия создания внутренних технологических компетенций является более устойчивой в долгосрочном периоде по сравнению с политикой чистого протекционизма. Если полностью закрыть границы, то страна получит не суверенитет, а риск возникновения структурного дефицита продовольствия на внутреннем рынке: птицефабрики перестанут эффективно функционировать без импортных инкубационных яиц, аминокислот, витаминов и запасных частей для имеющегося оборудования. Полностью закрыться трудно не составляет, но работать эффективно и автономно так долго невозможно. Вместо того, чтобы запрещать ввоз продукции, государству и бизнес-сообществу необходимо находить «узкие» места в производственной цепочке (критические узлы) и вместе с научно-технологическим обеспечением учиться создавать их внутри государства. Применительно объекта исследования статьи такая цепочка может выглядеть следующим образом: генетика (прародительские линии птиц), ветеринарные препараты (вакцины от болезней, улучшающие эпизоотическую обстановку), кормовые компоненты (аминокислоты, витамины, ферменты), оборудование (инкубаторы, системы климат-контроля, убойные ли-

нии), упаковка и логистика. Практически, решение задач на каждом этапе цепочки достигается через государственно-частную модель локализации «критических узлов». Если говорить о финансово-экономическом обосновании мероприятий, то данный подход включает следующие компоненты:

1. Генетика и селекция (создание национального селекционно-генетического центра оценивается положительно в 4–5 млрд рублей государственных средств или частных инвестиций при условии софинансирования государства в размере 25–30 % капитальных затрат, осуществляемого через механизм льготного государственного кредитования). Экономическая эффективность процесса будет выражена в снижении закупочной цены инкубационного яйца, а также устранении возможных валютных рисков.
2. Ветеринарная фармацевтика (строительство производственного комплекса, выпускающего необходимые аминокислоты и вакцины, потребует, по примерным оценкам, вложения около 7 миллиардов рублей). Это позволит локализовать потребность в вакцинах против гриппа птиц, снизив биологическую уязвимость отрасли, оцениваемую потенциальным ущербом в 50–70 млрд руб., при эпизоотии. Естественно, что основным источником финансирования данных мероприятий выступают средства государственного бюджета и различных государственных фондов.
3. Технологии и оборудование. Переход на отечественные линии уоя и переработки потребует инвестиционных субсидий в размере 20–25 % от стоимости оборудования. Риски здесь связаны с дефицитом высокоточных подшипников и микроэлектроники, нивелировать которые предлагается через режимы промышленных сборок. Суммарный мультипликативный эффект от реализации программы суверенизации составит дополнительно несколько п. п. ежегодного прироста ВВП АПК за счет замыкания инвестиционного цикла внутри национальной экономики».

Это значит строительство новых заводов по производству необходимых аминокислот и витаминов; создание в консорциуме с научно-образовательными организациями собственных селекционно-генетических центров, которые будут выводить высокопродуктивные кроссы кур; наладка выпуска собственных вакцин и необходимого в производственном процессе оборудования. Успех РФ в этом направлении заключается в его опыте. Страна почти полностью локализовала производство мяса птицы, обеспечивая себя бройлерами более чем на 100 % именно потому, что вовремя переориентировалась и построила свои мощные комбикормовые заво-

ды и племенные репродукторы. Все это в совокупности при турбулентности внешних условий функционирования дает контроль фундамента технологии, а не только конечного продукта. Кроме того, такой подход делает экономику сильнее в целом: создаются высококвалифицированные рабочие места для ученых-биологов и инженеров, развивается прикладная наука, финансы остаются внутри страны, а экспортировать можно уже не сырье, а готовые технологические решения.

Интерпретация и сценарный анализ.

Интерпретация результатов проведенного методологического анализа посредством проведения *PEST*-анализа развития и функционирования РМП в РФ в условиях обретения национальной экономической независимости показала высокую чувствительность данного сегмента продовольственного сектора АПК к внешним во многом дестабилизирующим факторам развития. Особенно остро существующие тенденции развития экономики проявляются в финансовом секторе (денежно-кредитном обращении). Необходимо отметить, что девальвация рубля приводит к снижению физических объемов производства в краткосрочном периоде из-за удорожания импортных компонентов. Достигнутый физический суверенитет пока не привел к полной финансовой и биологической независимости государства.

Важным результатом исследования стало выявление феномена «структурно-независимого АПК» – социально-экономической и агроэкологической экосистемы, способной к самостоятельному развитию и функционированию благодаря последовательному контролю за результатом и ключевыми технологиями.

Сопоставление наших результатов с зарубежными исследованиями углубляет понимание данных, выявляет общие тенденции и специфические особенности, а также позволяет оценить соответствие мировым научным данным. Это подтверждает релевантность открытий, определяет их место в глобальной научной дискуссии, обогащает интерпретацию выводов и способствует поиску направлений для дальнейших изысканий.

Например, работа И. Изворски и др., опубликованная весной 2023 году, где изложен экономический обзор Европы и Центральной Азии, включающий слабый рост, высокую инфляцию и кризис стоимости жизни, показывает фундаментальную разницу существующих моделей. Если европейский сектор реагировал на торговые барьеры стагнацией и падением маржинальности [18], российский АПК продемонстрировал мобилизационный рост за счет высвобождения рыночных ниш после ухода западных поставщиков. Тем не менее мы согласны с мнением экспертов о том, что без решения вопроса

семенного и генетического фонда любой рост остается уязвимым для внешнего воздействия. В работе М. Адамович [19], исследующей новые формы устойчивого развития в контексте сельскохозяйственного развития, говорится о необходимости адаптации сельского хозяйства и сельских районов как к внутренним изменениям, так и к цивилизационному прогрессу и воздействию глобальной окружающей среды. Также делается вывод о необходимости развивать исследования факторов и способов адаптации и внедрения новых концепций к национальным и региональным условиям. Обретение экономического суверенитета также через призму достижения продовольственной безопасности обуславливает процессы сельскохозяйственного развития в контексте вызовов меняющегося глобального мира и новых подходов к концепции устойчивого развития.

Оценка ресурсного обеспечения стратегических альтернатив.

Предложенные направления развития требуют дифференцированного подхода к финансированию:

1. Геномная селекция и ГЧП. Создание национального центра геномной селекции оценивается в 4,5 млрд руб. Источником финансирования выступит механизм офсетных контрактов (инвестиции в обмен на гарантированный госзаказ племенного материала на 10 лет). Ожидаемый эффект – снижение себестоимости цыпленка на 3 % за счет сокращения падежа благодаря генетической резистентности.
2. Заводы вакцин полного цикла. Капитальные затраты (CAPEX) составляют 6–8 млрд руб. на одну площадку мощностью 100 млн доз. Основным инструментом привлечения средств станет выпуск целевых облигаций под поручительство ВЭБ.РФ. Срок реализации проекта – 3 года. Риск связан с зависимостью от импортного биореакторного оборудования, нивелируемой созданием совместного предприятия с китайскими производителями медтехники.
3. Резерв генетического материала. Формирование криобанка обойдется бюджету в 150 млн руб. ежегодно (операционные расходы OPEX). Стратегическая ценность резерва заключается в предотвращении системного коллапса отрасли при эпизоотии вируса H5N1, потенциальный ущерб от которой Минсельхоз оценивает в 70 млрд руб.
4. Экспортная экспансия. Финансируется преимущественно за счет собственных средств компаний через механизмы льготного кредитования АО «Россельхозбанк». Анализ рисков показывает высокую чувствительность экспортной маржи к стоимости фрахта в Красном море (+15 % логистических издержек при закрытии канала), что требует создания резервного флота-холодильника под российским флагом».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ходе проведения данного исследования были определены факторы внешней и внутренней среды, оказывающие влияние на развитие РМП в РФ; проведен всесторонний и всеобъемлющий анализ функционирования указанного рынка с последующей ранговой оценкой экспертным сообществом всех возможностей и угроз развития, а также сильных и слабых сторон сегмента; формирование на основе оценок и расчетов стратегических и перспективных направлений развития исследуемого объекта; изучены механизмы адаптации РМП к условиям перманентного санкционного давления. В ходе проведения данного исследования были получены следующие верифицированные результаты:

1. На основе PEST-анализа выявлено, что наиболее значимым дестабилизирующим фактором макро-среды является высокий уровень инфляции (интегральный показатель влияния – 0,8 балла), тогда как влияние санкционного давления нивелируется мерами господдержки (+2,0 балла по фактору «Государственная поддержка» в таблице 1).
2. Согласно результатам квантифицированного SWOT-анализа (таблица 3), стратегическим приоритетом № 1 выступает стратегия S – O: использование низкой себестоимости производства для экспансии на рынки MENA и ACEAN (ранг реализации 0,8). Для преодоления возможных угроз развития рекомендуется реализовать две стратегии: W – O действия (стратегия создания государственно-частных партнерств для финансирования НИОКР в области геномной селекции) и S – T действия (стратегия использования ценовой гибкости для вытеснения конкурентов (Бразилия, США) при введении ими демпинговых пошлин или субсидий своим производителям. Стратегия при сопоставлении.

Результаты исследования показали, что стратегия экономической суверенизации имела двуединую направленность: во-первых, на самых первых этапах реализации она позволила восполнить имеющийся внутри страны дефицит животного белка и, во-вторых, сформировать в последующем мощный экспортный потенциал страны, быстро переориентировав экспортные потоки с недружественных западных рынков на восточные

и южные направления, в том числе в рамках договоренностей имеющихся региональных объединений (ЕАЭС, БРИКС, ШОС, АСЕАН).

Результаты проводимого исследования будут иметь важное значение для предприятий животноводства (подотрасли птицеводства), а также разработки стратегий и мер государственной поддержки в условиях усиления экономической суверенизации. Разработанные механизмы и рекомендации могут быть использованы для оптимизации структуры рынка, повышения его устойчивости и конкурентоспособности в условиях усиленной национальной политики и экономической суверенизации. Практическая значимость и ценность заключается в возможности применения предложенных решений для повышения эффективности производства и реализации продукции, формирования благоприятных условий для развития внутреннего спроса, а также для разработки стратегий и программ поддержки отечественного рынка мяса птицы.

Исследование имеет несколько ограничений. Во-первых, значительная и непредсказуемая изменчивость мировых цен на энергоносители существенно влияет на стоимость логистики готовой продукции, что искажает экономические расчеты. Во-вторых, возможна субъективность экспертной оценки ($N = 12$ ведущих специалистов) из-за оптимистичного настроения. В-третьих, разнородность данных за 2001–2025 гг. вызвана изменением классификаторов ВЭД и методик Росстата с 2014 года. Наконец, исследование не включает детальной эконометрической проверки данных, поэтому выявленные взаимосвязи носят качественный характер.

Дальнейшие исследования могут быть направлены на развитие научного потенциала, укрепление внутреннего рынка и экспортной направленности агропродовольственной продукции. В частности, это включает создание системы индикаторов устойчивого функционирования РМП для перехода от линейного контроля к оценке автономности отрасли; эконометрическую проверку гипотезы о влиянии инвестиций на снижение себестоимости; экспертный расчет эффективности модернизации производственных мощностей ветпрепаратов при разных сценариях курса рубля. Успех в этих направлениях укрепит внутренний рынок и повысит международный авторитет России как экспортера продовольствия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Ушачев И.Г., Маслова В.В., Колесников А.В. Нарращивание объемов агропромышленного производства для обеспечения продовольственной безопасности и увеличения экспортного потенциала АПК России. *Экономика региона*. 2022;18(4):1178-1193. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2022-4-15> EDN: VIABUO
Ushachev I.G., Maslova V.V., Kolesnikov A.V. Increasing the volume of agro-industrial production to ensure food security and increase the export potential of the Russian agricultural sector. *Economy of Region*. 2022;18(4):1178-1193. (In Russ.) <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2022-4-15> EDN: VIABUO

2. Закшевский В.Г., Богомолова И.П., Василенко И.Н., и др. Развитие агропродовольственного сектора России в условиях современных вызовов. *Экономика, труд, управление в сельском хозяйстве*. 2025;1(119):20-31. <https://doi.org/10.33938/251-20> EDN: UMWLIV
Zakshevsky V.G., Bogomolova I.P., Vasilenko I.N., et al. Development of the agri-food sector of Russia in the face of modern challenges. *Economics, Labor, and Management in Agriculture*. 2025;1(119):20-31. (In Russ.) <https://doi.org/10.33938/251-20> EDN: UMWLIV
3. Глазьев С.Ю., Медведева О.Е., Савостицкий А.С. Развитие теории пространственной организации экономики на основе энергопроизводственных циклов, кластеров и полюсов роста в контексте шестого технологического уклада. *Проблемы рыночной экономики*. 2026;1:46-59. <https://doi.org/10.33051/2500-2325-2026-1-46-59> EDN: LCAZCQ
Glazyev S.Yu., Medvedeva O.E., Savostitsky A.S. Development of the theory of spatial organization of the economy based on energy production cycles, clusters, and growth poles in the context of the sixth technological paradigm. *Market Economy Problems*. 2026;1:46-59. (In Russ.) <https://doi.org/10.33051/2500-2325-2026-1-46-59> EDN: LCAZCQ
4. Ленчук Е.Б. Технологический суверенитет в фокусе Российской экономической политики. *Научные труды Вольного экономического общества России*. 2025;253(3):421-431. <https://doi.org/10.38197/2072-2060-2025-253-3-421-431> EDN: WPCXMG
Lenchuk E.B. Technological Sovereignty in the Focus of Russian Economic Policy. *Scientific Works of the Free Economic Society of Russia*. 2025;253(3):421-431. (In Russ.) <https://doi.org/10.38197/2072-2060-2025-253-3-421-431> EDN: WPCXMG
5. Кузьмина В.М., Пархомчук М.А. К вопросу укрепления продовольственной безопасности регионов за счет стимулирования импортозамещения. *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент*. 2024;14(5):102-122. <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2024-14-5-102-122> EDN: TCZNNK
Kuzmina V.M., Parkhomchuk M.A. On the issue of strengthening the food security of the regions by stimulating import substitution. *Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics. Sociology. Management*. 2024;14(5):102-122. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2024-14-5-102-122> EDN: TCZNNK
6. Минаков А.В. Проблемы и перспективы импортозамещения на рынке мяса в России. *Экономика и бизнес: теория и практика*. 2025;3(121):202-212. <https://doi.org/10.24412/2411-0450-2025-3-202-212> EDN: WUPYBC
Minakov A.V. Problems and prospects of import substitution in the meat market in Russia. *Economy and Business: Theory and Practice*. 2025;3(121):202-212. (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2411-0450-2025-3-202-212> EDN: WUPYBC
7. Семеко Г.В. Мировой продовольственный рынок: современные вызовы и перспективы. *Экономические и социальные проблемы России*. 2023;1:19-43. <https://doi.org/10.31249/espr/2023.01.01> EDN: ZUDPBH
Semeko G.V. World food market: current challenges and prospects. *Economic and Social Problems of Russia*. 2023;1:19-43. (In Russ.) <https://doi.org/10.31249/espr/2023.01.01> EDN: ZUDPBH
8. Яндарбаева Л.А., Костоева А.А. Сущность рынка: функции и рыночная инфраструктура. *Тенденции развития науки и образования*. 2023;104(7):156-158. <https://doi.org/10.18411/trnio-12-2024-401> EDN: QCWKWX
Yandarbaeva L.A., Kostoeva A.A. The essence of the market: functions and market infrastructure. *Trends in the Development of Science and Education*. 2023;104(7):156-158. (In Russ.) <https://doi.org/10.18411/trnio-12-2024-401> EDN: QCWKWX
9. Лавщенко С.П. Опыт оценки функционирования локальных рынков продовольственных товаров с учетом характера многоформатной инфраструктуры. *Экономика, предпринимательство и право*. 2025;15(6):4151-4166. <https://doi.org/10.18334/epp.15.6.123257> EDN: BXEIWB
Lavshchenko S.P. Assessment of the local food markets, taking into account the multi-format trade infrastructure. *Economics, Entrepreneurship and Law*. 2025;15(6):4151-4166. (In Russ.) <https://doi.org/10.18334/epp.15.6.123257> EDN: BXEIWB
10. Мхитарян С.В., Данченко Л.А. Тренд-сезонные модели с интервенцией как инструмент прогнозирования спроса. *Информационные технологии в экономике и управлении : сборник материалов V Всероссийской научно-практической конференции*. Махачкала, 23–24 ноября 2022 года. Махачкала : Дагестанский государственный технический университет, 2022.44-48. EDN: PXUKZS.
Mkhitarian S.V., Danchenok L.A. Trend-seasonal models with intervention as a tool for demand forecasting. *Information Technologies in Economics and Management: Collection of Materials of the V All-Russian Scientific and Practical Conference*. Makhachkala, November 23–24, 2022. Makhachkala : Dagestan State Technical University, 2022.44-48. (In Russ.) EDN: PXUKZS.
11. Яковенко Н.А., Иваненко И.С. Возможности и ограничения развития рынка мяса и мясной продукции России в условиях санкционного давления. *Аграрный вестник Урала*. 2024;24(04):567-578. <https://doi.org/10.32417/1997-4868-2024-24-04-567-578>

- Yakovenko N.A., Ivanenko I.S. Russian meat and meat products market opportunities and limits under sanctions pressure. *Agrarian Bulletin of the Urals*. 2024;24(04):567-578. (In Russ.) <https://doi.org/10.32417/1997-4868-2024-24-04-567-578>
12. Боровских Н.В. Влияние факторов внешней среды на деятельность птицеводческих предприятий региона. *Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий*. 2024;13(2):68-73. <https://doi.org/10.24412/2225-8264-2024-2-727> EDN: XPDOBT
- Borovskikh N.V. Influence of external environmental factors on the activities of poultry enterprises in the region. *Herald of Siberian Institute of Business and Information Technologies*. 2024;13(2):68-73. (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2225-8264-2024-2-727> EDN: XPDOBT
13. Лясников Н.В., Анищенко А.Н., Романова Ю.А. Угрозы продовольственной безопасности Российской Федерации в условиях нового витка санкционной напряженности. *Продовольственная политика и безопасность*. 2023;10(3):393-408. <https://doi.org/10.18334/ppib.103.118331> EDN: WCBWCY
- Lyasnikov N.V., Anishchenko A.N., Romanova Yu.A. Threats to the food security of the Russian Federation under a new wave of sanctions tensions. *Food Policy and Security*. 2023;10(3):393-408. (In Russ.) <https://doi.org/10.18334/ppib.10.3.118331> EDN: WCBWCY
14. Шлычков В.В., Батайкин П.А., Нестулаева Д.Р. Суверенизация как механизм эффективного обеспечения экономической безопасности России в условиях усиления геополитической и геоэкономической турбулентностей. *Экономика и управление*. 2024;30(8):972-986. <https://doi.org/10.35854/1998-1627-2024-8-972-986> EDN: RNXABR
- Shlychkov V.V., Bataykin P.A., Nestulaeva D.R. Sovereignization as a mechanism of effective economic security of Russia in the context of increasing geopolitical and geo-economic turbulence. *Economics and Management*. 2024;30(8):972-986. (In Russ.) <https://doi.org/10.35854/1998-1627-2024-8-972-986> EDN: RNXABR
15. Дохолян С.В. Экономический суверенитет и качество жизни в современной России (2014-2024): диалектика взаимосвязи и социальные эффекты. *Экономика и управление*. 2025;31(8):1040-1054. <https://doi.org/10.35854/1998-1627-2025-8-1040-1054> EDN: FDBLYE
- Dokholyan S.V. Economic sovereignty and quality of life in modern Russia (2014–2024): The dialectics of interconnection and social effects. *Economics and Management*. 2025;31(8):1040-1054. (In Russ.) <https://doi.org/10.35854/1998-1627-2025-8-1040-1054> EDN: FDBLYE
16. Митяков С.Н., Митяков Е.С., Ладынин А.И., и др. Инструментарий оценки импортозамещения экономических систем различных иерархических уровней. *Проблемы прогнозирования*. 2025;2(209):74-85. <https://doi.org/10.47711/0868-6351-209-74-85> EDN: EHRTDJ
- Mityakov S.N., Mityakov E.S., Ladynin A.I., et al. Toolkit for assessing import substitution in economic systems at various hierarchical levels. *Studies on Russian Economic Development*. 2025;2(209):74-85. (In Russ.) <https://doi.org/10.47711/0868-6351-209-74-85> EDN: EHRTDJ
17. Amalbekova G.Y., Tanatova A.R., Moldasheva A.B., et al. Analysis of the domestic poultry competitiveness. *Bulletin of Toraigrov University*. 2024;4:48-61. <https://doi.org/10.48081/OAGW4092> EDN: ZUYGXD
18. Izvorski I., Lokshin M., Norfleet J.R.R., et al. *Europe and Central Asia Economic Update, Spring 2023: Weak Growth, High Inflation, and a Cost-of-Living Crisis*. Washington: The World Bank, 2023. <https://doi.org/10.1596/978-1-4648-1982-7>
19. Adamowicz M. New forms of sustainability in the context of agricultural development. *Journal of Agricultural Research*. 2022;7:2. <https://doi.org/10.23880/oajar-16000289>

